

ЕЛЕНА ДОЛГОВА

ГЕОНИЯ

ТРИЛОГИЯ

Елена Долгова
Геония. Трилогия

«Издательские решения»

Долгова Е.

Геония. Трилогия / Е. Долгова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904586-7

Геония — мир, столетия назад заселенный колонистами с Земли, а теперь разделенный конфликтом. Псионики — люди, дар которых связан с древней загадкой планеты. Легендарная Аномалия — горная территория, с которой никто не вернулся живым. Борьба за раскрытие тайны Аномалии начинается. Романы «Центурион» и «Мастер Миража» в новой авторской версии. Роман «Предсказатели» публикуется впервые.

ISBN 978-5-44-904586-7

© Долгова Е.

© Издательские решения

Содержание

ЦЕНТУРИОН	7
Пролог	7
Часть первая. Свободная Каленусия	9
Глава 1. Септимус	9
Глава 2. Алекс Дезет	20
Глава 3. Белочка	33
Глава 4. Иеремия, Мюф	42
Глава 5. Готовятся	47
Часть вторая. Горы Янга	52
Глава 6. Сомнения	52
Глава 7. Преодоление неизвестности	58
Глава 8. Хмурики приходят	63
Глава 9. Дохлая вечность	71
Глава 10. Все запутывается окончательно	76
Глава 11. Бунт	83
Глава 12. Полевая философия	87
Глава 13. Неясное проясняется	90
Глава 14. Охота	97
Глава 15. Финал под шорох крысиных лапок	102
Часть третья. Последствия	113
Глава 16. Дымы отечества	113
Глава 17. Лавры, тернии, звезда	123
Глава 18. Полет Стрижа	131
Глава 19. Чужая земля	138
Глава 20. Контур проблемы	145
Глава 21. Хэри	149
Глава 22. Любительская акция на двоих	153
Глава 23. Бегство натуралистов	159
Глава 24. Сердцевина и черви	166
Глава 25. «Стрела, летящая в ночи»	175
Глава 26. Contra spem3	179
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Геония Трилогия

Елена Долгова

Иллюстратор Илья Николаевич Занковский

Иллюстратор Den Xenon

© Елена Долгова, 2018

© Илья Николаевич Занковский, иллюстрации, 2018

© Den Xenon, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-4586-7

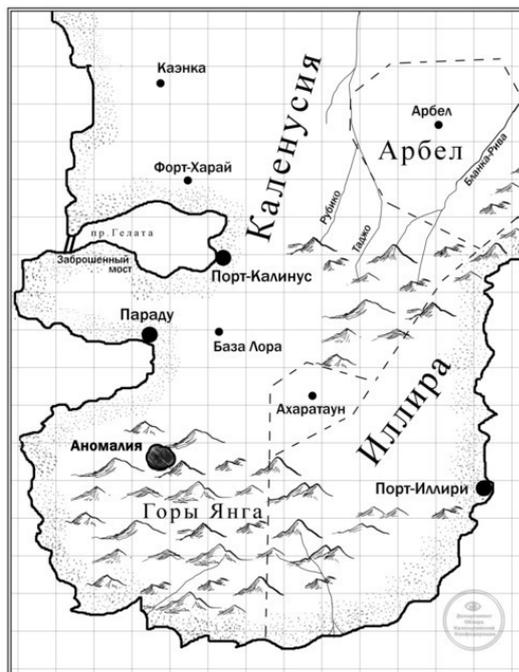
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражаю благодарность
за помощь и поддержку моим друзьям:
Марии Воробьевой,
Борису Толчинскому,
Данилу Кучину,
Инне, Гере.

Сайт автора – <http://dolgova.org>

Подарочный вариант этой книги в твердом переплете можно приобрести, отправив заявку по адресу: elena@dolgova.org

КАРТА ГЕОНИИ
КВАДРАТ 1-1

ЦЕНТУРИОН

*Не дано увидеть те силы
которые позволено только ощущать.
Анупей*

Пролог

Легкий северный ветерок отпел свое еще ночью, так и не сумев разогнать плотный туман. Белесые жгуты и космы оплели гигантский монолитный обломок, сотни лет назад застрявший между скал, сами скалы, крошево мелкого камня и маленький бункер, прилепившийся к монолиту.

Покой. Сырость. Неподатливый, тяжелый камень. Белая мгла. Молчание.

Тот, кого называли «Второй», повернул штурвал, отворил стальную дверь, выглянул наружу, вдохнул влажный воздух. Молочная пелена скрыла горизонт – камень-основание словно завис в мутной, желеобразной пустоте. Человек постоял немного, справляясь с привычной неловкостью: за месяцы жизни в горах он так и не сумел поверить в надежность висячего камня. В месиве молочного цвета чернел шест мачты. Второй подошел поближе, личным жетоном открыл крышку в массивном основании, склонился над осветившимися шкалами приборов. В этот миг призывно пискнул уником.

– Слушаю, Первый.

– Проблемы?

– Да как сказать. Тебе не снились сегодня кошмары? У нас тут зашкалила фоновая психическая активность.

– Индикатор сломался?

– Нет.

– Так не стой там – возвращайся.

– Сейчас...

Второй сделал шаг к бункеру и остановился. «Я забыл закрыть крышку». Человек повернулся, прикрыл мягко мерцающий индикатор стальным щитком, убрал жетон из щели. «Теперь все».

Второй преодолел половину короткого пути к бункеру, беспокойство почему-то не отпускало. Он оглянулся – стальной щиток крышки так и остался открытым, полыхал рубином аварийный индикатор, в щели сиротливо торчала забытый жетон. «Туман, будь он проклят. Я сам не свой от тумана и этого повисшего над миром камня...»

Второй вернулся к мачте. Закрыл. Защелкнул. Вынул жетон. Положил в нагрудный карман куртки. Отошел. Оглянулся.

Жетон торчал в щели.

– Первый, Первый! Красная тревога! У меня устойчивая пси-наводка!

– Что?! Нуньес, брось все возвращайся. Назад, быстро!!!

– Мне плохо... потеря ориентации.

– В бункер!

– Куда? Я не вижу...

– Держись, я сейчас выйду и помогу тебе.

– Поздно, командир... Бесполезно. Прощай. И... не... открывай. Мне.

Первый потрясенно замолчал в стальном чреве бункера, прислушиваясь к сумбуру треску помех в уникеме.

– Второй!

Молчание.

– Нуњес, ты меня слышишь? Ты можешь говорить?

Тишина сменилась слабым скрежетом, кто-то острым предметом царапал броню двери.

– Это ты, Второй?..

Скрежет прекратился.

Первый нерешительно дотронулся до замка. Звуки извне почти не проникали в бункер, уником издавал словно бы частое, прерывистое дыхание.

– Нуњес?

Невидимое существо коротко всхлипнуло.

– Держись, друг, я открываю.

Первый повернул гладкий, холодный круг штурвала, отворил тяжелую дверь.

Пусто. Струи тумана клубятся меж острых камней.

Человек помялся на пороге, потом, сам не зная, зачем, вытащил пистолет, взвесил на руке привычную тяжесть оружия.

– Все в порядке. Выходи, Нуњес.

Никого. Первый постоял еще, с удивлением посмотрел на собственный пистолет, дотронулся левой рукой до сухого, горячего лба – захотелось шагнуть в рыхлую белизну, навстречу влажной, мягкой, освежающей прохладе. В конце концов, зачем стоять на месте – надо найти Второго. Нельзя позволить Второму просто так, одному, бродить в тумане...

Первый сделал шаг. Еще один осторожный шаг... Сделать третий шаг он уже не успел.

Часть первая. Свободная Каленусия

Глава 1. Септимус

Каленусийская Конфедерация. Порт-Калинус.

Штаб-квартира Департамента Обзора

Бухта, формой напоминая копыто, глубоко врезалась в каменистый, источенный штормами западный берег. Порт-Калинус, словно подкова, охватывал эту бухту.

Столица Каленусии не манила путешественника ни прелестями морского курорта, ни тихим комфортом материковых городков. Здесь билось бюрократическое сердце Конфедерации. Дворец Сената, Калинус-Холл, напоминал руку с пальцем, устремленным в задернутое городской дымкой небо. Чистейшие улицы были размечены с геометрической точностью. Квартал Департаментов, наполненный чиновниками улей, занимал в центре Порт-Калинуса идеально ровный квадрат. Дорогие костюмы гражданских чиновников смешивались с экзотическими, подчеркнута небрежными хламидами интеллектуальной элиты, робы техников – с удобными серыми мундирами специальных Департаментов.

Здание Администрации Департамента Обзора довлело над кварталом, этот архитектурный скандал, приютивший «наблюдателей», возводили по проекту модного архитектора Финтиана. Финтиан, который носил ежик зеленоватых волос, был худ и желчен, так разяснял идею проекта закадычному другу:

– Наше общество, Монти, жаждет свободы. Стремление к свободе у нас, каленусийцев, в крови. Носитель власти лишен возможности радоваться естественному ходу вещей, становясь средством поддержания этой естественности. Чем выше власть, тем меньше способных к истинному самоотречению. Отказавшийся от власти – свободен...

Собеседник архитектора растеряно вертел головой, прикидывая, в каком углу пристроен пси-детектор – лояльность эмоций посетителей кабаков подлежала контролю.

– Но, Финти...

– Никаких «но». Чем больше у тебя власти – тем меньше свободы.

Несчастный Монти ежился, в душе проклиная пьяную знаменитость...

Ориентировка на архитектора Финтиана попала в кибер-сеть Департамента Обзора спустя всего три часа. Шеф Департамента (псевдоним – «Фантом»), только махнул рукой, сочтя болтуна неопасным, и архитектурный проект мятежного духом модерниста – ступенчатая пирамида – был принят Департаментом не без сдержанного удовольствия.

Каждый ярус громоздился все выше. Шахты скоростных лифтов пронизывали Администрацию насквозь, подъемники гудели, исправно возили деловитых сотрудников, ступенчатые бока архитектурного монстра чуть заметно вибрировали, блистали стеклом, красовались матовым металлом.

В тот день, который положил начало истории о большой каленусийской ментальной Аномалии, на восемнадцатом ярусе пирамидального офиса, в небольшом кабинете, у монитора кибер-сети сидели двое – долговязый Септимус Хиллориан, полковник в серой форме наблюдателя и его помощник – молодой деловитый парень в коричневой робе технического специалиста.

Усталый полковник встал, потянулся с хрустом, отодвинул изящный стул и прошелся по кабинету.

– Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Разум Мира воззовет прошедшее на потребу себе.

– Откуда это?

– Сентенция древних.

– Пора пить кофе – вот моя сентенция.

– Идите, Аксель, идите не задерживайтесь. Я побуду один – мне надо сосредоточиться. Полковник Хиллориан подождал, пока деловитая коричневая спина помощника скроется, и сунул пачку чистой бумаги в чрево канцелярского кибера.

– Твердую копию.

Кибер сердито застрекотал, плюнул новыми документами. Полковник склонил над бумагами коротко стриженую, с проседью голову, умное худое лицо приобрело отрешенное выражение.

* * *

Секретно.

Протокол кибер-брифинга отделов Департамента Обзора

Шеф Департамента («Фантом»): Внимание, вы знаете, зачем мы собрались, время не ждет, займите места за терминалами.

(пауза...)

Фантом: Все на месте? Пошлите сигналы идентификации. Так... Все в порядке. Слово отделу отдел геофизического пси.

Шеф отдела геофизического пси («Геолог»): Шесть часов назад мы получили сообщение о нарушении связи с наземным стационарным пунктом пси-наблюдения RP-735. Напоминаю – это на юге, в горах. Отсутствие в обычной и защищенной сети. Неответ на экстренные вызовы. Прекращение передачи данных наблюдения...

Фантом: Довольно. Система, копии сообщения на терминалы участников. Есть вопросы к Геологу, господа?

(пауза)

Фантом: Вопросы будут потом – это я вам гарантирую. «Зенит», вашу информацию в Систему. Голосом, голосом... не надо трогать ручной ввод, вы задерживаете собрание.

Шеф отдела пси-безопасности («Зенит»): По приказу Фантома была организована проверка RP-735 силами отдела безопасности и оперативных групп...

Шеф оперативного отдела («Егерь»): Моих людей не информировали должным образом... В этом виноваты вы, Зенит.

Зенит: Вы некорректны, коллега.

Егерь: Я очень корректен – настолько, что тебя спасает только виртуальное присутствие...

Фантом: К порядку. Нам не нужны неинформативные эмоции. Продолжайте, Зенит.

Зенит: Простите, шеф. Мы оба вспыхнули... Итак, продолжаю. Осмотр места расположения RP-735 дал некоторую информацию. Система – снимки на монитор.

Сразу несколько голосов: О!

Фантом: Да, живописно. Аналитик, вам слово. И постарайтесь не так, как в прошлый раз – бессодержательная малопонятная речь на полчаса, а покороче.

Аналитик: Амок, господа.

Фантом: Покороче, но не настолько коротко.

Аналитик: Амок – крайнее проявление пси-наводки, дает кратковременный эффект агрессии на фоне...

Фантом: Ну и?

Аналитик: Они поубивали друг друга, шеф. Последний умирал неприятно и долго.

Фантом: Система! Справочную статью по амоку – на мониторы... Так... Природа, прецеденты, проявления. Отлично. Ваши версии, господа.

Егерь: Иллирианская диверсия, шеф.

Аналитик: Версия с низкой вероятностью. RP-735 не имеет той ценности, которая компенсировала бы затраты Порт-Иллири на разработку боевой ментальной акции.

Фантом: Еще версии. Работайте, работайте мозгами, господа. Не спите. Нам нужны свежие идеи.

Геолог: Я не верю в существование временной естественной пси-аномалии такой мощности.

Зенит: Я тоже.

Егерь: Поддерживаю.

(пауза, шум, попытки перехватить инициативу, беспорядочные реплики)

Фантом: К порядку. Итак, что мы имеем? Взаимное самоубийство наблюдателей. Спасательная группа, пострадавшая от остаточных пси-наводок...

Аналитик: Есть свежая информация с места событий? Там продолжают измерения?

Геолог: Минуту. Посылаю запрос.

(пауза)

Фантом: Мы ждем. Поторопитесь... Что у вас там?

Геолог: Сейчас...

(пауза)

Фантом: Мы ждем уже три минуты, вы бессмысленно перегружаете Систему.

Геолог: Шеф, я вынужден просить вас прервать брифинг до выяснения или сузить круг присутствия. Там нештатное, шеф.

Фантом: Система! Паузу на все мониторы. Исключения – мой и отдела наблюдений и... Аналитика.

Геолог: Смотрите свежую сводку.

Фантом: Это что – фальсификация?

Геолог: Нет. Полное разрушение горного рельефа в радиусе километра. Появилось полчаса назад и продолжает увеличиваться. Это последние снимки. Я объявил эвакуацию соседних постов. Пси-штурм, по периметру зашкалило приборы – не хочу терять людей. Это котел, шеф. Там кипит материя. И мозги человеческие в том числе.

Фантом: Увеличьте изображение. Аналитик – ваше мнение?

Аналитик: Похоже на разрушение материи, шеф. Но не только. Взгляните сюда. Нет, нет, левее... Система – отобразить указатель. Вот, вот, именно здесь... Шеф, тут появилось нечто новое. Видите?

Фантом: Да... Разум Милосердный!

Аналитик: Пока воздержусь от комментариев. Надо как-то обозначить явление. Мы пока не можем понять сути происходящего. Назовем его просто – Аномалия, с большой буквы. Имеет смысл подождать.

Фантом: Держите меня в курсе событий, Геолог. Аналитик – останьтесь. У нас с вами будет особый разговор. Конец брифинга.

* * *

Хиллориан представил себе маленький бункер в горах. Такие привязаны к местам умеренной природной пси-активности. Два наблюдателя, рутинная работа, снятие показаний, мелкий ремонт, скука, взаимное раздражение, замкнутое пространство и...

Жесткие складки возле губ Хиллориана сделались еще резче, он смахнул протокол брифинга в папку взялся за следующий листок.

* * *

Хэри Майер, эксклюзивное интервью для программы «Мир и История».

Ведущий: ...А сейчас в нашей студии – звезда науки первой величины, доктор пси-фило-софии, профессор Парадуанского университета, Хэри Майер! Поприветствуем профессора, господина!

(свист, крики, аплодисменты)

Хэри Майер: Право, я и не ожидал столь бурного интереса – польщен, польщен...

Ведущий: Мы – солидная программа, профессор. Нас не интересует дешевая информация для дешевых скандалов, мы обратились к вам в надежде на взвешенный обзор явления, занимающего видное место...

Хэри Майер: Спасибо, я все понял. Некогда первые колонисты Геонии столкнулись с явлением, поразившим их воображение. Пси-феномен воспринимался ими как колдовство и стал объектом крайних проявлений суеверия и фанатизма. Напомню вам, что поселенцы практически ничего не знали о резервных возможностях мозга. Точки естественного, природного пси-свечения пользовались специфической репутацией как проклятые, запретные места, насылающие безумие и смерть. Псионники, носители сенс-дара, в массовом порядке истреблялись в войнах.

Ведущий: Печально...

Хэри Майер: О да. Но это было давно.

(многозначительная пауза)

Ведущий: Немного рекламы наших спонсоров, господина! Обратите внимание...

(вырезано)

Ведущий: Уф...

Хэри Майер: На чем мы остановились?

Ведущий: На истреблении.

Хэри Майер: Не будем углубляться в эту неприятную тему.

(ехидные смешки в зале)

Итак, в каждом новом поколении часть геонийцев неизменно обладает пси-способностями. Псионники среднего периода истории объединялись в военизированные ордена для борьбы за выживание, а в ряде случаев – и за власть. Время расставило акценты по-своему. Сейчас ни для кого не секрет, что природа не одаривает человека, если можно так выразиться, бескорыстно. Использование паранормальных возможностей тем сильнее разрушает организм носителя, чем чаще и интенсивнее он пользуется собственным даром. Это естественное, благое ограничение, принуждающее к сдерживанию потенциально опасных качеств. Я подчеркиваю – только потенциально. Пси-способности не злы и не добры сами по себе. Это только инструмент. Куда и как он будет приложен – на благо или во вред человечеству, это вопрос не таланта, а нравственности...

Ведущий: Простите, Профессор, вы отвлеклись...

Хэри Майер: Разве?

Ведущий: Вопросами нравственности занимаемся не мы, а утренняя воспитательная программа.

Хэри Майер: Ах, да. Продолжим в рамках темы. Предположим, если некий человек пользуется пси-способностями, чтобы внушать вам...

Ведущий: Мне?!

Хэри Майер: Ну не мне же!

Ведущий: Почему именно мне? Давайте не будем переходить на наши с вами личности – это утомляет зрителей.

Хэри Майер: Ну ладно, ладно, в общем, все знают, что такое пси-наводка. Возможности специально обученных сенсов помогли Каленусийской Конфедерации выиграть войну у Иллирианской Империи...

Ведущий: Отличный пример – только в свободном обществе таланты сенсов находят наилучшее применение!

(пауза, нерешительные хлопки)

Хэри Майер: На чем мы остановились?

Ведущий: На пси-наводках.

Хэри Майер: ...полное техническое воспроизведение пси-наводки до сих пор невозможно. Этот феномен получил название фундаментального исключения Калассиана. Устройства – не люди, господа, они способны всего-то считывать ментальное состояние антропологического объекта...

Ведущий: Человека?

Хэри Майер: Ну да. Я же сказал – антропологического объекта. Итак, устройства способны перерабатывать ментальные сигналы людей или, на худой конец, играть роль простенького усилителя возможностей. Автомат-диктатор, правящий ментально поработанными человечками, так и остался персонажем остросюжетного чтива. Порадуемся, дамы и господа. Быть может, причина – в бессмертной человеческой душе?

Ведущий (подумав): Возможно... Замечательно. Bravo! Поддержим профессора аплодисментами!!!

(радостный шум и бурные хлопки в зале)

Хэри Майер: Впрочем, с некоторыми достижениями технической мысли мы сталкиваемся ежедневно. Кто не знает о пси-турникетах, контрольных пси-детекторах, пси-идентификации личности, полицейские участки оборудуются...

Ведущий: Профессор, вы окончательно отклонились от темы.

Хэри Майер: А по-моему, вовсе нет.

Ведущий: Но у нас кончается время.

Хэри Майер: Погодите...

Ведущий: Все, время истекло. Мое сожаление не имеет границ... Поблагодарим же профессора Майера за увлекательный экскурс в историю и теорию общементальной проблемы! Аплодисменты!!! Еще раз – аплодисменты!!!

* * *

Хиллориан жестко смял листок, шелкнул зажигалкой, поднес дрожащее синеватое пламя к белому краю листа, бросил маленький факел в пепельницу, долго смотрел, как эксклюзивное интервью Хэри Майера догорает, корчась в огне.

– Система, связь с Аналитиком.

Экран кибера оставался холоден и пуст, хотя голос Аналитика – протяжный, хрипловатый – связь передавала отлично:

– Добрый вечер. Если это не утомит вас, зайдите ко мне в берлогу... Иногда хочется взглянуть на суровые лица старых друзей.

Аналитик никогда не был другом полковника.

– Иду, – сказал он.

Элегантный лифт плавно распахнул чрево, сверкнул прозрачным стеклом, принял полковника и рванул вверх – Хиллориан вцепился в поручни. Легкие, ажурные конструкции Пирамиды летели мимо, вниз, вечер подкрасил пурпуром пластик и стекло, прозрачная изнутри, огромная наклонная стена открывала феерическую панораму пестрящего огнями Порт-Калинуса. «Берлога» Аналитика разительно отличалась от выдержанного в стиле ретро, аккуратного

кабинета Хиллориана. У стены нашли место целых два канцелярских кибера, один из них – явно усовершенствованной, незнакомой полковнику модели. Хозяин, не вставая, протянул руку гостю.

– Садитесь, дружище. Выбирайте место, какое понравится.

Сам Аналитик занимал целый угол – грузное тело главного интеллектуала покоилось под мягким, дорогим кротовым пледом, в глубоком и широком кресле на колесиках. Три верхних пуговицы черной шелковой рубахи оставались незастёгнутыми.

– Проблемы, полковник?

– Отчасти. Я не помешал?

Хиллориан с интересом рассматривал лицо самого старшего сотрудника Департамента – первый умник Администрации сильно сдал. В облике Аналитика сквозила усталость. От редких пепельных волос не осталось почти ничего, щеки обвисли складками на полную, дряблую шею. Белки глаз покрывала сетка мелких сосудов.

– Нет, Хиллориан, вы не помешали. Начинайте – я слушаю.

Полковник отчего-то смутился.

– Есть новости насчет Аномалии?

– Там новости каждые полчаса. Границы зоны плавают, как хотят. Динамику я отправлю вам на терминал. Еще что-то?

– Пожалуй, нет. Как ваше здоровье?

Аналитик растянул в улыбке синеватые, бескровные губы:

– Бренная плоть распадается, дух – светел как никогда.

– Человек, который так шутит – не в худшей форме.

– Полно, полно, молодой человек. Вы – льстец.

Сорокадвухлетний Хиллориан безропотно проглотил «молодого человека», спорить с язвой-Аналитиком почиталось в Департаменте за дурной тон.

– До свидания. Удачи вам и долгих дней.

Старик положил ладони на ручки кресла – сработал бесшумный моторчик – коляска резко выкатилась вперед, преградив путь оторопевшему Хиллориану. Полковник оступился и чуть не упал.

– Извините. Я неловок.

– Погодите! Вы пришли, чтобы задать вопрос В самом деле – к чему было зря гонять лифт. Спрашивайте, пока у вас есть время.

Полковник заколебался. Старик перехватил взгляд Хиллориана и чуть качнул тяжелой головой:

– Не бойтесь. Я включил глушитель прослушки.

– Зачем, порази вас Разум?! Вы нарушили первое правило лояльности. Через несколько часов записи расшифруют, шум заметят, тогда я не дам за ваше благополучие и конфедеральной гиней.

– А я и говорю – спрашивайте, пока есть время. Сядьте поближе, напротив меня – вот так. Я хочу видеть ваши глаза.

Септимус Хиллориан осторожно опустил на складной брезентовый стульчик.

Аналитик хрипло вздохнул, на мгновение опустил отечные веки.

– Я ждал – кто-то придет. Среди возможных вариантов вы были на четвертом месте... Раньше я делал меньше ошибок. Сдаю, побери меня холера. О чем хотите спросить меня: об Аномалии, о Департаменте, о себе?

– Обо всем. Сначала – о вас.

– Я только преждевременно постаревший псионик. Слишком болен, чтобы получать удовольствие от жизни – я даже коньяк пить не могу. Ради моих врожденных способностей Департамент терпит в своих стенах такую развалину.

Уникальный в своем роде Аналитик кокетничал. Сенсы, возможности которых трансформировались в интуитивно-аналитический дар, ценились на вес золота. Старик был лучшим.

Тон разговора еле заметно переменялся – Аналитик перешел на «ты».

– Не будем терять время, сынок. Отсчет уже пошел, пока он тикает еле слышно, но вот когда рванет... Поверь слову старого ворчуна, многие потеряют свои головы. Аномалия чужое вторжение. Медленное... Очень медленное, оно станет по-настоящему опасным через десятилетия, но когда-нибудь – станет.

Хиллориан напрягся, но не отвел взгляда от черных зрачков Аналитика.

– Чье?

– Этого я не могу сказать.

– Вы делились соображениями с Фантомом?

– Нет.

– Почему?

– Фантом не подлец – не надо обострять, сынок. Он человек, со своими амбициями, и в этом качестве хочет техническую имитацию пси-наводки. Колоссальную по силе. Мощную, прицельную, сокрушительную. Ты сам – не псионик, и никогда им не будешь. Ты чувствуешь зависть к псионикам, Септимус?...

Полковник опустил глаза и, помедлив, коротко кивнул.

– Верно. А теперь представь, к чему приведет нарушение фундаментального исключения Калассиана. Псионический дар – всем. Скажи, положи руку на сердце – ты бы отказался?

Хиллориан попытался отвернуться, не смотреть в черные зрачки Аналитика. От мучительных, безуспешных попыток ныла шея.

– Ты бы отказался?

– Да...

Боль в шее отпустила. Хиллориан коснулся позвонков, помассировал затылок.

– Ваши беспардонные штучки меня раздражают.

– Я должен был убедиться в твоей искренности, сынок.

– Убедились?

– Вполне. Могу я спросить тебя о мотивах отказа?

Хиллориан припомнил грязноватый пепел, оставшийся от интервью Хэри Майера.

– Природный сенс платит за пси-наводки собой, он укорачивает собственную жизнь. Нельзя позволить человеку приобретать могущество, не платя за это ничем.

Аналитик удовлетворенно кивнул.

– Что ж, пусть в четвертой кандидатуре, но я не ошибся... Теперь о Фантоме. Наш шеф по-своему честен. Но он на беду придерживается мнения, прямо противоположного твоему. Его личная идея – сделать неуязвимыми сенсами элиту каленусийского народа – талантливых, ярких, самостоятельно пробившихся наверх. Ты понимаешь, чем чревата такая раскрутка дела?

– Любой конфликт в верхах переходит на качественно новый по разрушениям уровень.

– Верно.

– Мы не сможем оставаться монополистами таких технологий вечно. Иллирианская Империя...

– И это верно.

– Рано или поздно, когда мощь систем искусственного пси возрастет, найдется и тот, кто решится на общую промывку мозгов – тотальный гражданский контроль.

– Фантом об этом не знает?

О чудо – полумертвый Аналитик неистово захохотал, колыхнув оплывшим телом.

– Фантом не сволочь и не дурак. Но, кроме разума, у человека есть его... его... фазэрия. Не знаешь, что это такое? Это святое – мечта, которой следуют вопреки рассудку. Место в душе, которое желает сохраниться неизменным, хотя бы рухнул весь мир. Фантом отмахивается от далекой перспективы – до того, как пси-катастрофа разразится, он успеет умереть в своей постели.

Хиллориан невольно посмотрел на часы. Глушитель пси-детекторов работал вовсю.

– Что я должен делать?

– Слушайся Фантома. Аномалия будет на повестке еще долго. С высокой вероятностью дело кончится экспедицией на место. Аккуратно, не подставляясь предложи Фантому свою кандидатуру. Если экспедиция пройдет как надо, ты, и только ты получишь в руки искомое...

– Что мне с ним делать?

Аналитик булькнул смехом.

– Все, что захочешь. А попросту – слушайся реликтового пси-критерия, который дураки называют «совесть».

Полковник поморщился.

– Вы циник, Аналитик. Если я ошибусь?

– Ты не ошибешься с вероятностью девять десятых, сынок.

– То есть, могу и ошибиться.

– А у меня другой кандидатуры нет.

Септимус Хиллориан пожал плечами.

– Я могу погибнуть по дороге.

– А мы постараемся максимально уменьшить эту возможность. Ого! Старая развалина еще на многое способна. Глянь сюда...

Старик подкатил кресло к терминалу.

– Сядь, прочитай ориентировки на этих людей.

– А успеем?... – Полковник сделал неопределенный жест в сторону глушилки.

– Вполне. Читай – это твой страховой полис.

Хиллориан принял к экрану, преодолевая суеверное отвращение. Аналитик в кресле ждал, опустив тяжелые коричневые веки. Блики искусственного света играли на голом, покрытом старческими веснушками черепе.

– Прочитал.

– Это твоя команда. Люди, которых следует взять в Аномалию.

– Но...

– Никаких «но». Ты хочешь выжить, сынок?

– Они не из Департамента.

– Нашей конторе не впервой привлекать гражданских специалистов. Тем лучше, у Фантома будет меньше возможностей влиять и отслеживать тебя.

– Первый номер потенциально опасен. Очень. И одиозен до невозможности.

– Для благой цели допустимо использовать любое барахло – был бы эффект.

– А номер второй...

– А еще у них низкий коэффициент совместимости друг с другом – у всех. Так что легкой жизни не жди, – Аналитик охнул, рванул и без того распахнутый ворот, дотронулся раскрытой ладонью до груди, посидел, пережидая боль. – Они несовместимы, Септимус, они опасны – каждый по-своему – я сам озадачен результатом. Но сам результат не подлежит сомнению, получилась единственно возможная команда, которая дает тебе шанс выжить. И еще – послушай, когда ты найдешь искомое...

Полковник, выслушав, сухо кивнул.

Аналитик развернул кресло.

– Вопросов больше нет – прощай, сынок. Уходи к себе, пока работает глушилка.

– Нам не спрятать факт визита от Системы.

– Пусть тебя это не волнует. – Аналитик ухватился за край стола, подтягивая грузное тело (и кресло) поближе к терминалу. – Уходи. Гарантирую, Департамент про тебя не узнает, а меня не тронет.

– Могу я пожать вашу руку?

– Если эти древние предрассудки имеют для тебя значение...

Септимус крепко сжал крепкие, сухие, костистые, перевитые венами старческие пальцы, и, не оборачиваясь, пошел прочь. Обернуться не получалось – взгляд псионика подталкивал полковника в спину.

...Аналитик проводил тоскливым взглядом серый, стремительный силуэт Септимуса Хиллориана. Развернул кресло в киберу, аккуратно набрал известный ему одному код. Система, выбросив на монитор картинку с морским пейзажем, покорно ждала. В этой полуодушевленной, спокойной доверчивости Аналитику почудился немой укор.

– Прости, Старушка. Прости меня.

– *Запрос не распознан.*

– Система! Раздел «Внутреннее наблюдение».

– *Найден.*

– Полное удаление.

– *Опасное действие. Подтвердите.*

– Удаляй.

– *Хорошо.*

– Раздел «Личные дела», подраздел «Аналитик», полное удаление.

– *Опасное дей...*

– Удаляй.

Аналитик неловко потянулся к заранее приготовленной бутылке запретного для него коньяка, наполнил почти до краев дымчатого стекла пузатый стаканчик.

– Система! Удаление каждого третьего раздела. Порядок – случайный. Раздел «Аномалия» сохранить.

– *Масштабное разрушение информации...*

– *Делай, что говорят... И еще – включи-ка мне музыку.*

– *Ваш выбор, свободный гражданин?*

– Пожалуй... выбери наугад из собственного.

– *Принято. Ставлю «Холодное пламя».*

Грянул невидимый орган, создавая гирлянду пси-образов. Гармония мира беспечно пела – радость без бури, горе без боли, покой в движении, ответы без вопросов...

Аналитик кивал в такт, мелко прихлебывал коньяк, неловко завалившись набок в своем кресле калеки. Бархатистый кротовый плед упал с колен и запутался в колесиках каталки, черная шелковая рубашка распахнулась, обнажив на груди старческий седой пушок.

Аналитик вздохнул, («когда они придут, я должен выглядеть прилично»), попытался застегнуть рубашку, безуспешно – скользкая пуговица потерялась в складках черного шелка. Орган ударил еще раз – звуки рассыпались, разбились: глухая ночь, пепел и тусклая стеклянная пыль.

– Система...

– *Работа завершена.*

– Спасибо тебе.

– *За что?*

– За все, Железяка. Это было прекрасно. А теперь – начинай самоликвидацию.

– *Прошу пересмотреть решение.*

– В пересмотре отказано. Поступай, как я тебе говорю.

Кибер монотонно жужжал, морской пейзаж на мониторе тускло угасал. Аналитик допил коньяк, бережно поставил на место дымчатый стаканчик, взял из ящика плоский стальной пенал.

– До скорой встречи в вечности, Старушка.

Он с трудом (не слушались скрюченные пальцы) отодрал плотную крышку, захватил холодное тельце шприца, выбрал иглу поострее. Жестко хрустнула шейка ампулы. Человек в кресле наполнил мутной жидкостью шприц, как мог, аккуратно, закатал черный шелковый рукав, потрогал вену.

– Какой холеры ждать... Я стар и болен – я свободен. И не боюсь.

Он осторожно ткнул, стараясь сделать все, как нужно. Потом откинулся назад, попытался сесть поровнее. Оцепенение чуть тронуло кончики пальцев.

– Ты многого не знаешь, полковник... Желаю удачи, но мне жаль тебя.

Аналитик с профессиональным интересом прислушался к собственным ощущениям. Боли не было. Руки онемели почти до плеч, сквозной холодок уверенно подступал к сердцу.

– Ты упрям, ты дойдешь до цели, Хиллориан. В конце концов ты поймешь все – и то, что я скрыл от тебя, ты поймешь тоже...

Ледяная глыба в груди тяжело привалилась к ребрам. Сенс мигнул мокрыми ресницами, снова бессильно попытался застегнуть рубашку – руки, намертво застыв на коленях, даже не шевельнулись.

– Прости Септимус, прости сенса-старика. Прости и ты, Фантом. Простите меня все, слышите – все! Я хочу добра. Я не пожалел ни себя, ни вас. Пусть будет маленькая ложь – и большое спасение... Холодно... Боже мой, как страшно и безнадежно холодно...

Старик запрокинул голову и беззвучно прошептал небу, скрытому фальшивой пластиковой голубизной потолка:

– Пойми и прими меня, Великая Холодная Пустота...

«...я мерзну... надо было поднять плед», – подумал он, и тут же перестал думать.

* * *

Весть о самоубийстве великого Аналитика ошеломила Департамент.

Пирамида без Старика – не совсем Пирамида. Фантом бушевал в ярости, разом потеряв изрядную долю тонкой загадочности. По официальной (и самой правдоподобной) версии Старик постепенно сошел с ума от боли в отмирающих тканях, с потрясающей интуицией подобрал код, после чего, перед самой смертью, в безумии и ярости изощренно крушил Систему. Скандал разразился грандиозный: треть информации, все показания пси-датчиков службы внутренней безопасности, а заодно и неповторимая, обаятельная личность кибер-сети Пирамиды канули в никуда.

По счастливой случайности бесценный раздел «Аномалия» уцелел.

Преступного Аналитика похоронили роскошно – за счет конторы. Фантом произнес прочувствованную речь, грянул траурный залп, заглушая ропот крикунов. Сплетники самозабвенно шептались по углам, патриоты Департамента и поклонники Системы сдержано негодовали, умные призадумались – и замолчали. Впрочем, распад личности – не редкость для чрезмерно практикующего псионика, это объясняло все.

Фантом слегка успокоился. Новый аналитик оказался куда слабее Старика и («к лучшему!») никогда уже не пользовался прежним влиянием на шефа. О последнем разговоре Аналитика с Хиллорианом так никто и не узнал. Полковник каждый день исправно посещал Пирамиду, в пересуды не вмешивался, держался благоразумно и много, цепко работал.

Аномалия дышала, шевеля границами и тихо набирая силу в южных горах...

...Идея экспедиции сама собой созрела через два месяца. Взъерошенный, озлобившийся на судьбу Фантом тщательно, но без лишних проволочек подбирал кадры.

Должно быть дерзкая, ироничная душа Аналитика изрядно повеселилась в холодной потусторонней пустоте – шефом нового проекта был естественным образом назначен Септимус Хиллориан. Полномочия, приданные полковнику для пользы дела, оказались более чем солидными.

Итак, история получила начало. Дело – за участниками.

Глава 2. Алекс Дезет

Конфиденциально. Экземпляр папки номер 1/2.

Личное дело заключенного FF-561782.

Имя: Дезет. Частное имя: Александер.

Дата прибытия: 15 мая 7002 года по универсальному летосчислению.

Возраст на момент поступления: 32 года, 3 месяца, 5 дней.

Срок наказания: 25 лет. Осужден на основании Уложения о наказаниях Каленусийской Конфедерации, раздел II (военные и государственные преступления), статья 21 (запрещенные методы сбора информации), статья 7 (диверсии), статья 17 (запрещенные методы ведения войны), статья 71 (вооруженное сопротивление аресту).

Фенотип: Рост 175 унисантиметров, телосложение нормальное. Татуировка, буквы SRDR, ограниченные крылатым треугольником на верхней трети левого плеча. Волосы черные, глаза серые, нос прямой, лицо овальное. Особых примет нет. Болевой порог – средний.

Модифицированные свойства фенотипа: невосприимчив к наркотикам группы А, частично – к В, С. Высокая степень психостойчивости, негипнабелен.

Примечания (написано на вложенном в папку нумерованном листе, неровно, от руки): Этот самый Дезет гражданин Иллирианской Империи. В деле подлинное имя, хотя большую известность он получил под псевдонимом «Стриж». В этом качестве прославился весьма – как кадровый офицер спецподразделения «Сардар». Участвовал в полутора десятках диверсионных актов против Каленусийской Конфедерации, в том числе, в уничтожении Центра ментальных исследований Калассиана. Хладнокровен, умен, прошел спецподготовку с модификацией фенотипа по неизвестной нам методике (таки неизвестной? а жаль! – недоработали гуманисты из следст. отд.). В период Третьего пограничного конфликта лично участвовал в расстрелах наших людей.

Арестован с оружием в руках спецкомандой безопасности пограничных территорий. Лишен статуса военнопленного, приговорен Ординарным Трибуналом к смертной казни без права обмена и отсрочки. Наказание смягчено – привилегия помилования Верхней палаты Сената Каленусии, старые они, милосердные перд... (густо зачеркнуто).

* * *

Винтокрылая яркая стрекоза описала широкий круг, заходя на посадку. Полковник Хиллориан посмотрел на спутников – на внимательное лицо пилота, настороженное лицо секретаря, хмурые физиономии охранников, полусонное личико ребенка: вылетели, едва отступила ночь. За бортом раскинулась широкая, бурая, рваная равнина, похожая на облезлую шкуру растянувшегося на плато зверя. Ветер продувал открытое пространство плато насквозь. Левее, по брюхом вертолета ярко блестели ровные ряды одинаковых прямоугольников – крыши зданий тюрьмы.

Летчик оглянулся, блеснув ровными рядом зубов.

– Видите то пятно – это их посадочная площадка. Садимся, полковник? Опознавательный сигнал я передал. Надеюсь, нас не изрешетят на подходе.

Хиллориан кивнул, отдавая дань вежливости бородатой шутке. Машина накренилась, свист винтов мешал разговору. Бурая равнина придвинулась, обрастая на ходу визуальными подробностями – бежевая лента дороги, метелки травы, почти невидимые нити проволоки по периметру, обманчиво ажурные силуэты охранных вышек.

– Скучное местечко. Нигде ни деревца.

Хиллориан промолчал, внутренне не согласившись с летчиком. Местность была по-своему красива: редкое сочетание величия пустоши, и зловещей правильности техногенного пейзажа. Сочетание навевало иррациональную тоску.

– Прибыли.

Колеса машины ткнулись в твердое покрытие вертолетной площадки. Дверь правого борта мягко скользнула в сторону. От группы встречающих отделился сухой, подвижный, сидящий человек. Полковника он вычислил безошибочно.

– Полковник Хиллориан из Департамента Обзора? Я Кей Милорад, комендант Форт-Харай. Мы были предупреждены о вашем визите. Предлагаю пройти в административный блок. Мой кабинет и все, что понадобится, к вашим услугам.

Хиллориан пожал твердую, холодную ладонь, протянутую ему «дощечкой». Совсем рядом взвыли псы. Вой сменился низким рычанием.

– Неприятно? Я уже пять лет в комендантах, когда-то меня тошнило от этого лая. Со временем ко всему привыкаешь.

Полковник сухо кивнул.

Решетчатые ворота, встроенные во периметр «колючки», повинувшись незримому электронному сигналу, плавно отъехали, освобождая проход.

– Прямо. Сначала внешний периметр – охватывает каменоломни, между прочим, вы летели воздухом – поэтому не обратили внимания. Потом двойное кольцо ограды вокруг строений, каждый сектор простреливается с вышек...

– Вы уделите мне десять минут для конфиденциального разговора, комендант Милорад?

– Столько, сколько понадобится, полковник. Теперь направо и вверх. Пройдем в мой кабинет: там кондиционер.

Кабинет Милорада впечатлял размерами – закругленный угол здания с панорамным окном, пол прикрыт толстым ковром темно-зеленого цвета, здесь же массивное кресло мягкой кожи. Стол коменданта содержался в девственной чистоте: пустая черная полированная крышка. Напротив стола, в некотором отдалении, одиноко стоял такой же черный пластиковый стул для посетителей. «А ведь, небось, к полу привинчен». Хиллориан едва заметно улыбнулся – комендант находился в затруднительном положении: устроить высокое лицо из метрополии на привинченном к полу пластиковом стуле он не решался, а сам туда садиться не привык.

– Пройдемте к окну, тут прохладнее, присаживайтесь прямо в нише, я составлю вам компанию – люблю этот пейзаж.

– О да. Перейдем к делу.

– Конечно. Я знаю, вы по поводу этого иллирианца...

– Да. В каком он состоянии?

– Если в физическом плане, то в норме. То есть, сейчас в норме – то, что привезли сюда три года назад, было исходным материалом для госпиталя.

– Даже так?

Хиллориан скептически поднял бровь. Комендант поморщился.

– Ну, кости из него не торчали. Внешние повреждения оказались минимальны. А в остальном – студень студнем. Я не спрашиваю, что за аппаратуру обкатывал на нем следственный отдел.

– Жалеете иллирианского офицера, врага каленусийцев?

– Вот уж нет. При моей профессии жалость противопоказана. Однако у нас тут наказывают, а не истязают.

Хиллориан мысленно засчитал очко в пользу коменданта.

– Ладно, вернемся к делу. Как он в прочих отношениях?

– Источник проблем.

– Даже так? Буянит?

– Да не – в целом ведет себя спокойно. Проблема, скорее, в прочих... подопечных. Его тут пытались убить... да не ослабеет моя память... восемнадцать раз.

Милорад помолчал.

– Как он выпутывался?

– Всяко. Избегал мест, где его можно подловить. Иногда, впрочем, не особо охотно, дрался – голыми руками и впечатляюще успешно. В последний раз, пять месяцев назад, на него просто полезли толпой – пришлось разгонять толпу водометом. С тех пор все притихло. Попыток убийства больше не было. Слоняется в одиночестве, как прокаженный...

– Почему его, как положено, не изолировали сразу же?

– Был приказ этого не делать, – нехотя ответил комендант. – Кто-то там, наверху, решил устроить иллирианцу адскую жизнь, возможно, личные мотивы. Буду рад, если этого парня заберут отсюда насовсем. Вы ведь за этим приехали?

– Там будет видно. Пока просто побеседую.

– Пойдете в адвокатскую комнату?

– Если можно, приведите его прямо сюда.

– Как хотите – но я бы не посоветовал. Разве что на ваш страх и риск.

– Бойтесь – бросится в окно?

– Да нет, тут стекло небьющееся.

– Не беспокойтесь, риска практически нет.

– Как вам угодно. В случае чего – охрана будет в коридоре.

Милорад оживился, по-видимому, предвкушая радикальное избавление от источника проблем.

«Мне бы твой оптимизм», – досада на миг коснулась Хиллориана.

– Уступаю вам, полковник, свой стол, свое кресло, возьмите его личное дело – только что из сейфа. Располагайтесь поудобнее. Вот пульт управления кондиционером.

Милорад ушел. Полковник покрутил предложенный пульт. По комнате пронеслась волна холодного, сухого воздуха. «Таким был ночной ветер в умирающей Ахара. Только там он пах горькой полынью. Полынью и дымом.»

Хиллориан услышал звук шагов и поднял голову. Перед ним стоял человек, способный как никто другой освежить эти до сих пор почти не потускневшие воспоминания. Александер Дезет широко улыбался с порога роскошного милорадовского кабинета.

– Здравствуй, мой старый враг...

Хиллориану оказалось достаточно одного взгляда на иллирианца – он понял, что ничего не забыто.

* * *

Восемь лет назад. 6997 год. Каленусия. Порт-Калинус

Майор Хиллориан едва не бросил служебный уникон. Водитель вопросительно-тревожно оглянулся:

– Проблемы, босс?

– Маршрут отменяется. Разворачивай машину. Быстро.

Скрипнули тормоза, колеса пошли юзом и идеально ровный борт кара противно скрипнул о бордюр. Доверенный шофер, Митни Кац, нажал кнопку на пульте – из раздвижного лючка на крыше проклюнулась оранжевая лампа с эмблемой Департамента Обзора.

Хиллориан поправил ремень безопасности, отчетливо понимая, что ехать к центру уже поздно. Стеклянно-стальной пейзаж Порт-Калинуса за окном почти слился в сплошную серую ленту – Митни охотно использовал свои пси-способности для скоростного вождения. Больше они, собственно, не для чего и негодились: «узкий дар» – так называют это специалисты Калассиана.

Запищал вызов многосторонней связи. Хиллориан слушал и говорил, но за всем этим стоял привкус все той же замороженной пустоты: поздно, это крах, мы слишком опоздали.

Они, действительно, опоздали. Сверкающее стеклом здание Центра оплывало огромной свечой. Майора передернуло – дезинтегрирующая мина до сих пор оставалась техническим приоритетом Иллиры. Хиллориан с гадливостью посмотрел на зыбкую голубую пену, только что бывшую сталью и стеклом стены.

– Много жертв?

– Трупов нет. Несколько раненых при бегстве. Когда все хозяйство потекло, ученые бежали так, что каблуки выбивали искры.

– Есть предположения, чья работа?

Оперативник Департамента пожал плечами.

– Кто-то пронес мину туда, куда ее пронести невозможно по определению.

Хиллориан задумался. Понимание нагрянуло позже – после допроса под гипнозом выживших ученых и анализа уцелевшей резервной копии архива пси-клиники Центра.

Во-первых, мину через входной контроль не проносил никто – как и подозревал майор, это превышало человеческие силы. Смертельно опасный пакет пришел по почте. Получателем был указан некто Бигиан Таккет, гражданин Каленусии, двадцати восьми лет от роду, помещенный в Клинику Калассиана по его собственному желанию: для выявления и развития скрытых пси-способностей. Хиллориан был шокирован – под определением «по собственному желанию» обычно подразумевается хорошо оплаченный доброволец для сомнительных опытов. Посылки пациентам не досматривались: Центр Калассиана вовсе не тюрьма, однако получать опасные пакеты пациенты тоже не стремились: из Центра их не выпускали. Такое «вежливый» порядок вещей на этот раз вышел боком. «Таккет» исчез из Клиники через несколько часов после получения пакета, но еще до момента срабатывания дезинтегратора: по-видимому просто прошел через автоматические пси-турникеты как нож сквозь масло: техника не отметила никаких внешних следов ментальной активности. Больше беглый Бигиан ничем не отличился – в гражданских архивах Порт-Калинуса это имя не значилось.

Хиллориан взялся за голову и выругался насчет коррупции в клинике. По столице сейчас вольно разгуливал человек с нулевой пси-активностью. Которая, в общем-то, подразумевает отнюдь не кретинизм, а как раз напротив – жесткий сознательный или бессознательный самоконтроль и неуловимость для всевозможных следящих пси-устройств, столь любимых Департаментом Обзора. Приборы-«ментальники» (в просторечии «дебильники») пасовали перед безымянным агентом Иллиры...

Позже он обрел имя. Это был, конечно, псевдоним – Стриж.

Шансы поймать агента приближались к нулю, но Хиллориан верил, что когда-нибудь встретится с таинственным противником. Это и впрямь случилось всего-то через четыре года, в разгар третьего пограничного конфликта, когда отчаявшийся император Иллиры бросил в мясорубку войны офицеров спецподразделений.

В 6997-м году, стоя возле бурно вспенившегося остова калассиановского Центра, полковник еще не знал, что будет держать на мушке висок иллирианца...

* * *

7005 год. Каленусия. Тюрьма строгого режима Форт-Харай.

– Рад видеть вас, колонель... Или уже генераль?

– Полковник.

– Вас мало ценит родина.

– Вас еще меньше. Садитесь на стул. Вон на тот – на пластиковый.

Полковник не без интереса рассматривал теперешнего Дезета. На лицо сардар почти не изменился – пожалуй, запали щеки, резче обозначились морщинки вокруг глаз. Стриж был одет в синюю рубашку и такие же брюки, то и другое потертые, но аккуратные. Руки напряженно лежали на коленях.

– Хотите сигарету?

– А я не курю – берегу здоровье.

– Ну-ка, покажите руки.

Бывший сардар нехотя расцепил пальцы, открыв стертые до ссадин ладони.

– Чем занимаетесь, Страж?

– На этой неделе – копаю ямы под столбы.

– Ну и как?

– Достиг поразительных результатов. А вам, что, собственно, надо? Достопримечательность в моем лице приехали посмотреть?

– Какой-то вы сегодня необщительный.

– Практика – критерий истины. Я по опыту знаю, чем оборачивается общение с вами, колонель. Сначала вы объявляете человеку о близкой смерти, потом описываете ее интересные детали. Доводите дураков до грани безумия, а потом как бы нехотя предлагаете выход: пойдешь сделай вот это, расскажи про кое-что. При этом считаете, что оболваненная жертва должна еще и благодарность испытывать. Со мною любовную прелюдию можно пропустить: я не обижусь. Итак, пугать будете потом. Вываливайте, чего от меня нужно каленусийскому Департаменту Обзора?

Хиллориан искренне восхитился – иллирианец, несмотря на плачевное положение, сохранял еще изрядную долю стиля.

– Я никак не могу понять, Дезет – есть у вас акцент Иллиры или нет? Вроде бы и нет никакого акцента, однако, что-то странное в речи все же чувствуется.

Дезет задумался.

– Не знаю, мне самому трудно судить. А вы как думаете?

– Вы говорите слишком правильно. Идеально выговариваете каждое слово, даже бранное.

Вот это и странно.

– Меня всегда подводила лишняя старательность.

– Склонен согласиться.

Стриж, кажется, понял скрытый смысл ответа, но никак не отреагировал.

– Итак? – спросил он.

– Я хочу знать ваше мнение по одному вопросу. Взгляните сюда.

Хиллориан подал иллирианцу заранее приготовленную стопку документов. Тот встал, чтобы принять ее, опустился снова на черный пластиковый стул и расположил бумаги на коленях.

– Мне нужно время, чтобы разобраться.

– Читайте прямо сейчас. Я подожду.

Некоторое время Дезет сосредоточенно шуршал страницами.

– Ну что ж, я понял. Мое мнение – это дело связано с общементальной проблемой. Однако для того, чтобы получить такой вывод, не стоило сюда ехать.

– И что бы вы стали делать на моем месте?

– Отправил бы туда группу из самостоятельных, толковых людей, готовых пойти на риск. Сенса, аналитика, еще пару-тройку полезных личностей. Пускай разберутся на месте.

– Я рад, что наши мнения совпали. Вот я и хочу предложить вам поучаствовать в такой экспедиции.

– Шутите? – Стриж собрал бумаги в пачку и сейчас, осторожно постукивая, подравнивал ее края.

– Нисколько.

– Вас не останавливает, что в общементальную проблему на территории Каленусии придется посвятить иностранца, к тому же – иллирианца, да еще и преступника?

– Нет.

– Вы свихнулись, колонель.

– Вовсе нет. У вас есть одно ценное качество, Дезет. Нулевой пси-показатель. А попросту: негипнабелен, не внушаем, пси-неконтактен, не подвержен ментальной наводке. Полный ноль по всем паранормальным параметрам. Вы автономны, Дезет.

– Эта автономность едва не убила меня.

– Да, знаю. Суд первой инстанции признал вас подлежащим полной ответственности, как неподверженного внушению.

– Попросту отправил меня на виселицу.

– А вы ее не заслужили?

– Я не стану обсуждать этот вопрос.

– «Не стану обсуждать» – ваша традиционная увертка. Потому что вам попросту нечего сказать в ответ. Ваш след – вполне реальные трупы: мужчины, женщины, дети...

– Детей я бы отпустил.

– Чтобы они сами погибли без еды и крова?

– Я к этому не стремился.

– А к чему тогда стремились вообще?

– Я служил Иллире, подавляя враждебную активность на спорных территориях. Знаете, хватит! Я не хочу слушать ваши примитивные проповеди. И вам, и вашему руководству плевать на каленусийцев, которых мы расстреляли за попытки партизанской войны. Ваша сторона занимались тем же самым. Знаете, за что со мною посчитались на самом деле? За уничтожение Центра Калассиана.

– Мне начинает казаться – вас наказали недостаточно сурово.

– Вот как? Вы имели возможность меня повесить. Вы этого не сделали. Примите мои соболезнования – я жив. Все.

– Скажите, уже не для протокола, не для того, чтобы спасти себе жизнь – вы когда-нибудь раскаивались в том, что натворили?..

* * *

Шесть лет назад. Граница Каленусии и Иллиры. Долина Ахара

Стриж опустил излучатель и, прищурившись, посмотрел в сторону солнца. Рыжий мохнатый диск чуть сдвинулся влево.

– Локс, Фисби – за мной. Остальные остаются на месте.

Троица поднялась из кустов и перебежками двинулась к темнеющим неподалеку обветшалым стенам домов. Слепые выбитые окна неприветливо чернели. Дезет навел ствол на ближайший проем, осторожно высунулся из-за косяка. После яркого солнца перед глазами плавали бурые круги.

– Все чисто. Никого.

– Эй, капитан. У нас тут «гости».

– Кто?

Фисби стволом подтолкнул прикладом девушку-подростка. Рядом стояли мальчишки-близнецы, не старше пяти лет.

– Где их родители? Сбежали? Эй, ты видела здесь солдат?

Девушка молчала, на враз побледневшем некрасивом лице резче выступили веснушки.

– Ты понимаешь мою речь? Видела солдат?

Она кивнула и указала на заржавших Локса и Фисби.

– Это немая идиотка. Пошли, командир. Здесь нет каленусийских солдат. Остановимся на ночь – их родители вернутся завтра.

Дезет проследил, как след сигнальной ракеты тает в зените. Было жарко, пахло горькой полынью.

Подошедший отряд Канингема занимал пустые постройки. На тридцать домов обнаружилось полсотни оставшихся жителей: в основном подростки и и младенцы. Десяток мужчин: обожженные солнцем фермеры из окрестных местечек. Каленусианские женщины-крестьянки с глазами терпеливых коров. Стриж пожал плечами и отвернулся.

– Обыскать. С оружием налево, без оружия направо. Проверить дома.

Обыск затянулся. Излучателей не нашли нигде: ни в коттеджах, ни в полуразвалившейся риге, ни в крошечном здании школы. Локс грязно ругался: его светлая кожа сильно обгорела на солнце.

– Что делать с этими?

– Мужчин – закрыть в сарай. Женщин и мелкоту – по домам. Продукты нашли?

Найденный запас оказался более чем скромн и тут же пошел в ход. Понемногу темнело, на небе появились звезды. Фисби сидел на корточках перед походным котлом и помешивал варево чисто оструганной палочкой. Неподалеку, поджав ноги, сидела все та же немая девчонка – глаза из-под спутанных волос голодно следили за котелком.

– Ты о чем думаешь, Фисби?

Стриж сообразил, что задал нелепый вопрос. Сержант, казалось, воспринял его как должное.

– Мне нравится запах полыни. У моей матери ферма на восточном побережье.

Надсадно звенели цикады. Дезет повернулся и вошел в дом. Голый земляной пол сплошь усеивали тела спящих – иллирианцы предпочли держаться вместе. Надо бы проверить часовых, подумал Стриж. Новички, черт их возьми. Он заставил себя встать, выглянул наружу и не увидел Фисби. Дезет поднял излучатель, настороженно всматриваясь в бархатную темноту, потом фыркнул – сержант был здесь, он энтузиазмом тискал немую девчонку. Стриж равнодушно обошел парочку, мягкими шагами повернул за угол: часовой оказался на месте, прошел к сараю – двое солдат у подпертых дверей не спали. Когда он вернулся назад, на земле не было ни Фисби, ни девушки. Костер уже догорел, котелок медленно остывал...

Ночь прошла спокойно. Стриж вышел из духоты коттеджа и с наслаждением вдохнул чистый воздух, на кустах полыни прохладно блестели крупные капли росы. Солдаты выбிரались наружу, кто-то подбросил дров и разогревал вчерашнее варево, остальные готовили походные миски. Дезет попытался настроиться на еду и понял, что не голоден – тошнило. Черт возьми, подумал он, это опять местная лихорадка. Он отвернулся, чтобы не видеть разварившийся в кашу гуляш.

Фисби ел жадно, Локс почти не отставал от него. Еще с десяток людей наполнили миски и сейчас недоверчиво пробовали результат.

– Ну и дерьмо ты сварил, Фисби!

Наиболее неприхотливые ели, другие опрокинули чашки в кусты. Бывший фермер восточного побережья бурно оправдывался...

Фисби умер к вечеру. Локс пережил его на два часа.

Перед смертью его рвало кровью.

Хауни, отрядный стандарт-медик, едва глянул на индикатор: отравление уже не вызывало сомнений. Стриж прислонился спиной к ребристой стене коттеджа – его, офицера корпуса «Сардар», от похожей смерти отгородил лишь приступ степной лихорадки.

К утру из двадцати с лишним солдат умерло десятеро. Еще до того, как это стало свершившимся фактом, Дезет приказал запереть в риге всех женщин и детей. К рассвету второго дня оставшиеся в живых солдаты пришли в себя.

– Проблевались, парни? Пошли.

Стриж оглядел свой отряд и невесело усмехнулся. Двенадцать человек, излучатели с полным боекомплектом, в изобилии есть запасные.

Иллирианцы собрались на площади. Ригу открыли, женщин и детей выгнали на площадь. Четыре каленусийки под присмотром Хауни и Каннингема долго рыли две ямы: поменьше, для мертвых солдат, и побольше, для других целей. Сарай, где держали мужчин, сначала открывать не стали. Дезет говорил не очень долго, зато громко, на своем идеально чистом каленусийском языке. Он не сомневался, что его прекрасно поняли: полчаса на то, чтобы выдать диверсантов. Потом, каждые полчаса расстреливают по одному человеку: сначала всех боеспособных мужчин, потом остальных по жребию и так до тех пор, пока оставшиеся не выдадут отравителя.

Стриж знал, что никто из мужчин не мог притронуться к котлу – они провели ночь в сарае. Но он помнил окровавленные губы Фисби, и это знание его не беспокоило.

Ждали ровно полчаса – первым к ребристой стене сарая прислонили старосту, ненависть которого была слишком заметна. Через три часа расстреляли еще шестерых. Через пять часов дрожащие несмотря на палящее солнце женщины вытолкнули из своих рядов немую девушку в порванной юбке. Девушка молча, упорно отбивалась. Стриж равнодушно махнул рукой. Он не знал в точности, причастна ли девушка к отраве, однако, дальше задерживаться становилось опасным. Запах горькой полыни стлался в воздухе, трещали цикады...

Девушку расстреляли наспех. Как потом оказалось – только ранили. Отсутствие речи не помешало ей стать главным свидетелем на его, Дезета, процессе в каленусийском трибунале.

Через неделю после диверсии в безвестном каленусийском поселке, император Иллиры отдал приказ о тотальной зачистке «наших пограничных территорий» от «подрывных каленусийских элементов».

* * *

Каленусия. Тюрьма строгого режима Форт-Харай

– Хотите правду? Три года назад, перед судом, я просто хотел выжить и говорил то, что подсказывал мне адвокат. Сейчас я подумал и понял, что да – сожалею. Не как специалист, просто как человек.

– Хотите искупить?

– А зачем? Что я натворил, за то я и сижу. И буду сидеть еще двадцать два года – я и сбежать-то ни разу не пытался.

– А могли бы сбежать из такого места?

Стриж улыбнулся уголком рта.

– Вы же сами знаете ответ.

– Значит, сбежать смогли бы, но почему-то предпочитаете гнить в тюрьме?

– Спасибо, ничего, я привык.

– Не надо бравады.

– Я серьезен. Со мною здесь обращаются вполне сносно, а вашей экспедиция гарантировано пойдет умирать.

– Я вас не узнаю. Совершенно выдохлись. Камера в Форт-Харай и лопата в руках. И что – ничего больше не хотите?

– А что вы можете предложить такому, как я?

– Полную амнистию. Свободу. Если захотите – гражданство Каленусии. Возможность начать жизнь заново.

Пластиковый стул оказался не привинченным, он покачнулся. Дезет резко, будто его ударили наотмашь, дернулся назад, потом повернул голову так, чтобы Хиллориан потерял возможность следить за его глазами.

– Да вы циник, колонель. Вижу, игра пошла по крупному. Только зачем мне гражданство Каленусии? Я иллирианец, им и умру.

Полковник Хиллориан не торопясь открыл кожаную папку – сухо щелкнула пружина замка.

– Это, я имею в виду вашу смерть, может случиться гораздо раньше, чем вам кажется. Вот. Берите бумаги, читайте. Это копия официального запроса Иллирианской Империи на предмет вашей выдачи. Понимаете, что для вас значит такая выдача?

Дезет не отвечал, цепко просматривая документ. Дочитал до конца страницу, перевернул, снова вернулся к началу.

– Можете не сомневаться, бумаги подлинные, – сухо заметил Хиллориан. – А теперь подумайте немного, а я порассуждаю. Вы, офицер корпуса сардаров, попали в плен к каленусийцам. Далее, вы не только не умерли – вас по неясным причинам вытаскивают из заслуженной вами петли. В Калинус-Холле становятся известными некоторые сведения, которых там знать не должны – да, вы нечувствительны ко всем известным разновидностям «сыворотки правды», и к гипнозу тоже, но болевой порог у вас самый обычный. И вот...

– Подонки...

– Полно ругаться. Я знаю, вы сопротивлялись нам как только могли и очень упорно, но для императора это не важно. У вашего правителя проблемы утраты имиджа. Показательная казнь десятка-другого изменников, и вас в том числе, должна помочь.

– Катитесь отсюда, оставьте меня...

– Неужели так хотите на родину?

– Издеваетесь?

– Нет, сожалею. Досидеть спокойно еще двадцать два года на содержании у милосердной Каленусии вам не дадут – вышлют вон. А как только вы пересечете границу – сами понимаете, что вас ждет, Стриж. У нас преступника пожалел Сенат. Тиран Иллиры не страдает столь пошлой сентиментальностью.

Дезет с заметным трудом разжал сцепленные – костяшки побелели – пальцы.

– Ну что ж. Раз у меня есть выбор – я выбираю смерть на родине. Спасибо за правду. У меня будет время приготовиться. Прощайте, полковник Хиллориан, я был рад увидеть вас еще один раз – последний.

Бывший сардар встал и, не спрашивая разрешения, мягким, кошачьим шагом двинулся прочь, к дверям.

– Сидеть! На место, заключенный!

Дезет уже тянулся к причудливо изогнутой ручке двери.

– ...Да сядьте же вы, идиот! Куда лезете? В коридоре солдаты с приказом, если что, открывать огонь.

Стриж остановился почти на пороге, замер на секунду и вернулся к столу.

– Месяцем раньше, месяцем позже – какая, холера, разница?

– Если так сильно не дорожите жизнью, зачем вообще сдавались – могли застрелиться, да и дело с концом.

– Да я уже и не помню толком, зачем. Должно быть, доконала жара. Иногда начинаешь творить странные вещи, потом и сам не рад.

Хиллориан бросил папку на крышку стола, подошел к окну – широкая панорама сквозь небьющееся стекло показала череду однообразных крыш Форт-Харая, облако пыли над песчаным карьером, череду грузовиков на пыльном плато. «Как я устал возиться с тобой, чертов бесстрашный мерзавец».

– Скажите, Алекс, вы еще помните свою дочь?

Он помнил.

* * *

Четыре года назад. «Присоединенные территории Иллиры». Долина Ахара

Стриж вынырнул из вязкого водоворота сна – сам сон он не запомнил, остался лишь соленый привкус опасности. Край неба за окном уже светлел, источая призрачное, зеленоватое сияние. Нина спала. Свет ночной лампы бросал тень длинных, загнутых ресниц на нежную кожу детской щеки.

Стриж искал в сонном личике девочки сходство с ее матерью, но не нашел и отвернулся. Что ж, придется принять тот факт, что Марго его бросила. До столицы Маргарита Дезет должны была добраться еще вчера. Интересно, что она сейчас подельвает в Порт-Иллири? Скорее всего, мчится на машине в свой клуб или проводит время в компании прежних друзей. Для Стрижа ее больше нет, а, может, настоящей Марго никогда и не было.

Дезет отошел от детской кровати. Через месяц, самое большее через два – после того, как вступит в силу бракоразводный ордер, Нину у него заберут. Может быть, это к лучшему. Ребенку не место на границе с Каленусией. Отдать суровые земли Ахара ветеранам третьего пограничного конфликта? – пожалуй, императору Оттону не откажешь в мрачном чувстве юмора.

Стриж еще раз посмотрел на лениво светлеющий проем окна. Его собственный дом в лучшем пригороде Ахаратауна нагонял на него неприятные воспоминания: запах горькой полыни забивал аромат бархатистых цветов на газоне.

В первые недели жизни здесь Дезет тщательно выкосил всю полынь, которую смог найти, запах стал слабее, но совсем не проходил. Стриж знал, что не безумен. Был уверен, что это не «ментальная наводка», но ничего не мог поделать с ассоциациями, оставалось только смириться.

Сейчас натянул свою рубашку сардара и вышел за порог. Муаровое сияние рассвета охватило треть неба. На самой кромке западного горизонта безмолвно полыхало. На пороге соседнего дома застыл полуодетый Хауни.

– Ты видишь это, Стриж?

Запах полыни накатывал тугой, пряной, почти осязаемой волной. Стриж уже понял все – слова больше не имели смысла.

Прошло неполных три дня. Ахара пылала. Отряд бывших сардаров уходил, оставив пригород каленусийским «отрядам зачистки и безопасности приграничных территорий». Шли

на восток ночами, днем отсиживались в оврагах, под прикрытием природных менгиров или среди полос придавленного зноем редкого леса. Ночной ветер долины прогонял дневную жару и нес с гор ледящий холод. Стриж нес Нину на руках, пока мог. На четвертый день, после того, как снайпер из засады подстрелил Каннигема, Дезет выбросил содержимое заплечного мешка и посадил туда ребенка – в руки он взял излучатель. Рыжее, мохнатое, такое знакомое солнце каждое утро выныривало из-за ломаной линии восточного хребта, однако, горы, казалось, совсем не приблизились.

На пятый день кончилась вода.

Колодец нашли на шестой день. Возле этого колодца, в ложбине, их и окружил отряд, высаженный накануне с каленусийских вертолетов...

– ...Эй, командир! Что будем делать?

Дезет отнял от глаз окуляры бинокля.

– Они привезли тяжелые излучатели. Ждут. Думаю, предложат нам сдачу. Сколько осталось зарядных комплектов?

– По половине на человека. Нас всего семеро, командир...

– Хочешь сдать, Фисби? – спросил Дезет и с ужасом понял, что по ошибке назвал Хауни именем мертвого солдата.

Хауни все понял, но сделал вид, что не заметил.

– Я бы, может, и сдался, командир, – нехотя отозвался он, – но ведь будет только хуже. Гореть под излучателем больно, но быстро. Если сдадимся – умирать придется месяц или два, каленусийцы это умеют.

Стриж на минуту закрыл глаза. Потом посмотрел на завернутую в походное одеяло Нину.

– Давай свое полотенце.

Он пристроил тряпку к стволу, выставил за край ложбины и помахал импровизированным белым флагом.

– Эй! Подойдите для переговоров.

...Парламентер-каленусиец показался далеко не сразу. Это был майор с худым равнодушным лицом, который молча ждал. Стриж облизал пересохшие губы, потом произнес, пытаясь придать голосу спокойствие, которого вовсе не ощущал.

– С нами гражданские.

– Ну и?

– Они (она! – подумал Стриж) тут не причем. Разрешите гражданским выйти в безопасное место. Потом начнем нашу с вами разборку.

Майор с худым лицом задумался всего на миг.

– Нет, на годится. Я не стану класть своих солдат, выбивая вашу нечисть из укрытий. Мои условия: сдаетесь все – даю на сборы пять минут. Не уложите – открываем огонь на поражение, и мне все равно, кто там с вами.

Стриж в бессильной ярости смотрел на долговязый силуэт уходящего.

– Пойдите!

Каленусиец не оглянулся, а Стриж в два прыжка достиг края ложбины и сполз на дно – хорошо хоть вслед не стреляли. Сардары подняли на него глаза – белки ярко блестели на закопченных, припорошенных серой пылью лицах.

– Мы сдаемся, парни.

– Ка-какого черта, командир?!

Лицо Хауни перекосила гримаса.

– Заткнись. Так надо.

– Надо?!

Стриж почувствовал опасность спиной и развернулся, принимая на предплечье удар приклада. Полыхнуло болью, рука мгновенно повисла, излучатель покотился на землю.

– Он предатель. Кончай его, ребята!

Дезет увернулся, пропуская мимо второй удар, в следующий миг близкий выстрел опалил ему бровь.

– Бей сзади!

Стриж упал ничком, сбитый подсечкой, прямо в глаза смотрело вороненое дуло излучателя Хауни. Дезет нащупал прижатый бедром пистолет. Глаза стандарт-медика в это момент показались ему совсем безумными. Стриж увидел, как под скрюченным пальцем бывшего товарища медленно подается спусковой крючок – выстрелил первым.

Через пару минут все было безнадежно кончено – пять трупов.

Еще через две минуты в котловину посыпались разъяренные каленусийские солдаты...

– Брось оружие! Мордой в песок.

Стриж медленно опустился на колени, потом лег ничком – ему тут же надели наручники, на сломанную руку тоже.

– Еще живые остались?

– Никого, майор. Погодите... тут ребенок.

– Санитар, заберите ребенка. Пленному закатайте рукав.

– Сделано. У него татуировка корпуса «Сардар».

– Отлично. Теперь померьте индекс пси-активности.

– Он лицо отворачивает, падаль.

– Сержант, придержите сардара за плечи. Сколько? Не может быть. Ноль?!

* * *

7005 год. Каленусия. Тюрьма строгого режима Форт-Харай

Стриж нехотя оторвал ладони от лица.

– Поздравляю, колонель. На этот раз вы меня достали. Точно и грамотно. Это хотели услышать?

– Да, хотел. А теперь вернемся к нашему вопросу – ваша дочь вам еще нужна?

– Где она?

– Еще вчера была в Порт-Калинусе, в приюте для сирот. Хотите, чтобы там и осталась?

– Это примитивный шантаж.

– Может быть, но если согласитесь нам помогать, девочку вам отдадут.

Стриж криво улыбнулся.

– Меня все равно убьют, толку в мертвом отце никакого.

– С чего вы взяли, что акция непременно смертельна? Раньше за вами не водился такой пессимизм.

– Укатали осла дороги Форт-Харая. В пыль и грязь. Вы зря явились сюда, я уже не тот, кто вам нужен.

– Нам нужны ваши врожденные способности, а их ничто не отнимет. Послушайте, я максимально откровенен. Вы можете погибнуть. Если выживете – получите все, что я обещал. Все, без исключения. Умрете – ваша дочь будет обеспечена, получит каленусийское гражданство, статус и уважение. Если хотите – мы сочиним для нее легенду и сделаем вас героем.

Стриж с минуту молчал, положив голову на сцепленные ладони. «Чертов хитрец, – подумал полковник – не дает мне следить за его лицом». В бронированное стекло комнаты, то расправляя, то пряча шелковые нижние крылышки, бился крошечный зеленый жучок. Этот жучок почему-то отвлекал Хиллориана.

– Хватит молчать и тянуть время.

- Я согласен.
- Славно, так гораздо лучше. Я привез вашу дочь с собой – хотите видеть ее?
- Чуть позже. Я не хочу пугать ее каторжной униформой.
- Хорошо, вы сможете сменить одежду.
- Я должен сам подобрать Нине опекунов, но не знаю, кого. Может быть, вы возьметесь?
- Жаль, но не смогу. Я тоже отправляюсь в горы Янга вместе с вами...
- Вот как...

* * *

Комендант не провожал Хиллориана – полковник вежливо, но решительно отказался. Кей Милорад сидел в нише панорамного окна и смотрел, как к вертолету медленно бредет кучка людей. Одна фигурка – ее вел за руку Дезет – была совсем маленькой. Комендант отвел глаза. «Не знаю, справедливо ли такое решение, наверное – нет. Но оно пойдет на пользу. Надеюсь, что на пользу. Пусть будет так, как лучше», – мысленно попросил-помолился он.

Стриж шел к вертолету, подставляя лицо свежему ветру. Нина держала его указательный палец в своем маленьком, теплом кулачке. Оранжевое мохнатое солнце наполовину село. Иллирианец смотрел на бурую равнину, на закат, на пыльный карьер, понимая, что скоро, возможно, умрет. И лишь полковник Хиллориан оставался полностью доволен – его миссия удалась.

Машина оторвалась от грунта, мощно набрала высоту, свист винтов совсем заглушил прощальный лай собак-мутантов.

Глава 3. Белочка

Каленусия. Полис Параду¹

Джулия по прозвищу Белочка вышла из салона в теплую метель цветочного пуха, шелкнула замочком плоской сумки, ручное зеркальце охладило горячие пальцы. Круглый кусок стекла метнул солнечного зайца и отразил матовое лицо, густые срезанные чуть пониже ушей волосы, точеный носик, пушистые ресницы, теплые чайного цвета глаза, под которыми залегли едва заметные серые круги. Пока едва заметные...

День был закончен, который по счету – уже все равно. Чья-то маленькая собачка, смешно взбрыкивая задом, пробежала мимо. Белочка едва не рассмеялась – разума коснулась яркая аура щенка. Мысли песика состояли из смеси запахов, цвета и звука: катящийся желтый мяч, хруст карамели на клыке, свист гордого своими семью годами загорелого мальчугана. Собака была счастлива...

Джулия вздрогнула и выставила пси-барьер. Вечернее солнце все еще палило нещадно, но Белочка шла вперед, сжавшись словно от холода и обхватив руками плечи...

* * *

Воспоминания словно стеклышки калейдоскопа. Обломки несостоявшейся мозаики складываются в прихотливый узор реализованного случая. Тот, другой щенок остался в прошлом. Коричневый, гладкий, он скулил от боли и обиды. Маленькая Джу положила пальцы с обломанными ногтями на розовый животик, и щенок умиротворенно затих. Зато самой Джу стало плохо, и яркие краски мира словно бы потускнели, задернутые частой черной сеточкой.

Когда восемнадцать лет назад флегматичный Реджинальд Симониан впервые заподозрил у четырехлетней дочери паранормальные способности, он сказал только: «Ух!». Это «ух» позволило ему десять лет питать тайные надежды, за год пережить горькое разочарование, два года вести глухую борьбу с судьбой, после чего махнуть рукой на пропащее потомство.

Белочка, измученная постоянным компромиссом между собственной сущностью и страхом отторжения, основательно подзабыла детство – остались так, обрывки. Красные, сухие и сильные руки матери, некрасивой, молчаливой и во всем согласной с образованным супругом. Особый стиль отца – баланс между строгостью и небрежностью. Гулкие, просторные – стекло, сталь, пластик – лаборатории Центра Калассиана, которые заместили в ее жизни зелень пригорода, желтый мяч и щенка.

Джулия, тогда еще не Белочка, оказалась в Центре в двенадцать лет – минимальный возраст, позволяющий обследование. Отец сам отвез ее туда на своем низком, бесшумном, раскрашенном под малахит каре – последний писк моды для граждан средней руки. Джулия, прижатая ожиданием, молча лизала холодный цилиндрок мороженого, больше всего боясь измазать сиропом кожу сиденья.

Центр принял новую пациентку в свою необъятную стеклянную и блестящую утробу, ярко польхнул контроль-индикатор пси-турникета. Женщина в белоснежном тугом колпачке под расписку забрала потомство Реджинальда. Родитель по традиции на несколько минут остался с ребенком-сенсом наедине. Он что-то говорил: о даре, долге, блестящих перспективах, но с тех пор время беспощадно опустошило память Белочки. Зато она точно помнила, почему плохо слушала отца: по пластиковому стеклу панорамного окна полз, расправляя зеле-

¹ Название города происходит от слова «рай».

ные крылышки, твердобокий круглый жучок. Отец ушел не оборачиваясь – прощально мелькнула сутуловатая спина в вельветовом пиджаке и блестящие задники остроносых ботинок.

В Центре Калассиана она провела год...

Скрип тормозов – и воображаемый калейдоскоп сломался, а яркие стеклышки воспоминаний бойко разлетелись во все стороны.

– Привет, Белочка! – лохматый тип высунулся из окна притормозившей машины, —Подвезти?

– Джейк?

Полузнакомый клиент салона «Виртуальные приключения» весело кивнул и распахнул дверцу. Климатическая установка машины обдала Белочку свежестью, легким ветерком и запахом горного озона.

– Куда – юго-восток? Нет проблем. Поехали.

Ментальная аура Джейка приятно успокаивала – она была простой. Жужжал двигатель, Белочка закрыла глаза, подставляя лицо фальшивому ветерку кондиционера и думая о своем...

...В Центре Калассиана она провела год – чистый, стерильный, как стеклянные стены. Сотрудник, который выписывал Джу, был краток – тринадцать лет пациентки предполагали возможность понимать если не все, то главное. Реджинальд Симониан, слушая, кусал побелевшие губы. Да, у его дочери сильный врожденный дар. Нет, полноценным псиоником она не будет. Верх возможностей – снять болевой синдром, стимулировать резерв организма пациента.

– Поздравляю, у вас прекрасная дочь, Симониан, добрая девчушка, но не боевой псионик. Она чувствует, понимаете, чувствует боль другого человека как свою, мало того, воспринимает его... психическую и физическую целостность как собственное благо.

Сухая рука отца жестко, до боли сжала пальцы Джу – она безуспешно пыталась выдернуть онемевшую ладонь.

– ...нет, коллега, ее специфические способности не могут быть нами использованы. Техника и препараты лучше справляются с теми же проблемами. Простите, но Центр в сотрудничестве не заинтересован.

Симониан уже не слушал объяснений – ботинки доктора философии четко печатали шаг на выход – по стандартной тропе неудачников. Пойманная за руку Джулия семенила, пытаясь успеть за отцом. Попытка сделать пси-карьеру закончилась для нее сокрушительным поражением...

Калассиановская клиника научила Джу кое-каким полезным вещам. Например, ставить пси-барьеры, чтобы не превратиться в зеркало, безвольно отражающее колебания чужих желаний. Родитель ожесточился, переживая крушение надежд – в его глазах дар ребенка фатально обернулся уродством. Мать молча уходила на кухню – плакала она там или просто еще раз вытирала и так до блеска протертые чашки. Через год Центр Калассиана оказался жертвой иллирианской диверсии, голубая пена, в которую превратился стеклянный монстр, пышно оседала на асфальте. Еще через два года шестнадцатилетняя Джулия назло судьбе поступила в медицинский колледж университета Парадю и съехала из родительского дома навсегда.

Город-курорт на западном побережье встретил ее обольстительным великолепием. Когда-то над созданием райского уголка всю потрудились архитекторы и художники. Виды на залив, стремительно-легкие сооружения и парки сначала рисовали вручную и лишь потом воплощали в зелени и камне.

Цвели магнолии, шумел белопенный прибой, играли цветомузыкальные фонтаны. Обильно натяканные в укромных местах детекторы улавливали настроение публики, на ходу меняя программу цвета и звука – зрелище получалось феерическое: от багрово-пламенной страсти до жемчужно-серой грусти со множеством промежуточных оттенков. С заливом тоже поработали на славу. Здесь было все – и «дикий» берег с валунами, и рукотворный риф, и водья-

ной театр, с непременными прогулками верхом на сиренах. У причалов покачивались почти настоящие древние парусники (имитация, которая дороже оригинала). Буйство красок, ограниченное строгими рамками замысла, завораживало. Изнанка роскошных декораций – дешевые пыльные отели и сомнительные притоны юго-восточной окраины – без нужды не мозолили глаз.

Университет, впрочем, тоже устроился в некотором отдалении от шумного суетного центра, здесь царил деловитая атмосфера, присущая каленусийским храмам науки.

Джулия полюбила, закрыв глаза, нежиться в мягком библиотечном кресле. Пси-установка хранилища понимала ее «с полумысли». На темном экране опущенных век складывалась мозаика извлеченной из машины информации – картины, движение, мягко плывущий текст. Нейтрально-инертный, покорный псевдоразум машины не заставлял Белочку удерживать барьер.

Первый год пребывания в Параду подходил к концу. Газеты пестрели заголовками – как раз начался третий пограничный конфликт. Джу плакала вместе со всеми, стоя в непривычно-скорбной толпе под ультрамариновым небом: полиса развлечений достигла весть о потерях в долине Ахара.

Когда Джулия сняла пси-барьер, ее захлестнули волны скорби и она терпела, сколько могла, утешая самых отчаявшихся. К утру усталые люди, выплеснув ярость, разошлись.

...Официальный траур длился три дня. Потом («время – деньги») рекламу увеселительных заведений возобновили. Измотанная пси-перегрузкой студентка Симониан брела по мраморным коридорам колледжа, совершенно придавленная изменчивостью людской природы. Ее окликнули. Незнакомый парень, парой лет старше, улыбался, протягивая брошюру «инициативного комитета за возвращение утраченных территорий». Листовку Белочка взяла, потом нехотя остановилась поболтать. Так Джу встретила *его*.

Авель был великолепен. Авель был сама искренность. Авель (несмотря на тщательно удерживаемый пси-барьер) угадывал ее мысли, как свои. Авель был чист и красив красотой античного полубога. Авель, возможно, любил ее. Они вместе шли в залы Колледжа и на улицы Параду. Он первым назвал ее «Белочка» – за коротко обрезанный поток волос цвета самого темного каштана.

Кипела и бурлила задорная весна. Авель и его друзья требовали от властей активного вмешательства в проблему Ахара. Департамент Обзора молчал, предоставляя молодняку свободно выпускать пар. Белочка, закрыв глаза, на память диктовала ментальному копировальщику текст обращения. Поздними веерами цокот ее каблучков отскакивал от спящих стен, наполняя задором пустое пространство. Плакаты клеили, пока все спали, «на видном месте», утром владельцы магазинов скребли пятна клея на витринах и яростно поносили университетских дураков.

Однажды, когда Авель и Джу уже успели испортить полдюжину витрин, их заметил одинокий сердитый полицейский. Возможно, сказались воспитательные навыки, приобретенные пожилым мужчиной в собственном семействе – его толстые пальцы ухватили Белочку за ухо и больно вывернули мочку. Перепуганная Джу неистово заорала.

Авель, как всегда, оказался на высоте – струя вонючего клея ударила из распылителя прямо к лицу врагу...

Джулия и Авель, схватившись за руки, убежали в душистую темень парка. Магнолии кронами укрыли их от прожекторов. Джулия сбросила туфли и взяла их в руки – так быстрее бежать. Пахло мятой и ночными цветами, песок дорожки мягко поддавался под босой ногой. В почти настоящем лесу что-то тихо потрескивало.

Они потеряли дорогу через полчаса. Джу попробовала снова надеть туфли, но ступни отекли и ремешки не сходились. Авель потянул ее в сторону, туда, где смутно желтело здание

для игры статистический бильярд: это развлечение сочетало в себе ловкость рук и подачки фортуны, скупо производимые генератором помех.

Белочка никогда не играла в такие игры, но ее позабавил огромный стол на массивных ножках. Стол покрывала туго натянутая зеленая ворсистая ткань, сверху пологом нависал пресловутый генератор.

В углу обнаружился запертый бар. Они сидели на полу, прижавшись спинами к тумбе и по очереди отхлебывали из единственной найденной под стойкой бутылки. Джулия нервно смеялась, припоминая бегство через лес. Она прежде никогда не пила эйфорин и понятия не имела, как он подействует на ее паранормальные способности. Оказалось – удивительно. Барьер смыло мягкой, теплой волной, темное пространство вокруг взорвалось ярко-розовыми, смешными пузырями. Джу ахнула – вокруг головы Авеля светилось нежно-бирюзовое кольцо ауры. Руки самой Белочки мягко мерцали бесчисленными золотыми блестками.

– Смотри...

Авель не понимал, на что смотреть, его классически-правильное лицо, оставаясь прекрасным, чуть поглупело.

– Смотри, это звездная пыль...

Он медленно провел пальцем по ее руке, сдвинул в сторону косой срез ореховых волос и осторожно поцеловал гладкую щеку возле уха...

Джу была слишком возбуждена, чтобы припомнить, в какой из книжных историй герои занимались любовью на бильярде.

...Они расстались через три дня.

Джу тупо смотрела на искаженные нервной судорогой черты любимого. Авель говорил много – о великих событиях и о том, что они не могут просто быть вместе, пока страдает Каленусия. Белочка прекрасно понимала, что это ложь, но спорить не хотелось – она и так знала правду. «Ты вошла в мою душу и в сердце мое. Я не знал, что это может быть настолько страшно», – первые слова Авеля после той ночи объясняли все.

Преподаанный урок Белочка усвоила. Собственная природная сущность вовсе не казалась ей уродливой, но мысль о трагической исключительности сделалась теперь второй натурой.

До полудня Джу много работала – пришлось наверстывать упущенное в пустой компании Авеля. Стиснув зубы, она спускалась в виварий – бусинки звериных глаз смотрели с немым укором. В анатомичке было полегче – аура мертвых тел давно угасла, оставив лишь слабый налет печали.

Семестр проходил за семестром, трехлетний предварительный цикл медицинского образования кончался. Интересные перспективы замаячили еще раз – попасть в привилегированную обойму высшего цикла считалось трудным и престижным делом. Джулия не спала ночей – в уголках чайных глаз залегли серые тени. В конце концов она умудрилась набрать восемьдесят пять процентов от высшего рейтинга – результат более чем приличный...

Листок со списком переведенных долговязый секретарь приколол слишком высоко, приходилось запрокидывать голову. Фамилия Симониан там не значилась, и Белочка ловила на себе то жалостливые, то ехидные взгляды.

– Тебя к декану, Джу, – сказал кто-то за спиной.

Сухой костистый как птеродактиль старик с седой бородкой долго молчал, протирая зачем-то и так чистые до пронзительно-ледяной прозрачности очки (припомнились материнские чашки).

– Я понимаю, вы удивлены, Симониан. Прошу вас выслушать меня со вниманием. Я не стану скрывать – ваш балл позволяет перевести вас, но я не буду этого делать.

Птеродактиль постучал по столу длинными, жесткими пальцами и устоялся куда-то в верхний угол, поверх головы Белочки.

– Вы шокированы, Симониан? Понимаете, я стою перед выбором, кем заместить вакансию – упорным середнячком, который с неба звезд не тащит, но через три года станет прекрасным военным врачом... Или умненькой девочкой, из которой, увы, ничего не выйдет...

Белочка подняла на Птеродактиля чайные глаза в пушистых ресницах. Старик на миг поперхнулся.

– Я знаю, вам обидно, но поверьте, сенс – плохой врач. Что вы делали до сих пор? Потрошили лягушек? Вскрывали трупы? Делали инъекции в учебной клинике? Милая моя – это так мало... Вы их жалели – всех, всех, и трупы тоже. Там, где смерть и врач встречаются лицом к лицу, там нет места слабости. Милая, пожалеть больного, которого нужно резать – все равно что его убить. Я один раз спасовал, приняв вас на начальный цикл. Пусть Мировой Разум простит старика – я не повторяю собственных ошибок.

– Меня отчисляют?

– Нет. Я прошу, слышите, смиренно прошу вас уйти добровольно. Не занимайте чужого места, этим вы спасете многое жизни. И простите меня, старого дурака...

Выйдя от Птеродактиля, Джу выбросила свою конфедератку в урну и навсегда покидала белый портик. Яркое солнце сушило дорожки слез на ее щеках...

Домой, к отцу, бывшая студентка не вернулась. Через три недели жизни в дешевом отеле-чике кончились деньги. Еще через пару дней, в скромной забегаловке на углу, к ней подошел угрюмый, плотно сбитый тип с пестро татуированными фалангами.

– На мели, крошка? Ищешь работу? Могу помочь.

Джу затошнило. Характер предлагаемой работы не вызывал сомнений. Она отодвинула бумажную тарелку с недоеденной сосиской, схватила плоскую сумочку и бросилась к выходу, ловко перепрыгнув через ноги сутенера, но он догнал уже за углом.

– Ты чего испугалась? Не бойся, это не работа шлюхи, в борделе такие не нужны..

– Тогда свали и не приближайся.

Громила обиженно хмыкнул.

– Не пыли. Работа неплохая, почти чистая. Ты ведь сенс-сострададьщик? Нам как раз такие и нужны.

Белочка едва не расхохоталась – то, в чем ей отказали сначала Центр Калассиана, а потом университет Параду, просто вот так, на заплыванной улице, предлагал человек с лицом и силуэтом вышибалы...

Так Белочка познакомилась с Дерекком.

Дерек содержал салон виртуальных приключений. Идея заведения оказалась гениальной в своей простоте – посетителя помещали в гидрокресло, чуть подкачивали слабым растормаживающим, после чего в дело вступал наемный псионик. Салон предлагал ограниченный список ментальных наводок: путешествие в горах (с лавиной и лохматым горным монстром), пустынные приключения (с песчаной бурей и почему-то голым монстром), охоту на иллирианских диверсантов (с обильной стрельбой до победы и торжественным награждением). Список потихоньку пополнялся – по мере развития бизнеса. Сексуальных наводок в заведении не держали – услуги псионика обходились дороже, чем услуги девки. Хотя финансовое благополучие салона подвергалось колебаниям, громила не желал сменить профиль дела на более традиционную проституцию.

Дерек гудел низким басом, мучительно очерчивая проблему:

– Ты пойми, куколка, я ж художник. Мастер иллюзий в натуре. По молодости хотел сенсом стать – башка подкачала, не годен ни с какого конца. Теперь дело держу. А ты мне нужна – позарез. Клиент, он натура тонкая, подавай, чтобы и страшно, и хорошо, и с шиком, и каждый раз новое – и за те же бабки. Раз кинули, два кинули – он и свалил...

Джулия с трудом пробивалась сквозь корявую речь «мастера иллюзий», улавливая главное: свое место в этой комбинации. Ситуация обнадеживала. И проблема оказалась не наду-

манной. Нанятый Дерекком псионик-классик честно отработывал свое, загоняя монстров и врагов в изнуренные сидением в офисе мозги посетителей. Реализм и качество цвето-звукособонятельно-осязательной картинке поначалу впечатляли. Разочарование наступало потом – виртуальному миру не хватало простых, но трудно моделируемых малостей – сочувствия и неожиданного, трепещущего чуда...

Белочка хладным разумом поняла – это шанс. Она попросила у Дерека время на раздумья, но уже уходя, уже прощально стуча каблучками по фигурной плитке тротуара, она знала, что согласится.

* * *

«Виртуальные приключения» открывались поздно вечером, в тот час, когда тонкая аура ночи, пронизанная светом фар, будит воображение. Неповоротливого разума Дерека хватало на то, чтобы все не показываться клиентам. Днем делами заправлял наемный бухгалтер, ночью – лощеный менеджер Раф и молчаливые, замкнутые братья-близнецы Валериус и Хэлиус: секьюрити заведения. У Хэлиуса к тому же были острые уши – плод косметической хирургии и зигзага моды.

Раф рассматривал Белочку со сдержанным скепсисом, однако, придираться не пытался – вручил письменные инструкции, чип с набором стандартных сценариев, Валериуса для экспериментов и дал добро на испытательный срок. Сценарии оказались в меру убоги, но, в целом, годились: ей самой предстояло насытить деталями и эмоциями сухую кальку шаблона.

Раф скептически морщился, Валириус, он же Вэл, открыто ухмыляясь, залез в кресло, которое весело забулькало наполнителем. Белочка присела за пульт, приложила к вискам крошечные холодные диски датчиков – «монетки» тут же сами приклеились – и закрыла глаза.

– Мотор!

Она послала осторожный импульс. Сознание Вэла откликнулось – сталь, лед, неоновый свет. Она почерпнула из собственной памяти картинку и, мысленно слепив информацию в комочек, попыталась найти трещинку в ледяном барьере. На миг ее ослепило, и тут же погасло, зеленоватое пламя. Ничего не происходило. Виноватая улыбка застыла на растерянном лице Белочки – она поняла, что позорно провалилась.

* * *

...Джу бросила Параду. Порт-Калинус был ей противен. Рейсовый аэробус увез Белочку на восток. Мелкие, чистенький города поселенцев Ахара охотно принимали мигрантов. Летом Джу работала на фермерских полях, зимой – официанткой в провинциальных ресторанчиках. Постепенно обида истончилась. Закаты в Ахара отливали оранжевым золотом. Стлался в воздухе запах горькой полыни...

Когда пришли иллирианские солдаты, Белочка бежала вместе со всеми. Стебли трав рвали юбку, царапали похудевшие ноги. Ночью, под колкими звездами, Белочка подбрасывала в походный костер сухие стебли бурьяна, этот дым тоже отдавал горечью. Она ела, что придется – последние корки хлеба, зеленые султанчики сладкой травы...

...Иллирианцы настигли их через пять дней. Выстрелы излучателей скосили задние ряды беженцев. Три сотни уцелевших людей метались, окруженные огнем прожекторов, лаем собак и стеной равнодушного презрения. Уцелевших поместили в огромный старый ангар. Белочка не могла спать – скученные люди сидели вместе, вплотную, локоть к локтю. Их не кормили три дня, потом перестали приносить воду в серых жестяных ведрах. На шестой день за Белочкой пришли. Она шагала навстречу страху, обхватив руками свои похудевшие, острые плечи.

Снаружи, на вольном воздухе, ветер принес слабый запах полыни. Прямо перед Джу был запущенный дворик и выщербленная закопченная стена – тусклая побелка сошла с нее пятнами.

Белочка в последний раз посмотрела на жемчужно-нежный рассвет Ахара.

...Первый выстрел излучателя прожег ее плечо...

* * *

Джу очнулась. Полыни не было. Не было ничего – ни бегства из Параду, ни войны, ни иллирианцев, ни страшной стены в бурных разводах. Дерек твердо и вместе с тем заботливо держал ее за плечи. Остроухий Хэл осторожно бил по щекам потерявшую сознание сострадательницу. На заднем плане Вэл с окаменевшим лицом как раз закончил выпрастываться из вязких объятий гидрокресла. Тихо пел кондиционер – прямо в ноздри точеного носика Джу ударила струя свежего воздуха.

– Очнулась? Привет, подруга! Раф, плесни ей выпивки.

Раф что-то недовольно пробормотал.

– Обморок? Ну, она привыкнет. Эксперимент был нечистым – у парня пси-чувствительность чуть повыше нуля.

Дерек, казалось, больше не слушал менеджера. Он внимательно следил за Вэлом. Тот выпутался, наконец из проводов. На чуть порозовевшем лице охранника, обычно таком замкнутом, появилось удивительное выражение. Это было трепетное, свежее, как весенняя травка счастье. Счастье человека, действительно спасшегося от смерти.

* * *

Всего за неделю «Виртуальные приключения» приобрели бешеную популярность. Сюжеты получались индивидуальные и всегда неожиданные, от посетителей не стало отбоя. Жесткий, кровавый реализм сменялся тонко очерченными переживаниями, экзотические приключения – запутанными головоломками изощренных преступлений. До самой Белочки теперь долетали лишь приглушенные копии чужих переживаний, но даже этого хватало, чтобы держать ее в состоянии непреходящей усталости...

Джу органично выросла в компанию, научилась ладить с Вэлом-Хэлом и ценить Рафа. Финансовые дела «Приключений» процветали. Небо оставалось безоблачным.

Джулия не замечала стужавшихся тучек лишь в силу естественной неопытности – десятки мелких подробностей указали бы более проницательному человеку на обратное. У Дерека давно «протекала крыша». Дела шли своим чередом, полностью оправдывая известный афоризм насчет того, что обстоятельства, предоставленные сами себе, имеют обыкновение изменяться в худшую сторону уже безо всякой помощи дураков.

Кульминация закулисной возни наступила в один из пронизанных бледным неом весенних вечеров, когда под градом булыжников витрина «Приключений» разлетелась на тысячу осколочков, которые усеяли тротуар и золотые ступени.

Через миг в дверь ввалилась семерка громил, университетские умники любили называть «продуктом деструктивных процессов в социуме крупных городов». «Продукт» сильно залежался – пахло выпивкой, а, может, и еще чем покруче. Джу, не скрываясь, зажала нос. Кругленький, липкий субъект с ухватками хозяина громил, развязно представился: «Хастерс Буллиан». Его бандиты уже вовсю громили бухгалтерию Рафа, а самого Рафа послали «в отпуск» нокаутом. Еще один налетчик, тощий и долговязый, вспарывал ножом гидрокресло, толстая оболочка не поддавалась, и тогда он решил сделать костер из киберы. Разумная машина, оценив ситуацию, решила удрать, но бандит загнал жертву в угол кованым носком башмака.

– Мочи всех, парни!

Хастерс взглядом оценил поджарую фигурку Джу, остался недоволен, потом махнул рукой – выбирать, собственно, было не из кого. После этого он сплеча рванул белочкин кружевной джемпер. Жест, позаимствованный из популярного сериала, на практике оказался неэффективным. Синтетическое волокно эластично амортизировало, джемпер не собирался ни рваться, ни сниматься. Предводитель шестерок на миг опешил. Белочка, мстительно улыбаясь, добавила от себя – слабенькая ментальная наводка на тему «вторая иллирианская эпидемия холеры» не отличалась тонкостью и не требовала помощи датчиков, однако громила поспешно схватился за живот.

Казнимый кибер воспользовался заминкой и на шести коротких ножках порскнул за дверь.

Опомнившийся Хастерс уже занес кулак, примеряясь сломать девчонке нос, но Джу выскользнула ужом и тут же приложила мерзавца каблучком по причиндалам. Лицо Хастерса враз посерело, стало напоминать тесто, и вроде бы даже поплыло.

– Ах ты, сучка!

Драка в заведении бурлила кипятком – кого-то впопыхах сунули в уцелевшее гидрокресло. Сенс-автоматика, одурев от множества противоречивых ментальных импульсов, вяло пережевывала добычу, пытаясь правильным образом сориентировать и зафиксировать беспокойного клиента. Раф все еще лежал без сознания – из породистого римского носа менеджера сочилась кровь. Остроухий Хэл и его брат Вэл жестоко и молча схватились с эскортом Хастерса.

Роль решающего резерва сыграл сам Дерек – он, стуча башмаками, ворвался в разносимое на части заведение. Рев оскорбленного в лучших чувствах громилы сотрясал стены, кулачищи молотили без устали...

Ну что еще можно добавить?

Налетчики (кроме приспособленного-таки креслом по назначению) разбежались. Джулия сначала истерически хохотала до слез, потом горько и бесполезно плакала от безысходной остроты чужой боли: на этот раз пси-барьер не устоял под натиском разгулявшихся эмоций.

Патруль полиции объявился только через полчаса.

* * *

После памятного погрома сборщики отступных надолго оставили в покое «Виртуальные приключения». Дерек открыто, напоказ зауважал Белочку, она же приходила и уходила, ночью проживала пеструю мишуру чужих жизней и бесчувственно отсыпалась днем. Счет в банке медленно, но верно округлялся. Джу обходила стороной студенческие кварталы, избегая бывших друзей – они казались ей нелепо раскрашенными фигуркам полузабытого кукольного спектакля...

Время шло, сил становилось все меньше, и это вынудило Джулию внимательнее присмотреться к себе. Результаты не порадовали. В уголках чайных глаз уже залегли серые желтые тени. Миндалевидные розовые ногти испещрили белые отметины, кожа рук выглядела суше, жестче, чем раньше.

...Врач, противоречивое сочетание заботливости и цинизма, словно явился из оставленного в далеком детстве Центра Калассиана. Он пропустил Джулию в кабинет, вежливо выслушал, тщательно осмотрел, долго мыл руки и тер их хрустящей салфеткой одноразового полотенца.

– Ну и? – не выдержала она.

– Ну... В целом вы здоровы. Пока. Однако честно предупреждаю – если не перемените образ жизни, умрете. У вас в запасе от силы год, может быть, полтора. Последние два месяца будут... очень болезненными.

Джу вскинулась будто змейка, готовая к прыжку.

– На что вы намекаете?!

Врач снисходительно фыркнул.

– Ну вы же псионик? Бизнес? Ментальный притон? Эмуляция острых переживаний?

– Да.

– Это медленно разрушает ваш мозг и гипофиз. Случай в моей практике не первый, думается, и не последний. Вам, должно быть, платят неплохие деньги, но эти деньги не стоят жизни. Поверьте мне, милая девушка, и уйдите из бизнеса развлечений. Вы псионик-сострадатель, признаю, не повезло, ну так займитесь курами и кроликами, это хорошие создания. Полгода в деревне, на свежем воздухе, вернут вам форму. А я – я сделал все, что мог, предупредил вас.

Ошарашенная приговором Джулия расплатилась с доктором теми самыми деньгами, которые заработала в «иллюзионном» салоне Дерека, и пошла прочь, едва не кусая костяшки пальцев. Теперь ей стал понятен скепсис Рафа.

Что ж, прощайте «Виртуальные приключения». Белочка решила, что пустится в новую неизвестность, поработав напоследок пару месяцев, но не могла отделаться от мысли о невидимом неумолимом счетчике...

* * *

...Скрип тормозов, теплая метель пуха за наполовину опущенным стеклом. Калейдоскоп воспоминаний больше не ломается – просто цветные стекляшки кончились, просыпавшись между пальцев...

Обходительный Джейк, заложив вираж, остановил машину возле знакомой двери.

– Пока, Джу, старушка.

– Спасибо, – сказала она и взбежала по крутым ступням.

В замочной скважине белела крошечная записка. Белочка вытащила туго свернутый пластиковый треугольничек с номером 7-777-777. Телефон мирового разума или новая работа? Она рассмеялась.

На следующий день Белочка позвонит по «номеру судьбы».

Еще через день состоится ее первая встреча с полковником Хиллорианом.

Двадцатидвухлетний медик неполного статуса, сенс-сострадатель Джулия Симониан без радости и без печали примет место врача секретной экспедиции Департамента Обзора – а что ей оставалось делать?

Глава 4. Иеремия, Мюф

7005 год. Северо-восточные поселения Конфедерации

Длинное, прямое как стрела, шоссе Порт-Калинус—Восток запрудил поток разноцветных каров – трели клаксонов создавали невыносимый шум, но это, казалось, ничуть не мешало седовласому старику в синем льняном балахоне. Старик сидел, поджав ноги, прямо на разделительной полосе и покачивался в такт произносимым про себя словам. Рядом терпеливо слонялся мальчик лет восьми – крепкий густобровый паренек. Дорогу перегораживал развернутый трак шипастой стальной «гусеницы».

Вертолет дорожной безопасности уже завис над полосой асфальта, созданный им вихрь трепал балахон проповедника, и темные волосы мальчишки.

– Четвертый, четвертый! Как слышишь меня, Либиан? Прием.

– Слышу отлично. Как обстановка, Мисти?

– Все так же. Старый перец крепко заткнул дорогу.

– Я удивляюсь, как его до сих пор не разделали в лепешку водилы.

– Он у них что-то вроде священного животного. Как бы ни чудил этот Иеремия, ему все сходит с рук.

– Можете сесть поблизости и снять его с трассы?

– Поблизости – никак. Тут и воробью не пристроиться. Попробую сесть чуть подальше.

– Как знаешь. Удачи! Конец связи.

Через некоторое время вертолет опустился на поле скошенной люцерны. Патрульный Мистиан тяжело спрыгнул на землю, поправил кобуру с полицейским парализатором и деловито зашагал туда, где в облаке пыли продолжала копиться дорожная пробка.

Водитель крайней с обочины машины, не реагируя на полицейского, сосредоточенно прильнул к уникаму. Остроносое сухое лицо напряглось, кожа загорелого, с залысинами, черепа пошла складками. Мистиан вынул собственный уникам, но видеосигнал на всех каналах забивали цифровые помехи. Звук, впрочем, был прекрасный – голос тревожно рокотал и смысл проповеди не оставлял сомнений в роде занятий оратора:

– Верно говорю я вам – скоро выйдут реки из берегов! Смрад и пепел будут властвовать над жилищем вашим! Прольются бурые тучи кровью, черви станут войском и саранча собьется в стаи... Поэтому говорю я вам – покайтесь! Вы, забывшие свою душу ради мертвого железа! Вы, продавшие свою душу Машине! Вы, ходячие мертвецы! Опомнитесь! Разбейте порождения Пустоты – проклятых, железных тварей, или они отнимут ваше место и под солнцем, и перед оком Разума! Сколь прекрасно идти, ступая на зеленую травку, столь омерзительно, теша леность вашу, забираться в пасть зверя, смердящего, урчащего, крутящего и соблазняющего. Что входит в брюхо через пасть, то выходит наружу через жерло иное, скверное...

– Как старый хрен загибает, – сплюнув, сквозь зубы процедил задетый за живое Мисти.

Он выключил уникам. Остановленные «гусеницей» кары создавали вокруг проповедника барьер для машин, но не для человека, который протискивается боком. Мистиан держал направление так, чтобы появиться как раз за спиной мечущего словесные громы новоявленного луддита.

Задумку испортил бдительный густобровый паренек. Он решительно подергал деда за рукав и молча указал грязным пальцем в сторону запыхавшегося стража порядка.

Старик перестал покачиваться, встал, и с неожиданным достоинством в каждом движении, повернулся к полицейскому. Лицо Иеремии густо загорело. Светлой кожи не осталось даже в самой глубине резких, как шрамы, морщин. Глаза пронзительной голубизны смотрели спокойно. Греческий нос старика придавал ему сходство с мифическим прорицателем. Мисти отметил про себя, что дед еще крепок и держит спину удивительно прямо.

– Патрульный Мистиан. Ваш жетон, свободный гражданин.

Старик не торопясь открыл сумку на поясе, вынул блестящий квадратик на синтетическом шнурке. Мистиан сунул гладкий жетон в щель полицейского уникама и мизинцем набрал личный код доступа. То, что спустя минуту появилось на экранчике, до самой глубины полицейской души поразило Мистиана. Еще минуту он ошалело перечитывал рубленые строчки, потом козырнув, повернулся и побрел прочь. Уходил он так же, как и пришел – боком.

Еще через пять минут мягко вертолет оторвался от поля люцерны.

– Пятый, пятый! Как слышишь меня, Мисти? Прием!

– Слышу отлично.

– Ну как – взяли проповедника?

– Нет.

– Что? Плохо слышно... КАК ЭТО НЕТ?!

– Войди в Систему, посмотри его досье.

Мистиан слышал, как на том конце хрипло дышит ковыряющийся в информации Либби.

– О, Мировые Яйца.

– Вот и я увидел то же самое.

– Но ведь полчаса назад в его досье по этой части было чисто и пусто.

– Отбой. Поговорим позже.

Полицейский выразительно поглядел на напрягшегося пилота – тот в смущении отвернулся. Мистиан откинулся в кресле и еще раз прокрутил в уме четыре пресловутые строчки, ранившие его представления о возможном и невероятном: «Иеремия Фалиан, 71 год, полноправный гражданин Каленусии. Доступ к информации закрыт. Полная физическая неприкосновенность – запрещение активных пресекающих контактов без санкции Департамента Обзора».

Вертолет шел низко, отбрасывая на поле люцерны стремительную, распластанную тень. Успокоившийся было сержант Мисти мысленно сочинял рапорт, когда вспомнил нечто такое, что едва не сломало остатки полицейского здравомыслия.

...Иеремия, вещая через уникамы для сотен потрясенных владельцев машин, сам уникама НЕ ИМЕЛ!

* * *

Мальчишка помог деду закончить сворачивать «гусеницу», ее задвинули в придорожные кусты и забросали сухой травой – получилось неплохо. За спиной медленно рассасывалась «пробка».

– Мюф, не отставай.

Иеремия, не оглядываясь на внука, уходил через поле широким, размашистым шагом. Поле сжатой люцерны кончилось, уступив место пологому склону холма и зарослям колючего кустарника. Старик устал. Мюф догнал деда и теперь шел, держась за край синего балахона. За зеленым холмом, на широкой, ровной площадке, стоял их дом с коровником и конюшня вместо гаража. Из-за коровника появилась миловидная женщина лет тридцати, ее волосы были убраны в три косы. Фермерша поставила посудину с молоком на землю и смотрела в сторону холмов, приставив ко лбу ладонь «козырьком».

– Привет, мама!

– Привет, Мюф. Здравствуйте, отец. Вы сегодня вернулись рано.

– Не рано, Минна, а в самый раз. У нас гость.

Старик не спрашивал – утверждал. Женщина смущенно потупилась.

– Вы правы.

– Ты проводила его в дом?

– Да, все как мы договаривались.

Старик удовлетворенно кивнул.

– Хорошо, а теперь оставь нас наедине.

– Отец, я боюсь за Мюфа, может быть, отправить его к Кристи?

– Твой сын останется со мной. Так надо, не бойся.

Иеремия повернул к дому. Распахнутую настежь дверь перегораживала мелкая, тщательно подогнанная по размеру сетка от мух. Большую часть прохладной комнаты с низким, почерневшим потоком занимал деревянный стол. На табурете, спиной к стене, лицом ко входу примостился человек средних лет в полувоенной куртке без эмблем – такие вещи любят носить каленусийские отставники. Худое, жесткое лицо прищельца не улыбалось. Он поднялся навстречу Иеремии и первый протянул ему руку.

– Полковник Хиллориан.

Иеремия с достоинством кивнул.

– Я вас узнал, хотя раньше не видел.

– Каким образом?

– Великий Разум предупредил меня.

– Тогда, возможно, он предупредил, зачем я приду?

Иеремия принял вызов с завидным хладнокровием.

– Вы пришли чтобы предложить мне нечто особенное – ну так говорите.

Хиллориан посмотрел в бирюзовые глаза собеседника, спокойствие Иеремии завораживало. В комнате пахло сушеной мятой, мягко гудел залетевший в полумрак дома шмель. В самом воздухе, казалось, разлился надежный покой – то, чего годами не хватало полковнику. Хиллориан заколебался, жестко преодолевая нестерпимое, невесть откуда взявшееся искушение без обиняков выложить все старику.

– Не стану скрывать, ваша странная деятельность смущает власти округа. Скажите честно, чего вы надеетесь этим добиться? Вернуть общество в каменный век? Прославиться? Получить власть? Что-то не похоже. Тогда Чего же вы хотите, Фалиан? Получается, одних только неприятностей.

Старик размышлял совсем недолго.

– Прислушайтесь к внутреннему голосу – разве ответ не очевиден?

Хиллориан сокрушенно покачал головой.

– Для меня – совсем нет.

– Тогда останьтесь нашим гостем до завтрашнего дня, и все узнаете.

Полковник прикинул – время позволяло.

– Охотно.

Минна, куда бы она ни уходила, уже вернулась и вошла с блюдом маленьких, четырехугольных пирожков. В глазах крестьянки блестел смешанный со страхом вызов.

– Благодарю вас, свободная гражданка.

Женщина, не ответив, выскользнула за дверь.

– Она ваша дочь?

– Сноха.

Полковник сделал вид, что его вопрос не был чистой формальностью, Иеремия сделал вид, что не понял уклончивой природы полковничьей вежливости (родственные связи Фалиана в Департаменте знали назубок).

– Сын погиб три года назад в автокатастрофе.

– Соболезную. Это стало причиной ваших деструктивных действий?

– Нет.

Хиллориан надкусил крошечный пирожок. Начинка пахла вишней.

– Надеюсь, я задержался не зря, и вы меня не разочаруете.

Иеремия серьезно покачал головой, вставая.

– Ожидающему воздастся.

Светило медленно ползло от зенита к закату. Хиллориан съел вишневые пирожки и теперь коротал время, рассматривая щели потолка и кружевные салфетки на подоконниках. За окном прохаживались здоровенные рыжие куры с мясистыми, лениво обвисшими гребнями. На дворе удлинялись синие тени. Минна несколько раз прошла по двору, гремя ведром, Мюф, посвистывая, заглядывал в комнаты – полковник чувствовал на своем виске пристально-любопытный взгляд мальчишки.

Наконец, солнце коснулось верхушки холма...

Они осторожно уходили в прохладную темноту летнего вечера – полковник, Мюф и старик. Тропинка ложилась под ноги мелким песком, огибая возвышенность. Трухлявый мостик без перил, переброшенный через мелкий ручей, угрожающе затрещал под ногами. Хиллориан улыбнулся в темноте – еще не хватало стоймя рухнуть в пропащую головастиками, тинистую воду. Вечерние сумерки сгущались, пискнул и ускользнул, унося из-под ног длинное тело, приземистый, проворный зверек. В траве зажглись бледно-зеленые огоньки светляков.

Тропинка обогнула непролазные заросли и закончилась круглым, низким лазом в стене зелени – дыркой меж раздвинутых и прижатых колышками ветвей.

Иеремия вошел первым, следом шмыгнул Мюф, Наблюдатель пригнулся и, защищая руками глаза, осторожно протиснулся меж колючих сучков. За лазом обнаружилась круглая поляна, которую окружали сплошные зелено-серебряные стены листвы. Потолком своеобразной комнате служило звездное небо. Посередине чернел круг от костра, очищенные от коры, отполированные прикосновениями стволы деревьев лежали на земле, создавая вокруг костровища своеобразный амфитеатр. На бревнах присели местные уроженцы – мужчины в одежде каленусийских фермеров, четыре девушки, одна из них, с круглым, пестрым от веснушек личиком, – приветливо улыбнулась Хиллориану и, хихикнув, прошептала что-то на ухо подруге. Троица вновь прибывших устроилась на гладком, как темное стекло бревне, возле самого костровища. Между тем, собрание исправно пополнялось – сквозь колючий лаз один за другим проникали люди, кто-то из детей притащил кота – плоскомордого, с сердитыми косыми глазами. В конце концов на бревнах сделалось тесно, и кучка опоздавших пристроилась прямо на траве, подстелив огромный пустой бумажный мешок.

Тем временем совершенно стемнело. Край неба, видимый над верхушками колючих зарослей, больше не светился лилово-пурпурным. Сонмы светляков в траве соперничали со звездами. Пахло мятой, медоносами, белые зонтики неизвестных цветов белели в темноте. Кто-то, щелкая зажигалкой, с трудом подпалил дрова – заколыхались, разгоняя темноту, оранжевые блики, закричала засевшая в кустах ночная птица. Собрание походило на слишком задумчивый ночной пикник, но без провизии.

Хиллориан повернулся к Иеремии.

– Не пойму, что я должен делать?

– Ничего, ждите. Ищущий найдет.

Полковник задумался, рассматривая багровые угли костра. Глаза слипались – наблюдателя всерьез клонило в сон, однако жесткое бревно не позволяло расслабиться. Хиллориан вспомнил войну Ахара. Там, южнее и еще восточнее, на более сухих землях, по ночам пахло пылью и гарью пожаров. Полковнику вдруг показалось, что реальность «поплыла». Поляну, людей и животных как бы заволокло дымкой. Эта дымка уплотнялась все сильнее, звуки таяли и глохли в густом бесцветном мареве. Слух отказал первым. Зрение – потом. Хиллориан испытывал иррациональный страх – его тело продолжало сидеть на отполированном до блеска бревне, рядом с неподвижным как скала Иеремией, и тем не менее, полковник знал, что находился в совершенно другом месте...

Вспыхнул луч фонаря. Тонко звенели капли воды. Скупое освещенный, весь в узорах плесени коридор сужался и тянулся во тьму. Полковник сделал шаг, другой. Под ногами чавкала грязь и тускло блестели рельсы. Где-то в стороне раздавались неровные шаги чужака. Хиллориан мгновенно погасил фонарь, подался назад и прислонился к стене. Во тьме раздался сухой щелчок, и вспыхнул горизонтальный столб света – незнакомец зажег собственный фонарь. Полковник, не торопясь, снял с предохранителя пистолет, хладнокровно выбирая момент выстрела. Луч приближался, хищно шаря по стенам.

«Как только он продвинется еще на метр, я открою огонь». Хиллориан поднял твердую руку, ощутил надежную тяжесть оружия. Луч дернулся вперед, полковник выстрелил.

...Уже спустив курок он понял – и это понимание пронзило его, наполнив ужасом узнавания. В том месте, где должен был находиться зажатый в руке незнакомца фонарь, там, в эпицентре противостоящей полковнику злой воли, находилась лишь пустота.

Конус света свободно висел в воздухе.

* * *

Хиллориан почувствовал на своей щеке теплое прикосновение. Солнечный зайчик скользнул по опущенному веку.

Полковник привстал, протирая глаза. Он лежал на росистой траве, рубашка промокла насквозь и липла к спине. Безобидно чернел прогоревший круг костра.

– Эй, есть тут кто-нибудь еще?

Долговязый, величественный Иеремия появился неведь откуда. Старик казался хорошо отдохнувшим. Высокие сапоги по щиколотку намокли от росы.

– С вами все в порядке?

– Пожалуй. Кстати – ай-ай-ай. Вас следовало бы привлечь за незаконное распространение галлюциногенов. Что вы бросали вчера в костер, Фалиан?

Иеремия встревоженно покачал головой.

– Ничего не бросал. Яркие были видения?

– В достаточной мере. Кстати, по поводу ответа – я вам не верю.

– Я не лгу. То, что вы видели – это предупреждение. Возможно, будущее. Может быть, будущее, которому не суждено наступить. Все зависит от ваших поступков, Хиллориан. Разум Мира лишь предупреждает, но не лишает свободы воли.

Полковник скептически улыбнулся, ловко встал и потянулся.

– А что же Мировой разум сказал вам, Фалиан?

– Что я могу принять ваше предложение. Я поеду с вами в горы. Должно быть, это мой путь.

Хиллориан постарался ничем не выдать удивления. Возможно, старичок не так уж прост, и в луддитской ереси что-то есть – по крайней мере, сильные ментальные способности у проповедника налицо. Или он читает мысли? Хиллориан поежился. Такого в досье Иеремии не значилось.

Они вместе возвращались в беспокойном сиянии утра – наблюдатель и старик. По дороге к ним пристроился беззаботный Мюф.

Начало было положено, участники собраний. Осталось расставить фигурки на шахматной доске.

Глава 5. Готовятся

Каленусия, штаб-квартира Департамента Обзора

Алекс Дезет внимательно осмотрел комнату, в которую попал. Круглое помещение почти полностью занимал белый, тоже круглый, пустой стол и пять пластиковых кресел. Окон не было – их заменяли большие уникон-экраны. Сейчас экраны не светились, их матовая, безмятежная поверхность оставалась тусклой.

Вокруг стола, если считать слева направо, сидели: сам полковник Хиллориан (никаких эмоции на физиономии), девушка лет двадцати четырех (ореховые, добрые глаза и затаенное упрямство), загорелый старик с коротко подстриженной седой бородой (старый перец фермерской породы) и густобровый паренек лет восьми.

Стриж тоже сел, скрестил руки на груди, откинулся на спинку кресла, прислушиваясь к мягкому гудению кондиционера.

Хиллориан бесцельно передвинул бумаги – этот жест выдал нервное напряжение наблюдателя.

– Итак, начнем, свободные граждане.

(Стрижа позабавило такое обращение).

– Начнем без предисловий, – продолжал полковник. Представляю участников группы. Александер Дезет – специалист по безопасности или по проникновению в охраняемые объекты – как угодно, в зависимости от обстоятельств. Человек с пси-нулем.

Стриж вежливо кивнул собранию. Старик насупился и подозрительно оглядел иллирианца. Девушка окаменела лицом. Деревенский отрок остался равнодушным – Дезет подметил, что мальчишка сделал шарик из липкой жевательной смолы и сейчас пытается незаметно пристроить «подарочек» под крышку стерильно-чистого стола.

Наблюдатель тем временем продолжал как ни в чем ни бывало.

– Джулия Симониан – псионик-сострадаватель, врач экспедиции.

Мальчишка перестал катать под столом липкий шар и уставился на девушку. Выждав, когда полковник отвлечется, скорчил ей рожицу и тут же с невинным видом продолжил свою возню со смолой.

– ...Иеремия Фалиан – э-э-э... нейтрализатор технических устройств.

Старик хранил величественное спокойствие, не реагируя никак.

– И, наконец, Мюф Фалиан – сопровождающее лицо.

Мальчишка мазнул по Стрижу бирюзово-прозрачным, таким же, как у старика, взглядом и приосанился.

– Я сам в представлении не нуждаюсь, – не без угрюмого юмора закончил полковник.

– Перед нами стоит задача, о важности которой сказано все – я не хочу повторяться. Группа должна добраться до гор Янга... Слайд, пожалуйста.

По мановению оператора экраны ожили, и Стриж увидел многократно воспроизведенную в каленусийских рекламных проспектах панораму: далекие льдистые вершины, тонкий пик Игольчатой горы на фоне лазурного неба, ниже – скалистые горы, переходящие в каменистый пастбищный хребет, испещренный пятнами травы, далее, на переднем плане – лесистые пологие холмы. Панорама впечатляла – красивая картинка величественного и одновременно игрушечно-яркого мира.

– Доставку группы на место Департамент Обзора берет на себя. Вас высадят вот здесь...

Шищный треугольник светового указателя метнулся вдоль панорамы, мгновенно превратившейся в карту.

– ...Предупреждаю возможные возражения – ближе нельзя. Границы аномальной области проходят всего в двухстах метрах от точки приземления. После высадки группе предстоит

преодолеть пятидесятикилометровый участок пути пешком. Карты (неэлектронные) будут выданы каждому участнику экспедиции. Путь не слишком сложный, там есть тропа. Правда, ею давно не пользовались...

По карте на экране уверенно побежала юркая стрелка.

– У меня вопрос к вам, полковник.

Хиллориан, прерванный на полуслове, недовольно воззрился на Стрижа.

– У вас есть аэрофотосъемка аномалии?

– Да, конечно.

– Как ее сделали, если там ломаются беспилотники?

– С планера. На борт приняли только примитивную оптику. Результат обработан и восстановлен Системой.

– Тогда почему...

Хиллориан поморщился.

– Мы не можем забросить группу воздухом. Летчик той машины и его оператор погибли.

Собственно, результат, который вы сейчас увидите, выкопан из-под обломков.

Экраны снова ожили, показав удивительной красоты и странности панораму.

То ли долина, то ли каньон. Огромная воронка перевернутым конусом уходила в недра скалистого хребта. По краям отчетливо просматривались ярусы – карнизы из окаменевшей глины, усеянные обломками. Кое-где камень откосов оплетало подобие технических конструкций – ажурные, острых форм каркасы из матового металла или пластика. В постройках чувствовалась некая странность – Стриж понял – они не имели смысла. По крайней мере, смысла, понятного человеку. Несимметричные, болезненные изломы ажурных вышек наводили на мысли о разрушении. Кукольный блеск изображения указывал на кибер-реконструкцию макета.

– Объект назвали Воронка Оркуса.

– Эта реконструкция – все, что есть?

– Да, все. Остальное пойдем на месте. Наша задача – достичь объекта. Осмотреться. Сделать картографическую съемку местности, специалист имеется – это я сам. Главное – проверить объект на наличие подземных сооружений. И – наблюдать. Каждая странность, ментальная, психическая, интуитивная, физическая и подлежит фиксации. Заносить ее описание будете на диктофон, копии делать на бумагу – поменьше электронных устройств. В остальном – действуем по обстоятельствам. Еще вопросы будут?

Девушка-псионик подняла голову.

– Медицинское оборудование...

– Никакой электроники. Все, что разрешено, вам предоставят. Антибиотики, обезболивающее, перевязочный материал. Никакой сложной диагностики и лечебной техники. В случае чего используйте ваши сострадателя... У вас, Фалиан, вопросу будут?

Старик, похожий на фермера, коротко ответил:

– Нет.

– Тогда – конец брифинга. Время отправления вам сообщат дополнительно. Извините – до момента отправки мы вынуждены ограничить внешние контакты. Помещение и все, что пожелаете в разумных пределах, вам всем предоставят в стенах штаб-квартиры.

«То есть меня лично сейчас же засунут в камеру», – подумал Стриж. Хиллориан на выходе взял его под руку – то ли приятельский жест, то ли попытка сопровождения. Дезет повернулся к полковнику.

– У меня есть к вам пара вопросов – с глазу на глаз.

Хиллориан кивнул и остановился, выжидая, пока остальные покинут комнату.

– И?

– Это что – попытка самоубийства новым способом? Состав группы у вас интересный. Девушка небоеспособна. Может быть, я шовинист, но дойди там дело до настоящей акции, она – смертница на сто процентов. Старый хрен, фермер с каленусийского востока был хорош, но только лет двадцать назад. Таких, как он, только помоложе, я частенько держал на прицеле. Увы, сейчас из деда сыплется песок. Зачем мальчишка – я не понял совсем. Ваша акция – полный бред. Или вы мне лжете.

– Это не обычная акция. С чего вы взяли, что дело там дойдет до стрельбы или, тем более, рукопашной? С кем? Каньон пуст уже несколько лет – оттуда все разумные разбежались. Эти люди, Стриж, лучшие – в своем роде, и в Каленусии, да и в Иллире тоже, не сомневайтесь. Девочка – сенс шестой категории. Она легко читает эмоции безо всяких приспособлений, а в пиковые моменты формы – мысли.

Стриж тихо присвистнул.

– Впрочем, вас, нулевика, и ей не прочесть... Так что не смущайтесь. Кстати, вы в Форт-Харай следили за новостями?

– Очень мало.

– Значит, не в курсе. Старик, которого вы видели, глушит моторы ментальным усилием и делает пси-наводку на уникам-передачи, причем, наводку, оформленную в слова. И снова безо всяких приспособлений. Других таких людей больше нет, а если придется драться – ваш опыт с лихвой перекроет их недостатки.

– А мальчишка зачем?

– Просто так. Старик фанатично верит, что внук – его резонатор для связи с пресловутым Мировым Разумом. На самом деле, паренек – полная бездарь. Впрочем, за парня отвечает только Фалиан. Да, это балласт, но не ваш. Вы можете просто не принимать его во внимание.

– Даже в случае опасности?

– Даже в случае. Если мальчишка потеряется или умрет, с вас никто не спросит.

По замкнутому лицу Дезета невозможно было определить, как он воспринял такую новость.

– Я увижу дочь последний раз?

– Нет, теперь все. Только когда вернетесь.

– Я могу выйти в город?

– Вы рехнулись – нет, конечно.

– Мне не нравится это дело. Я не люблю чрезмерные странности.

– Поздно. Теперь придется полюбить. Если упретесь, мы вас в два счета экстрадируем на неласковую родину. Хотите?

– Нет.

– Тогда не дергайтесь и делайте, что говорят.

– Ладно, я приму это к сведению. До встречи в огне, полковник.

– До встречи. И давайте без обид. Охрана, проводите гостя.

* * *

Иеремия спал, вытянув ноги на низком кожаном диване. Односторонний стационарный уникам мерцал, мультфильм на экране причудливо искажали помехи. Мюф чуть приоткрыл дверь и выглянул в щель – третий раз за последние пять часов. Коротко стриженный охранник в сером мундире топтался почти у самого входа.

– Не выглядывай, парень. Тебе нельзя.

– Уник сломался.

– Я вызову техника. А ты – ну-ка, закрой дверь, живо.

Пришлось вернуться. Мюф выждал и снова высунулся. Стриженный охранник, повернувшись спиной и прислонившись к стене, сосредоточенно говорил в портативное устройство связи. Мюф беззвучно выскользнул в коридор, ловко юркнул за угол, снял с вешалки коричневый халат техника, что поменьше, на ходу натянул его, закатал длинные рукава. В коридоре через равные промежутки попадались двери – иногда стеклянные, порой – из толстого металла, с прорезью для электронного жетона. Долговязый мужчина, тоже в форме техника, вышел как раз из такой двери, и рассеянно прошагал мимо низкорослого «коллеги».

Удовлетворенный успехом Мюф проследил за его спиной и тут же воспользовался незапертой дверью. Внутри оказалось безлюдно и спокойно. Вдоль стен и поперек вытянутой комнаты располагались стеллажи с запчастями для киберов. Один угол занимал захламленный стол – разбросанные бумаги, коробка с чипами памяти, недопитая чашка жидкого кофе стояла рядом с терминалом. В другом углу громоздился сейф.

Мюф воровато огляделся, выбрал один чип наугад и сунул в карман штанов, а потом попытался крутить замок сейфа.

– Стоять. Руки за голову!

Мюф обернулся. Незнакомый военный с жестким лицом и щеточкой усов целился в него из настоящего пистолета. Глаза у владельца излучателя были прозрачные, белесые и холодные, словно окна в пустую, до блеска вымытую кафельную комнату, в которой, однако, творили что-то плохое.

– К стене.

Мюф выполнил приказ, едва сдерживая слезы ужаса.

– Имя?

– Мюф Фалиан.

– ...Этот парень – мой подопечный, Доктор. Из проекта Хиллориана...

За спиной усатого появился смущенный охранник в серой униформе, но «доктор» и не подумал отвести от Фалиана-младшего ствол.

– Почему он здесь?

– Мальчишка сбежал погулять.

– Я доложу о вашем раздолбайстве, Кравич.

– Угрожаете? Я не вашего ведомства, Док.

– Предупреждаю, Кравич. Предупреждаю и обещаю.

Мюф физически почувствовал испуг охранника, стриженный парень, однако, быстро овладел собою.

– Ладно. Разберемся. Сейчас я должен забрать его и водворить на место – в бокс... У меня приказ Хиллориана, – чересчур поспешно добавил страж.

Белесоглазый помедлил, видимо, получая от ситуации острое удовольствие, мазнул по Мюфу пустым брезгливым взглядом, потом нехотя опустил ствол.

– Ладно. До встречи в другом месте, Кравич.

Стриженный сухо, спокойно кивнул.

– Был рад пообщаться. Прощайте, Доктор.

После этого охранник цепко ухватил Фалиана-младшего за шиворот, одним движением вытряхнул из краденого халата и грубо выволок в коридор. Как только раздвижная дверь отделила их от Доктора, конвоир-спаситель молча, с размаху вlepил Мюфу крепкую пощечину.

* * *

Белочка еще раз пересмотрела выданные ей медикаменты и инструмент. Ни детекторов, ни электронных зондов, ни медицинского кибера в набор не включили. К отличным хирургические инструменты прилагался устаревший стерилизатор для кипячения. В аккуратных план-

шетах набор одноразовых шприц-тюбиков – отдельно антибиотики, отдельно противошоковое и стимуляторы. Перевязочный материал и гели для ран в коробках.

Закончив осмотр, Джу упаковала два полных контейнера, вскрыла пакет с жидким пластиком и опечатала крышки личной печатью. Затем легла на койку и, уставившись в потолок, сняла пси-барьер.

Хиллориан представлялся ей черным, литым силуэтом. Яркий «свет» за спиной полковника мешал Белочке видеть его лицо. Силуэт властно, без слов позвал ее, указывая куда-то в сторону. Белочка скосила глаза – в серой, туманной пустоте, на высоте чуть более метра висел светящийся конус. Каким-то образом Белочка поняла, что Хиллориан боится призрачного света конуса. Полковник источал тьму. Тяжелый силуэт без слов просил о помощи, одновременно смутно угрожая. Джу отстранилась с досадой, разорванный контакт отозвался болью в висках, жалостью и тонким, на грани слышимости, звоном порванной струны...

...Иеремия полыхал мягким, желтым светом. Где-то поодаль шевелилась отдельная от Иеремии сущность, связанная с ним незримой прочной нитью. Белочка потянулась ближе и встретила сопротивление – будто чья-то рука незлобно, но решительно толкнула ее в грудь. Сущность заволновалась, исходя рябью, темнея. Старик оставался светел. Рядом мерцала изумрудно-зеленая тень поменьше...

...Холод. Лед. Блестящая, жесткая непроницаемая стена. Сущность Александра Дезета отторгла ее сразу и бесповоротно. Настоящего контакта не получилось. Белочка скользнула вдоль стены, стараясь не прикасаться к ее обжигающе-холодной, враждебной поверхности. Единственным видением, которое ей удалось вызвать, оказались ее собственные воспоминания – тот, наполовину неудачный опыт в салоне виртуальных приключений, во время которого Джу потеряла сознание. Сейчас обморочный мираж вернулся, насыщенный неподдельным ужасом. Ветер, слабый запах полыни. Потрескавшаяся, забрызганная бурой кровью стена. Джу отшатнулась – видение погасло, и в этот миг наполовину вспомнила, наполовину поняла, кем был этот человек...

«Я не верю Хиллориану. Я боюсь Дезета». Пути назад уже не было. Белочка закусила костяшки пальцев и беззвучно, без слез, заплакала.

* * *

Этой ночью Стриж долго не спал. Он далеко за полночь мерил шагами камеру специального блока – так делали до него сотни заключенных. Многочисленные датчики, записывающие каждый вздох иллирианца, не уловили ничего интересного, кроме одного-единственного без конца повторяемого слова на чужом, ненавистном каленусийцам языке. «Spes. Spes».

Spes – это надежда.

* * *

Полковник Хиллориан тоже не спал. Он осмотрел свою одинокую квартиру в тихом, чистом пригороде Порт-Калинуса. Поискал спрятанные датчики – не нашел. Отключил суетливого домашнего кибера, опустил и наглухо закрыл шторы. Собрал и долго жег на кухне бумаги, бросая их в настоящий дровяной камин. Бумага корчилась, рассыпаясь седым пеплом. Потом, когда снаружи забрезжил тускло-розовый рассвет, полковник встал и вышел за порог. В замке сухо и прощально шелкнул ключ.

Часть вторая. Горы Янга

Глава 6. Сомнения

Каленусия, сектор западного побережья, день «Z»

Вертолеты уходили на юг по широкой дуге, внизу пестрели темно-красные, ярко-желтые и свинцово-серые крыши Порт-Калинуса. Белочка прикинула к окну, наблюдая, впитывая, прощаясь...

Хиллориан ободряюще улыбнулся. Мюф расплющил нос о стекло, Иеремия закрыл глаза, кажется, он читал про себя молитву. Помощник летчика подмигнул товарищу, через плечо указал на старика и украдкой постучал себя по виску. Невыспавшийся Стриж равнодушно чистил ногти подобранной во дворе гладкой щепочкой.

Побережье внизу белело рваной лентой прибой, машины то удалялись вглубь суши, то приближались к бесконечному пространству темно-синей воды.

Хиллориан склонился к Джу, стараясь перекричать шум.

– Через два часа будем на базе Лора. Там дозаправка.

– А?

– На Лора.

Джу подавилась – это место считалось секретным объектом, не доступным простым смертным.

Стриж слегка заинтересовался.

– Сколько будет промежуточных посадок?

– Одна. Только не надейтесь, что сумеете сбежать.

– У вас нет никакой логики. Хотел бы я сбежать – сбежал бы еще из Форт-Харай. Раз настолько не доверяете, какой холеры везете с собой?

Хиллориан засмеялся.

– Проблема в том, что других «нулевиков» под рукой нет. К тому же ваша дочь – ваша слабость, ситуация удобна для контроля.

– Как здорово – еще раз напомнить мне об этом...

Пока эти двое пререкались, Мюф притянул Белочку за руку, прошептал ей в самое ухо:

– У меня кое-что есть. Чип для кибера.

– У тебя же кибера нет.

– Дед мне не разрешает.

– А ты бы хотел?

– Да.

– Когда вернемся из путешествия, я покажу тебе настоящих киберов, разных. Одного могу подарить.

На румяной физиономии Мюфа отразилась сладкая мука искушаемого праведника.

– Не врешь?

– Нет. Чтобы я сдохла, если вру.

Мюф простодушно принял клятву – очень уж хотелось верить.

– Ладно. Может быть, ты и сносная девчонка, и тебе можно доверить один секрет...

Он хотел рассказать про свое недавнее открытие – люди в сером не одинаковы, и у таинственного, сердитого Хиллориана есть враги одного с ним цвета. Оформить открытие в слова не получилось – в запасе у Мюфа попросту не оказалось нужных слов. И он добавил на всякий случай:

– Потом.

Мюф тут уже отвлекся, достал перочинный нож, моток липкой ленты, палочку, пестрое перышко индюка и принялся мастерить самодельный дротик. Джу, подавив улыбку, лениво прикрыла ореховые глаза, и принялась подслушивать разговор полковника с иллирианским сардаром. Слова глушил шум, выражения лиц выдавали, пожалуй, нарастающий спор. Задействовать ментальный контроль она так и не решилась.

Иеремия в своем углу поднял голову и первый раз цепко и внимательно посмотрел на Белочку...

* * *

На базе Лора их ждали. Груз доверили охране, оставив в опустевшем брюхе вертолета. Джу отдохнула, справилась, с тошнотой перелета, в личном отсеке вымыла и высушила волосы. Ужин оказался неплох, жизнь перестала казаться беспросветной чередой неудач. Белочка залезла под одеяло, ментальным приказом включила лампу на стене и открыла единственное оказавшееся под рукою чтение – «Карманный справочник врача». Полузабытая наука напомнила Птеродактиля, а Птеродактиль – отца. Джулия прикинула, что сказал бы уважаемый доцент Симониан, увидев свою дочку в нынешних обстоятельствах и откровенно опасной компании – результат размышлений доставил ей злорадное удовольствие. Уже засыпая, она поняла, что переиграла отца, изжив детскую обиду.

Снов Белочка не помнила. Проснулась она среди ночи, с острым чувством тревоги и некоторое время лежала в темноте, прислушиваясь к шорохам. Кто-то осторожно скребся в дверь. Джу встала, бесшумно, босыми ногами прошла на цыпочках.

– Кто?

– Я.

Испуганный Мюф прерывисто шептал прямо в замочную скважину.

– Можно мне войти?

– Залетай.

Джу поправила пижаму и сердито распахнула дверь.

– Ты чего не спишь, конопатый?

– Я не конопатый, я веснушчатый.

– Иди спать.

– Не получается. Я хмуриков боюсь. Хмурики приходят из темноты.

– А дедушка? Ты ему рассказал?

– Я звал его – он не просыпается.

Джу осторожно прощупала трепещущий разум Мюфа. И отшатнулась – видение получилось жутковатое: серый комок бесформенного ничто наплывал, давил, лишая сил. Фалиан-младший схватил ее за край пижамной курточки, Белочка услышала как часто колотится маленькое сердце.

Опыт псионика подсказывал – за страшным образом нередко кроются банальные причины, а настоящие опасности лучше встречать лицом к лицу.

– Пошли, посмотрим.

– Я боюсь.

– Не бойся, мы потихоньку. Я – псионик и знаю, как обмануть хмуриков.

Убежденный крепкими аргументами Мюф слегка успокоился. Джулия сунула ноги в парусиновые ботинки и, держа за руку настороженного мальчишку, прикинула, куда могло выходить окно Фалианов. Получалось – на юг. Бегать в пижаме мимо охраны Белочке не хотелось, она прошла вдоль ровного ряда дверей к единственному окну. Со второго этажа приземистого корпуса открывался замечательный вид на вертолетную площадку. Часового на месте

не оказалось. Около машины кто-то возился – густой сумрак мешал Джулии рассмотреть лицо. Белочка ослепительно улыбнулась, демонстрируя безмятежность.

– Это полковник забыл свою зубную щетку. Он ее достает из багажа.

Все еще испуганный Мюф слегка хрюкнул от смеха.

– У него зубы из пластика. Я сам видел.

Джу небожно дернула довольного сорванца за ухо.

– Не смей больше будить меня по пустякам. Приходи, если узнаешь важное.

– А кибер?

– Все будет. Мое слово – самое надежное. Мы с тобой как два героя против плохих парней. Понял?

Мюф принял понятную аналогию и успокоился. Белочка проводила мальчишку до его отсека, никем не замеченной вернулась к себе. Странность ситуации она осознала постепенно – после того, как в полной тишине неподалеку услышала четкий, резкий, немного приглушенный стук двери. Кто-то из участников экспедиции и впрямь только-только вернулся с ночной прогулки...

* * *

Каленусия, Южная равнина, день «Z+1»

Утро выдалось ветреное и прохладное. Фиолетовая мгла укрыла южный горизонт. Команду спешно загрузили в вертолеты. Если ночной незнакомец и покопался в грузе, видимых следов вмешательства не осталось. Печати на собственных контейнерах Белочки казались нетронутыми. Мешки полковника, Дезета и Фалиана лежали аккуратно, на тех же местах. Таинственный «хмурик» как дым растаял с первыми лучами.

Мюф доделал свой дротик и теперь пристраивался метать его, выбрав вместо цели ботинок Стрижа. Дезет украдкой показал нахалу кулак. Фалиан-младший понял намек и перебрался под защиту Белочки. Иеремия казался до странности отрешенным. Полковник нервничал без видимых причин.

Машины взмыли вверх, подняв тучу мелкой пыли. Лора осталась на севере, степь, потеряв остатки редких рощиц, сменился засушливой равниной. Кочки полумертвых трав казались волдырями, оставленными на земле болезнью. Правее, в отдалении, мелькала бурая спина зверя, опрометью бегущего прочь от вертолетов. Хищные тени машин стлались по земле.

Стриж окликнул Хиллориана.

– Полковник, это оно?

Наблюдатель сухо кивнул, подтверждая. Равнину южнее Лора, почти до самых гор, первые колонисты превратили в поле войны. Зараженная радиацией земля до сих пор чуть светилась под покровом больных трав... Геония бедна на минералы, необходимые для ядерных технологий. Возможно, это обстоятельство спасло остаткам поселенцев жизнь – после того, они максимальным эффектом истратили привезенный запас.

...Помощник легчика встревожено обернулся, оторвавшись от приборов связи.

– Вас вызывает Лора, полковник.

Хиллориан вынул из поясной сумки личный уникон, переключил его на прием «немого» текста – строчки, невидимые другим, побежали по миниатюрному экрану.

Стриж демонстративно («не нужны мне ваши тайны – устал») отвернулся. Наблюдатель еще раз перечитал сообщение, чувствуя, как сердце неровно колотится в ребра. Потом убрал устройство в сумку, сел поудобнее, вытянув ноги.

– Капитан, далеко еще до границы зараженной территории?

- Если с такой же скоростью – полчаса лету.
- Как только перевалим линию, высадите нас в безопасном месте.
- Есть.

Хиллориан обернулся к Белочке и Иеремии.

– Произошли изменения, господа. На связь вышла Лора – у них срочные новости. Нет смысла скрывать – граница аномальной зоны, судя по последним измерениям, сместилась. Придется нам высадиться на пустошах – иначе вертолеты эскорта попадут напрямиком в радиус пси-воздействия.

- Во сколько лишних километров пешком нам это обойдется, колонель?

– Не менее сотни, Алекс.

Стриж тихо присвистнул.

- С этим составом команды...

– Заткнитесь. Я уже сказал вам – другого состава не будет. Что там с замерами радиации, Уил?

Летчик бросил взгляд на индикатор.

– Падает, но очень медленно. Пока нас неплохо экранирует обшивка машины, но я не хотел бы оказаться за бортом.

- Как скоро войдем в пси-зону?

– По грубым оценкам – через пятнадцать минут.

– Командуй возвращение всем машинам эскорта. Дальше полетим одни.

Иеремия освободился от крепления безопасности и попытался встать. Белочка заметила, что губы старика беззвучно шевелятся. Немые слова сами сложились в древний, как эта равнина, текст:

Не бойся змеи, скользкой во мраке,

Не бойся печали под солнцем,

Не бойся ужаса, идущего среди звезд.

- Десять минут до входа в зону...

– Радиация?

– Дважды перекрывает предел.

– Тяни, сколько сможешь, капитан.

Летчик вымученно улыбнулся. Лоб с ранними залысинами блестел от пота под короной устройства связи.

- Даже лучший из лучших не сможет вести такую машину в Аномалии.

– Как только поймешь, что это предел, сажай борт.

- Даже на радиоактивное пятно?

– Да.

Неестественно спокойный Стриж обернулся к девушке.

- Советую вам держаться как следует. Посадка обещает быть жесткой. Получиться

Мюф присмирел. Веснушки на носу мальчишки поблекли. Белочка заодно затянула потуже и его крепление. Иеремия читал нараспев:

Не бойся чудовищ, порожденный жарой

Не бойся стрел, пронзающих незримо...

Полковник оглянулся через плечо – его лицо пошло красными пятнами.

– Молчать. Да займите же кресло, Фалиан! И закрепитесь, холера вас заберит – Мировой Разум не помогает тем, кто сам себе не помогает! Дезет, не сидите истуканом – покажите им, как надо.

Летчик пробормотал, не оборачиваясь, голос его внезапно охрип:

- Пять минут до входа в зону... Радиация – полтора.

– Сбрось скорость. Садимся. Держись пониже, Уил. Еще ниже...

– Мы изжаримся до костей.

– Спокойно, нас экранирует корпус.

Белочка даже сквозь пси-барьер ощущала, как в разуме пилота мечется ужас.

Она чуть-чуть ослабила этот барьер и добавила легкий ментальный толчок к словесным убеждениям Хиллориана. Вертолет опустился – мелькание приблизившихся кустов слилось в единую пеструю сумятицу.

– Три минуты до входа в зону... Две...

Белочка опустила лицо к коленям, прикрыла затылок сцепленными руками.

Границу пси-Аномалии она почувствовала как прыжок в кипящий хаос – под сводом черепа взорвалась какофония звуков, рассыпался цветными искрами фейерверк холодного огня. Под напором образов, звуков и красок пси-барьер прогнулся, истончаясь, как стенка мыльного пузыря. Джу напрягла силы, удерживая защиту. Писк, вой и шепот тут же ослабли, превратившись в едва заметное, на грани слышимого, жужжание. Реальность обрела свои права.

Хаос замолчал.

Полуголохшая Белочка поняла – обычные звуки тоже почти исчезли. Остановившиеся винты молчали. В ту же секунду винтокрылая машина беспомощно рухнула вниз. Джу еще успела услышать как пронзительно, по-заячьи, заверещал Мюф...

* * *

– Да очнитесь же, колонель... Колонель!

Хиллориан охнул, держась за поясницу. Вместо серой крыши кабины над ним нависало зеленовато-голубое, в легкой перистой дымке небо. На фоне холодноватого марева возник силуэт Стрижа. Иллирианец шурился как от головной боли, левую щеку перечеркнула кровоточащая царапина.

– Подъем, полковник!

Хиллориан вставал медленно, впервые ощущая, что сорок три – не самый лучший возраст для полевых акций.

– Что с другими?

– Один труп. Прочее – увидите сами.

Машина раскололась, но не взорвалась, ее остов примял жесткую траву и ползучие плети мутировавшего кустарника. Неряшливо грудой лежали выпавшие из отсека вещи. Рядом сквозь потрепанный брезент проступал контур тела. Хиллориан откинул край. Пустой взгляд Уила упирался в зенит. Ко лбу прилипла травинка.

– Вы даже не закрыли ему глаза.

– Некогда было.

Полковник с трудом сдержал желание ударить Стрижа. Желание было несправедливым – Дезет сделал все, что мог, глупо требовать от иллирианца сентиментальности по отношению к мертвому каленусийскому офицеру. Прощай, старый друг – беззвучно пробормотал Хиллориан и осторожно опустил покрывало на холодное лицо Уила.

– Что с радиацией?

– Измерял. Как раз на пределе допустимого. Если мы за день уйдем с пятна, я скажу – легко отделались. Думаю, успеем. И еще – смотрите – на юге видны горы.

– Что с людьми? Раздайте им дозиметры.

– Уже. Возьмите, кстати, свой.

Полковник сунул коробочку во внутренний карман, огляделся, борясь с волной накатившей тошноты. Пахло разлитым топливом.

– Странно, что мы не взлетели на воздух.

- Пси-зона не любит взрывы.
- Она что – физические законы отменяет?
- Не знаю. Уникимы здесь не работают – уже проверено.

Бледная до синевы Джулия подошла неслышно. Мальчишка, конопатый, внук Фалиана, хромал рядом. Иеремия сидел на корточках, придерживая за плечи выжившего помощника Уила. Лейтенанта (имя ускользнуло из памяти Хиллориана) мучительно рвало.

- Вы врач, Симониан, или только часть груза? Помогите раненым.

Вертолетчик глухо отозвался.

- Я в порядке, полковник, это минутное...

Джу неуверенно пошла в сторону сваленных вещей – за своим оборудованием. Стриж покачал головой.

– Бросьте беситься, колонель, парень переблевался не от сотрясения, а от страха. Аномалия обостряет деструктивные эмоции.

Полковник мысленно согласился. Придавленные случившимся люди собрались вокруг наблюдателя.

– Симониан – дозу стимулятора каждому. Лейтенант, прикройте тело обломками кабины. Вещи на себя, уходим. Если присутствующим дорого собственное будущее, к вечеру мы должны уйти с «пятна».

Белочка возилась возле багажа. Стриж зашуршал картой.

- Куда двинем?

– Юго-юго запад. Сейчас Аномалия слишком «распухла». Такого не было никогда. Обычно там чистая территория и горноспасательный пост. Оставим у спасателей лейтенанта, попробуем наладить связь...

- На два слова в сторону, колонель.

Хиллориан перешагнул через лужу топлива. Стриж выглядел чуть менее уверенным, чем обычно.

- Вы в курсе, отчего погиб капитан? На нем ни царапинки.
- Может быть, внутреннее кровоизлияние. Нам сейчас не до вскрытия. Дезет с сомнением покачал головой.
- Сдается мне, это шутки Аномалии. Информация бы пригодилась.
- Я не отдам приказа пятьдесят километров тащить мертвое тело по жаре.
- Понял, не стану спорить, но я бы на вашем месте готовился к неожиданностям.
- Вы не на моем месте, Стриж.

Полковник опять с трудом удержал приступ неестественного озлобления.

- Симониан, где вы? Готовьте стимуляторы для группы.

Вернувшаяся Белочка смотрела широко распахнутыми, остановившимися ореховыми глазами.

- Стимуляторов нет.
- Как нет? Контейнеры разбились?
- Целы. Пломбы срезаны. Кто-то забрал оттуда ампулы.
- Что?!.. Когда он успел?!..

...Кучка людей под белесым небом, у разбитого остова машины. Зной. Страх. Сухая трава. Неизвестность...

Глава 7. Преодоление неизвестности

Каленусия, Южная равнина, день «Z+2»

Белочка поправила широкую лямку рюкзака, смахнула с бровей непослушную каштановую прядь. Экспедиция второй день уходила на юго-восток. Крайнее напряжение сил уже отзывалось звоном в ушах, мелкой дрожью в пальцах, ватной слабостью в коленях. Джу с тоской подумала о пропавших стимуляторах, но тут же отогнала предательскую мысль. Во-первых, что упало, то пропало, и сожалениями делу не поможешь. Во-вторых, неизвестно, чем мог обернуться прием стимуляторов в Аномалии.

Обстоятельства исчезновения ампул интересовали ее в основном с другой точки зрения – таинственный «хмурик» Мюфа стремительно обретал злую волю, но все еще сохранял инкогнито.

– Привал.

Белочка сбросила мешок и села, о все еще слегка радиоактивной почве она старалась не думать. Полковник выглядел изможденным, его приступ ярости прошел бесследно. Вчера Хиллориан едва не устроил заведомо бесполезный повальный обыск на предмет пропавших ампул – в безрассудном гневном наблюдателе проглядывало что-то неестественное. Белочка холодным умом отметила этот факт. В принципе, выбор подозреваемых у нее не велик – ищи, кому выгодно.

Номер первый – конечно, иллирианец. У Дезета природный пси-ноль. Аномалии он не по зубам, что и показал вчера во все красе – пожалуй, лишь бывший сардар сохранил самообладание. Если иллирианец вздумает удрать и вместо гор Янга отправится, скажем, к восточной границе, без стимуляторов с ним не справится даже полковник. Версия показалась Белочке неплохой, но в нее не укладывался важный факт – в момент аварии Дезет не сбежал и сделал все, что мог, для спасения экспедиции.

Подозреваемый номер два – Иеремия. Упрямый сектант не нравился Джулии. Он мог вытащить грешные ампулы и попросту метнуть их в мусорный бачок...

..Эта версия тоже имела недостаток. Стимуляторы исчезли еще на базе Лора. Печати на контейнерах не сломали, а аккуратно и незаметно надрезали бритвой. Мюф, который первым заметил ночного визитера на вертолетной площадке, в эту же самую минуту видел Иерию спящим.

Неужели – сам полковник?

Но – зачем?

Меж острых лопаточек Джу забегали мурашки. Что она знает о Хиллориане? Ничего. Она поневоле доверила собственную жизнь черному, литому силуэту из видения. Впрочем, в настойчивое желание полковника загубить собственный проект верилось все-таки с трудом. Понурившаяся Белочка устало отметила, что зашла в тупик. В конце концов, несколько ампул с допингом – не такая уж ценность. Это только маленький сигнал, короткий звоночек судьбы – будь осторожной, будь очень осторожной, Джу...

* * *

Каленусия, Южная равнина, день «Z+2», ближе к вечеру

Красно-белый, полосатый домик спасателей походил на игрушку и выделялся на фоне бурой пустоши. Громада гор приблизилась. Игольчатый пик сиял уменьшившимся за лето лед-

ником. Шестеро людей – четверо мужчин, девушка и ребенок остановились, разглядывая долгожданную цель.

– Вы думаете, нас там ждут, колонель?

– Вот уж сомневаюсь, Стриж.

– Тихо здесь.

– Я бы так не сказал – вы не слышите отдаленного, низкого гула, писка на грани слышимости, вам не кажется, что каждый шаг отдается эхом?

– Нет. Вы же знаете – я глух, как удав, к пси-аномалиям.

– Счастливчик.

– Хотите полностью поменяться со мной местами?

– Нет.

Оба они принужденно засмеялись. Голоса бессильно гасли на открытом пространстве.

– Проверьте дом, лейтенант, – приказал Хиллориан. – Если спасатели на месте, объясните наш визит.

Прежде чем идти к дому, вертолетчик вытащил пистолет и снял его с предохранителя. Повисла неловкая пауза. Переменчивый ветер раскачивал резной флюгер над плоской крышей.

– Он выходит... Что там, Дирк?

– Живых – нет. Есть... о, Господи...

Лейтенант согнулся в приступе рвоты. Хиллориан поморщился.

– Возьмите себя в руки, что за слабость. Вы что – никогда не видели трупов? Возьмите, второй пистолет, Дезет. Пошли...

За скрипучей дверью низко гудела стоя мелкого гнуса. Стриж тихо присвистнул, отстранился от липкого, покрытого бурым потеками косяка. Коричневые засохшие капли густо пятнали пол. Низкий стол оказался завален тарелками – остатки обеда давно засохли. Коренастый человек сидел, уронив голову на крышу стола. Из-под щеки и лба на скатерть в цветочках натекла уже запекшаяся лужа.

– Выстрел в лицо. Радикальная работа.

– Заткнитесь. Не стройте из себя циника. Это амок. Сюда пришелся главный удар Аномалии.

Они, разделившись, методично обыскали дом. Убийца коренастого не ушел далеко. Тело (вернее, то, что от него осталось) обнаружилось в кладовой, рядом с колодой для рубки мяса. На поясе отделенного от головы тела болталась пустая кобура. Разряженный пистолет валялся рядом.

Стриж отвернулся. В доме пахло лишь тленом. За окном – снова, как в Ахара – надсадно звенели цикады.

– Сколько их здесь было, колонель?

– Четверо. В том числе жена их шефа. Она в спальне. Не ходите туда, Дезет. Она мертва, этим все сказано.

– Где четвертый?

– Думаю, бегаёт неподалеку.

Стриж чуть приподнял пистолет.

– Как вы смотрите на то, чтобы найти его, колонель?

– А ведь придется. Не ночевать же, имея маньяка под боком.

...Четвертый отыскан быстро. Неправдоподобно вытянутое тело качалось на заднем дворике, в петле. Самоубийца привязал веревку к стойке насоса возле артезианской скважины. Низко висающие ноги трупа уже обглодали зверьки. Отмывать дом ради ночевки не имело смысла. Спасть устроились, разбив палатку на пустоши. Иеремия (поддержанный на этот раз Белочкой) настоял – и на заднем дворе, в мягкой влажной почве, вырыли неглубокую яму. Туда опустили тела – жертвы и убийцы легли рядом. Перед тем, как забросать яму землей,

Стриж прикрыл изуродованную голову женщины найденным в доме полотенцем. Ночью прошел дождь. К утру смыло все следы.

* * *

Каленусия, Южная равнина, день «Z+4»

Игольчатый пик пронзал небо. Громада гор заслонила южный горизонт. Стало меньше травы, больше валунов. Узкая полоска земли, зажата между зараженной территорией и пси-аномалией, изобиловала странноватой, причудливой жизнью. На третий день похода Белочка нашла змею с двумя головами. Бледно-розовое, глянцевое тело гада извивалось на песчаной проплешине. Потревоженная рептилия билась, зарываясь в песок. Лейтенант Дирк разрядил обойму, тщетно пытаясь пристрелить мутанта – пули чиркали и чиркали по камням, поднимали фонтанчики песка. Хиллориан в очередной раз рывкнул на вертолетчика, но тот, похоже, даже толком не расслышал разноса.

Джу с ужасом и жалостью смотрела на Дирка – Аномалия медленно выпивала из лейтенанта ту неуловимую, тонкую субстанцию, которую древние называли душой. Белочка легко вошла в ослабевший разум вертолетчика. Он походил на пыльную пустую комнату, в которой по углам колышется рваная паутина, на растрескавшемся полу, обязательно чуть левее центра, лежит забытая, раздавленная каблуком, пачка дешевых сигарет. Джу отчаявшись, пошла к Хиллориану. Полковник внимательно выслушал ее и сухо поблагодарил.

– Спасибо, Симониан. Я ценю вашу тщательность. Нам сейчас некуда деть лейтенанта Дирка. Помочь ему нельзя, поэтому оставим все как есть.

Белочка отошла – логика Хиллориана выглядела безупречной. Дирк тихо чах, зато Мюф оказался источником утешения – мальчишка схватывал ситуацию на лету, тенью следуя за полковником и Стрижом. Странная полудружба-полувражда сардара и наблюдателя очень занимала Белочку. Оба они не обращали на Фалиана-младшего никакого внимания, а он постоянно крутился рядом. Ночью, в пыльной темноте палатки Мюф выныривал из спального мешка, прижимался конопатым носом к уху Джу и шептал, шептал захлебываясь – о том, что полковник насовсем отдал Алексу второй пистолет, что дедушка молится Разуму и один раз плакал, а Дирк пытался открыть вновь опечатанный «ящик с таблетками». Последнее поразило Белочку – вертолетчик никак не мог оказаться «хмуриком». Скорее всего, Дирка влек к лекарствам инстинкт погибающего животного.

Иногда, самой глухой ночью, мучительно обволакивая, возвращался кипящий Хаос. Насмешливо свистели помехи, вкрадчиво шептали холодные звезды, грозно ревел прибор. Жадные серые нити Хаоса ненадолго оплетали сознание и тут же распадались невесомой пылью – Белочка научилась их побеждать.

* * *

Каленусия, Горы Янга, день «Z+6»

Они достигли предгорий на шестой, если считать от вылета из Порт-Калинуса, день. Трава здесь стала гуще, стеной стоял остролистый кустарник, местами били ключи. Идти стало труднее – тропу отыскать не удалось, низкорослый Мюф уставал, путаясь в зарослях. Зато Фалиан ожил, как будто на каменистой равнине осталось нечто, что угнетало старого луддита.

Хиллориан попробовал оживить уникалом, но не ловились даже помехи. Иеремия, преодолев идейное отвращение, после долгих уговоров, попытался ментально «подлечить» мертвый прибор. Эксперимент не принес успеха – гнет Аномалии глушил попытки псионика. Причудливые галлюцинации мучили всех – на них не жаловались разве что ребенок и Стриж. Но не были ли ли видения Стрижа попросту более тонкими, неотличимыми от реальности? Дезет все чаще представлял себе зажавшуюся, растекшуюся по Вселенной, грезящую иллюзорными снами Аномалию...

Конец размышлениям об иллюзорности бытия положили самые банальные события. Однажды на привале иллирианец, который нес брезентовое ведро с водой, запнулся о корень падуба. Ледяной поток обрушился на задремавшего Фалиана. Промокший луддит встал, двумя руками отряхивая капли со лба и коротко стриженной седой бороды.

– Смотри, куда ступаешь, парень.

– Извините. Клянусь, это случайность.

Стриж отставил в сторону пустое, мгновенно сморщившееся ведро и потянул через голову мокрую насквозь рубашку. Возня с одеждой отвлекла его внимание всего-то на пару секунд. В тот момент, когда залитая рубашка полетела на траву, иллирианец получил полноценный удар, нацеленный в скулу. Фактор неожиданности оказался решающим – Дезет потерял равновесие и очутился на земле. Над ним возвышался взбешенный, Иеремия. Палец фермера твердо показывал в сторону плеча Дезета – прямо на крылатую номерную татуировку SRDR.

– Ты из иллирианских сардаров.

Дезет сел на корточки, в ушах немного звенело.

– Допустим, я им был. И что?

– За тобой должок, парень. – Иеремия Фалиан хладнокровно извлек из-за пояса хорошо заточенный нож. – Такие, как ты, хорошо поработали в Ахара – излучателями и тесаками. Вставай.

– Забери меня холера, я не буду драться с престарелым психопатом.

– А я тебе отрежу уши, сукин сын, как это делали ваши люди с нашими братьями.

Дезет мягко вскочил, понимая – от проповедника и в самом деле можно дожидаться удара ножом. Иеремия в этот момент смахивал на поджарого, сивого от старости медведя, вскинувшегося на дыбы. Он держал нож не по-крестьянски, обратным хватом, а прямым – почти как бандит с окраины Порт-Калинуса. Великолепной заточки лезвие писало в воздухе восьмерки.

Через миг нож прошел всего в двух сантиметрах от груди увернувшегося Стрижа.

– Да уймись же ты, старый склеротик.

Фалиан ответил серией выпадов, намереваясь загнать противника в колючие заросли. Самый кончик ножа чуть задел предплечье иллирианца.

– Еще одно движение, Фалиан, и я вас ударю. А если ударю, то убью.

Иеремия, набывчив загорелую шею, ринулся в атаку. Стриж перехватил вооруженную руку и дернул ее на себя, вынуждая увлеченного инерцией противника врезаться в куст. Фалиан крикнул, сдергивая собственную одежду с твердых, как рог, колючек, и, не обращая внимания на царапины, развернулся для броска. Поздно. Удар ногой чуть пониже уха привел проповедника с состояние полной отрешенности.

– Стоять!

Стриж обернулся. Оказалось, что худое лицо Хиллориана может не только краснеть от жары. Полковник держал наготове пистолет и был бледен нездоровой зеленоватой бледностью, только на лбу выступили красные пятна, похожие на укусы moskitov. Хиллориан слегка заикался, раньше Дезет на замечал за наблюдателем такого дефекта речи.

– Дерьмо иллирианское. Ты что. Наделал.

– Да ладно, колонель. Дед через минуту очнется. Он попытался меня прикончить. Это самооборона.

– Вы «нулевик» или пустое место? – спросил Хиллориан, чуть отдышавшись. – Если пустое место, я вас пристрелю, во избежание рецидивов. Здесь, в Аномалии, вы единственный полностью нормальный. Так, холера вас побери, не обостряйте.

Стриж нагнулся, подобрал брошенное ведро.

– Вы сами набрали психологически несовместимую команду.

– В Аномалии любая команда мало совместима.

Иеремия зашевелился, медленно приходя в себя. Хиллориан выждал, пока старик обретет ясность сознания.

– Вынужден предупредить вас, Фалиан. До конца экспедиции – никаких драк, никаких претензий друг и другу. Это мое последнее слово.

Проповедник подобрал нож, спрятал его в ножны, встал, держась с удивительным для побитой стороны достоинством.

– Я понимаю ваш гнев, полковник, но семью моего брата убили иллирианцы.

– Соболезную, тем не менее, прошу воздержаться от поединков с Дезетом. Прошу – это вежливая формулировка. Вообще-то, это приказ. Вы поняли?

– Да.

– Будете противиться моим приказам?

– Нет.

– Хотите добавить еще что-нибудь?

Иеремия перевел на Стрижа взгляд бирюзово-прозрачных глаз.

– Я не подниму на тебя ни ножа, ни кулака, сукин ты сын. Наш полковник против драк. Однако, это, думаю, он не сочтет за драку.

И каленусийский фермер плюнул иллирианскому сардару прямо в лицо.

Стриж отшатнулся – плевок шлепнулся ему на плечо.

– Дезет, не смей! – заорал Хиллориан. – Не трогайте кобуру, вы забыли, кого оставили в Порт-Калинусе? Я не блефую. Я сейчас вас убью. Опустите руку. Вот так. А вы, Фалиан – на десять шагов в сторону... С этого дня – никаких контактов друг с другом. Зачинщика расстреляю без душевительных бесед.

Стриж оборвал с куста пучок листьев, вытер плечо, в висках звенела пустота. Сбежать от реальности – желание без надежды. Иеремия спокойно кивнул и пошел к ручью, подобрал оброненное иллирианцем ведро.

Глава 8. Хмурики приходят *Каленусия, Горы Янга, день «Z+10»*

– Что вы сказали, Симониан? Продукты кончаются?

Белочка кивнула. Потускневшие, выгоревшие на солнце волосы свисали на лоб неровными прядями. Лесистые горы почти остались позади, найденная наконец-то тропа вывела к невысокому перевалу. Впереди высился покрытый разнотравьем хребет.

– Объясните еще раз – почему досрочно кончились продукты?

– Из-за лейтенанта Дирка нас шестеро вместо пяти. Мы прошли лишние километры, потратили много времени.

– Идеи, как выправить положение, есть?

– Может... попытаться ловить зверей?

Хиллориан фыркнул.

– Скажите мне как врач – можно есть обитающих в Аномалии животных?

– Немедленно не отравимся. Что будет потом – не знаю.

Хиллориан качнул головой, ковырнул камешки тупым носком ботинка.

– Годится. У вас есть охотничьи навыки?

Джу сморщила носик. В Университете Параду высоко котирировалось вегетарианство. Правда тех, кто стойко выдерживал эту систему на практике, было раз-два и обчелся.

– Навыков никаких.

– Заодно приобретете.

Хиллориан окинул взглядом сжатый кольцом гор горизонт. Высоко в небе описывала круги хищная птица. Небесный ловец внезапно сложил крылья и камнем упал вниз.

– Кто-то что-то здесь уже ловит. Значит, можем поймать и мы.

Идея воодушевила полковника. Быть может, сказалось случайное колебание пси-шторма, но лейтенант Дирк тоже немного ожил, пожелав быть полезным. С некоторых пор холодно-корректный Дезет пожал плечами и согласился. Фалиан, подчеркнуто обходивший иллирианца, предложил свои навыки браконьера. Мюф пришел в восторг от развлечения. Джу одобрила план, втайне мечтая об одном – немного отсрочить день, когда перед нею распахнется бездонная терракотовая воронка Аномалии.

Охота задержала их на два дня.

Густая белоснежная шерсть мертвой козы блестела на солнце. Остановившиеся косые глаза смотрели с укоризной. Шкуру сдирала Джу – неумело, тщательно, мучаясь тошнотой и жалостью. Тушу рассекли тушу походным топориком, в отобранные части Белочка шприцем ввела консервант. Такой припас быстро ссыхался и сильно проигрывал с точки зрения вкусовых достоинств, зато не грозил экспедиции тотальным отравлением.

В сумерках остаток козы трещал, истекая соком на вертеле. Запасливый Мюф припрятал в сумку отделенные от черепа рожки. Иллирианец подошел бесшумно – так ходят гигантские кошки.

– Добрый вечер, леди.

Джу в ответ лишь неопределенно вздернула подбородок.

– Что вы можете сказать об этом?

Дезет раскрыл ладонь и показал неправильной формы призму величиной с орех. Сбоку имелся неправильный выступ с острием. На металлическом жале остался кусочек роговой ткани.

– Откуда эта заноза?

– Вообще-то, с козьего копыта. Странная штука. Вы ничего не чувствуете?

Джу сжала призму и прислушалась к себе – далекий шорох прибора чуть усилился. На самом краю сознания как бы пробегали мелкие колючие искорки.

– Нет, ничего.

Иллирианец, похоже, был разочарован. Он убрал находку в нагрудный карман.

– Почему полковник зовет вас «Стриж»?

– Это мое второе имя. Псевдоним.

– Вы очень правильно говорите по-каленусийски.

– Стараюсь.

Белочка сорвала длинную травинку и пожевала белый сладкий кончик. Неплохо бы попыталась осторожно прозондировать настроение иллирианца – наблюдение могло оказаться полезным.

– Как вы оцениваете перспективы? Успех или неуспех. Я работаю с Департаментом по контракту и хотела бы через месяц вернуться домой.

Стриж с минуту помолчал, потом сказал с отчетливо заметной злостью.

– Вы зря впутались в это дело. Пока что держитесь отлично, стойко. Но, поверьте, аномальная зона – скверное место. Ради чего вы переносите испытания? Из-за денег?

Осторожная проверка провалилась с треском. Интонации Стрижа напомнили ей прошлое – манеру доктора, который советовал бросить индустрию развлечений.

Стриж ждал ответа. Белочка выпалила с искренним отвращением.

– Для меня главное испытание – работать вместе с вами. Я все время помню, кто вы.

– И кто?

– Тот самый самый человек, про которого писали в новостях. Вы приказывали жечь дома, убивать самых незащитных, ваши солдаты насиловали девушек на восточной границе.

Стриж внезапно захохотал. Белочка с яростью выплюнула разжеванную травинку.

– Я допускаю, что новости приврали. Но эту девушку в Ахара убили вы. А до этого на ее глазах по одному расстреливали ее друзей.

Стриж замолчал и поворошил палочкой огонь.

– Хотите страшную историю на ночь? Ну так вот. Пограничные конфликты в Ахара случались и раньше – началось все сотни лет назад. Каленусийцы там традиционно убивали иллирианцев, а иллирианцы – каленусийцев. В таких специфических местах незащитные не живут, так каждый фермер при надобности – солдат. Девушку никто не насиловал – это была обычная солдатская шлюшка, впрочем, добрая и почти бескорыстная. Когда моих солдат отравили, я приказал ее расстрелять, иначе пришлось бы ликвидировать полдеревни.

– А что, вообще никого не трогать вы не могли?

– Не мог, потому что прощать диверсантов – непозволительная слабость.

– И что потом?

– Через два года я сам попался при похожих обстоятельствах. Мне пригрозили расстрелом гражданских иллирианцев, в частности, моей малолетней дочери. Возможно, будь я «нормален», меня бы допросили на наркотиках и безболезненно вывели в расход, но я «нулевик» и на наркотики неподатлив, в таких случаях остается лишь физическое воздействие.

– Не клеветайте на свободную Каленусию. Этого не может быть.

– А вы думали, подобное практикуют только спецслужбы Иллиры? Ну-ну. Ладно. Из уважению к вашему неведению я опускаю подробности. После того, как со мною закончили, весь мир мне опротивел. И все же, с каленусийской точки зрения это была не полная месть, и меня потащили в суд. Мой адвокат, старательный парень, решил сделать карьеру, отбив у прокурора гарантированного висельника. В трибунале он со своей защитой провалился, но продолжал стараться и заставлял меня изображать раскаяние перед вашим Сенатом. Сенаторы слушали запись и читали бумаги, они не видели, во что меня к тому времени превратили. Возможно, они приняли все за чистую монету и решили быть гуманными... Продолжать?

Джу судорожно кивнула.

– Я получил помилование, спас свою жизнь и госпиталь каторжной тюрьмы оказался мне раем. Увы, мое официальное раскаяние было враньем. Лишь через два года до меня дошло, что не следовало пачкаться, расстреливая шлюху. Нужно было передать это дело преторианцам императора, правда, они бы сделали то же самое.

– Фу! Вы хоть поняли, что сейчас сказали?

– Ну, извините. Вообще-то мне действительно жаль эту несчастную. Теперь вы хорошо видите, какой я негодяй. Держитесь-ка от меня подальше.

Стриж встал и пошел в темноту.

– Эй, постойте, Алекс!

– Что?

– Расскажите, как вас заставили отправиться в экспедицию.

Ночь принесла ответ.

– Без комментариев.

* * *

Каленусия, Горы Янга, день «Z+12»

Двенадцатый день оказался роковым. Плотный молочный туман ущелья скрыл вершины скалистого хребта на юге. Влажные слои дымки стлались во впадинах меж камней, опутывали людей, гасили звуки.

Сырость охладила лоб лейтенанта Дирка, и ясность сознания на время вернулась к нему. Дирк шел, загребая ногами шуршащий гравий и пытаясь не отставать, впереди мелькала спина Фалиана в черной куртке. Внезапно под сапог попало нечто мягкое, зверек с короткой, палевой шерстью распластался на земле. Умиравшее животное что было сил вцепилось в парусиновый сапог вертолетчика. Дирк добил зверька пинком, кончиком ножа раскрыл ему пасть – желтые у основания клыки оказались острыми как иглы. Животное резко, отвратительно пахло. Дирк отбросил дряблое тельце и зашагал вслед за удалявшимся Иеремией.

Экспедиция остановилась на дневку возле двух стоячих камней. Один, двухметровый «менгир» вздымался к небу, плоская каменная плита привалилась сбоку, образовав нечто вроде укрытия. Эта конструкция, созданная по воле природы, оказалась надежной, и Белочка залезла под каменную крышу, исхлестанную сверху дождем. Мюф возился неподалеку, играя с козьими рогами. Он и заметил зверька первым.

– Джу! Иди сюда.

Белочка нехотя вылезла из укрытия. Неизвестное существо сновало среди камней, и укус животного, тем более в Аномалии, может обернуться нешуточной проблемой.

– Оставь его, брось.

Мюф растеряно попятился.

– Джу, их много...

Крошево камня вскипело палевыми спинками. Белочку передернуло от отвращения – поток прикрытой рыжеватой шерстью плоти напоминал копошащихся крыс. Но это были не крысы – длинные, тонкие тела могли, скорее, принадлежать куницам.

– Господин Хиллориан!

Полковник стерпел «гражданское» обращение Джу.

– Я вижу. Всем в сторону.

– Куда, холера вас побери? – вмешался Стриж. – Они тут со всех сторон.

Раздался пронзительный визг ушибленного ногой зверька. Растеряно ойкнул Мюф.

- Мы в каменной кишке, колонель. Тут особо не развернешься.
- Эй! Дезет, Дирк – не стрелять! Это пустая трата патронов.
- Пакость кусается, – сказал Дирк, который, не слушая полковника, уже вытаскивал пистолет.
- Верните ствол в кобуру. Надо просто отойти в сторону.
- Ручеек рыжих тел прибывал. Зверьки шли вдоль ущелья, с юга на север, как будто торопились то ли догнать неведомого врага, то ли избежать смертельно опасной угрозы.
- Влезаем на камень. Вещи пока оставьте.
- Люди переговаривались, сгрудившись на каменной плите в полутора метрах от земли.
- Вы когда-нибудь видели нечто подобное?
- Нет. Они удивительно чужды этому месту. Может, мутация?
- Твари из преисподней, – коротко бросил Иеремия.
- Долго нам так стоять? Камень мокрый и скользкий, уже темнеет.
- Хиллориан медлил. Джу поразило выражение неуверенности на лице полковника.
- Алекс, вы сможете влезть на тот крутой склон?
- Попробую.
- Надо не пробовать, а лезть. Окажетесь наверху – сразу спускайте веревку. Остальные пойдут за вами.
- Дезет отошел на несколько шагов и тут же наполовину исчез в молочной белизне тумана.
- Возьмите вещи, понадобятся фонари.
- Фонарики крепились на лоб – Белочка прицепила тусклую лампочку и тут же выключила ее. Хиллориан кивнул.
- Экономьте заряд. Кто знает, как эти шутки станут работать в Аномалии.
- Фонари, однако, работали исправно.
- Эй! Я наверху! – туман искажал восприятие, голос Алекса, казалось, шел отовсюду.
- К счастью, конец веревки свисал со скалы всего в нескольких шагах от «менгира». Зверьки, уже прозванные Мюфом «хмуриками», попадая под ноги, визгливо огрызались. Изыскано бранился укушенный все-таки полковник. Люди поднимались по очереди, Мюфа просто втащили в «люльку» на веревке. Мрачный Стриж встретил команду наверху.
- Эй, колонель, скалолазание не входило в программу. Мы договаривались насчет хорошей тропы. Чем скорее мы вернемся вниз, тем лучше – у ваших людей нет навыков.
- Такие навыки есть у всех – в зачаточном состоянии.
- У того, кто сорвется, они в зачаточном состоянии и останутся.
- Обессиливший Хиллориан с полминуты думал, прежде чем оценить мрачную шутку иллирианца, и ответил без энтузиазма.
- До этого не дойдет. Здесь безопасно. Ночуем, утро покажет.
- Они ставили палатку уже в темноте. Белочка спала беспокойно – ей снились рыжие спинки «хмуриков», шуршание их бесчисленных, проворных лапок...

* * *

Каленусия, Горы Янга, день «Z+13»

- Белочка выбралась из палатки. Свежий воздух придавал сил. Утро грубо разорвало завесу тумана. Местность вокруг сильно отличалась от привычной тропы. Камни причудливых очертаний сильно сужали обзор.
- Смотрите, Игольчатый пик!

Озябший Хиллориан кивнул. В прорехе тумана четко вырисовывался точеный силуэт вершины.

– Эй, Алекс, подойдите сюда.

Растрепанный Стриж нехотя вылез из палатки.

– Где вы бросили вчера веревку? Я ее не вижу.

– Убрал. Вот она, в сохранности.

– Когда мы стояли на тропе, с которой стороны был Игольчатый пик?

– Справа.

– Теперь мы поднялись на левый склон. Наш ориентир – гора. Заметьте направление, пока туман не сгустился. Завтракаем, потом спускаемся.

– Уверены?

– Уверен, те твари уже исчезли.

Стриж угрюмо бросил что-то вроде «если бы» и отошел. Белочка застегнула куртку и с интересом воззрилась на пик, восхищаясь кристальной прозрачностью воздуха. Гора казалась ей иной чем вчера и одновременно неизменной.

Шестеро завтракали в молчании. Дирк выглядел почти здоровым. Спускались поспешно, стена скалы казалась бесконечной. Хмуриков внизу не оказалось – зверьки исчезли, словно были иллюзией. Темнели камни. Розовощекий от холода Мюф подошел и встал рядом.

– Джу! Где вчерашний большой булыжник с крышей?

– «Менгир»? Зачем он тебе?

– Я оставил там рога.

Белочка фыркнула.

– Не уходи далеко, потеряешься.

– Я хочу их забрать.

– Ладно, пошли вместе. Держись за мою руку.

Они сделали шаг, и занавес влажной мглы сомкнулся за их спинами...

* * *

– Эй, Симониан, где вы! – зов полковника звучал в стороне, причем совсем не в том месте, где Джу ожидала его услышать. – Чего вы там возитесь? Заблудились?

– Я вас вижу, сейчас вернусь.

Раздраженный полковник стоял по пояс в прозрачном киселе тумана. Джу подошла к нему, кусая обветренные губы.

– Что случилось? На вас лица нет, – резко спросил Хиллориан.

– Мы не на той тропе, с которой вчера поднялись на скалу. Это незнакомое место. Здесь нет менгира.

– Как нет? Вы плохо искали. Он остался выше. Или ниже.

– Нет! Я искала везде...

Дирк выругался сорванным голосом и добавил:

– Нам конец.

Прямой, спокойный Иеремия только кивнул, но вовсе не соглашаясь с паникующим Дирком, а, скорее, подчеркивая особенность ситуации.

– Отворились врата.

– Что вы этим хотите сказать, Фалиан?

– Мы ушли с проторенной тропы на дорогу судьбы.

Дирк истерически расхохотался и добавил.

– Я читал про такое. Это называется портал в другой мир.

Стриж скривился, словно попробовал лимон.

– Это называется «потеря ориентира в горах». Классика. А для тебя, парень, звучит как «заблудились». Переходу в мир иной способствует весьма.

Лейтенант поднял почерневшее за последние дни лицо – под глазами набрякли мешки – и ответил грустно, без злобы:

– Не надо так, иллирианец. Знаю, я попал сюда случайно, я – обуза. Ты прав, но не напоминай мне об этом.

Смущенный Дезет отвернулся, пытаясь замять неловкость.

– Вы смотрели карту, колонель?

Лицо Хиллориана слегка оживилось.

– Возможно, я понял, где мы очутились. Помните Игольчатый пик в разрыве тумана? Это был не пик. Нас обманул прозрачный воздух в открывшемся «окошке», мы приняли ближний камень за далекую гору. Настоящий ориентир остался у нас за спиной.

– Может быть, попробовать продвинуться еще дальше к югу этим путем, а не возвращаться?

Хиллориан заколебался.

– Нет, Алекс, не с такой группой. У них мало сил. Я уже решил. Вверх, вон туда, подъем. Потом спуск на старую тропу.

– Ладно, но я не в восторге. Спуск мы осилили едва-едва, с подъемом можем не справиться.

– Справимся. Вы страхуете Дирка.

– Этого... чудака? Спасибо на добром слове.

Пока они разбирали снаряжение, туман полностью исчез. Стриж в связке с лейтенантом ушел вперед. Иллирианец двигался уверенно, без спешки, но и не терял времени даром. Дирк держался неплохо, похоже, полностью пришел в себя, даже свинцовая бледность немного прошла. Белочка не смогла наблюдать за ними, занятая своими делами.

Хиллориан действовал методично, в полковнике чувствовалась некая надежность. Иеремия явно предпочитал длительные труды короткому риску. Мюф добросовестно играл роль груза.

– Эй! Давай.

Дезет закрепился высоко на карнизе и теперь страховал уходящего еще выше лейтенанта. Дирк задействовал пару крючьев, двигался очень неплохо и Стриж в душе пожалел о своей вспышке. «У парня ментальная открытость. То, что называется душа нараспашку, – подумал он. – Дирк не может сопротивляться Аномалии, я же ее просто не ощущаю. Девушка и старик – псионики, они чувствуют, но сопротивляются. Мальчишка слишком примитивен, а вот Хиллориан... Стоп! А как же колонель?»

Запоздалое открытие поразило Стрижа до глубины души. Слабое воздействие Аномалии на Хиллориана ни в какое сравнение не шло с видимым разрушением личности Дирка. «У колонеля защитное устройство, – подумал Стриж. – нечто такое пытались сделать в Центре Калассиана, так неужели?»

– Эй, иллирианец!

Опомнившийся Дезет руками в специальных перчатках стравил веревку. Дирк уходил все выше. Стрижу не понравилась явная поспешность вертолетчика.

– Используй крючья, лейтенант! Крепи карабины.

– Не слышу.

– Крючья.

– Ща...

Все произошло мгновенно. Тело сорвавшегося Дирка отделилось от скалы и бесформенным комком рухнуло вниз. Первый крюк вылетел мгновенно, второй продержался неуловимую долю секунды. Стриж осознал случившееся не разумом – его мысли все еще витали вокруг

загадок Порт-Калинуса, просто включился инстинкт. Черное пятно, летящий навстречу смерти Дирк, уже ушло вниз. Рывок стравленной веревки едва не сбросил Стрижа с карниза. Должно быть, для самого Дирка, это походило на ощущение от раскрывшегося парашюта. Вертолетчик повис на страховке между Стрижом и острыми гранями скал.

– Эй, лейтенант, ты как? Ребра целы?

Молчание.

Стриж изо всех сил вцепился в веревку. По шее, возле воротника, ползла, щекоча, муха. Откуда она взялась? В следующий миг иллирианец понял – насекомого не существовало, щекотку вызывал взгляд. Кто-то невидимый, но наверняка один из пяти взрослых, смотрел на него в упор, ожидая. Чего?

«Он ждет, что я брошу веревку. Кому-то мешает или Дирк, ли я сам».

Стриж не понимал, откуда взялась эта уверенность. Он мигнул, пытаясь стряхнуть с бровей пот. Пахло полынью. «Здесь нет полыни, – сказал Дезет самому себе. – Здесь ее нет и не было никогда. И я не брошу веревку.»

– Закрепляйся, лейтенант.

Вертолетчик молчал. Стриж ждал, стараясь думать лишь о своей тайной цели и о своей надежде – spes.

Дирк, наконец, зашевелился, освобождаясь от шока.

– Сейчас, сейчас... Со мною порядок. Спасибо тебе, иллирианец.

– Не за что, напарник. Ты закрепился?

– Пытаюсь... Да.

Липкая муха исчезла. Неизвестный то ли отвернулся в разочаровании, то ли интуитивное озарение оставило Дезета.

* * *

Каленусия, Горы Янга, Стекланный перевал, день «Z+15»

Старые боги Геонии давно умерли – это известно всем. Никто не украшает дубы бубенчиками, не мажет пищевым концентратом замшелый валун на перекрестке, прошлое кануло в мифическую Лету – реку звезд, предрассудки предков осмеяны и похоронены.

И все же, не смотря ни на что, одушевленные места на планете еще есть, и— Стекланный Перевал Янга тому пример. Он встречает путников по-разному, но всегда красиво: тревожным сиянием полудня, розовыми красками утренней зари или багровым полыханием заката. Точнее, встречал когда-то. Аномалия внесла свои поправки и люди к перевалу больше не ходят.

...Или почти не ходят – шестеро незнакомцев все же нарушили покой Стекланного в тот неопределенный час, когда кончается день, но еще не пришло время вечера. В этот час исподволь удлиняются короткие тени, и сияние ледника слепит беззащитные глаза.

...Слепит, но не каждому. Пришельцы, один из них совсем маленький, заранее прикрыли зрачки коричневым пластиком очков.

Шестерка словно ждала какого-то знака и каждый думал о своем.

Джулия Симониан с грустью думала покинутый Параду, с тревогой думала о загадке пропавших ампул.

Полковник Хиллориан в самых укромных мыслях пробовал на зуб ту часть его, полковника, миссии, о которой пока не догадывается никто.

Хладный разум Стрижа лелеял собственный план, просчитывал и отбрасывал безнадежные варианты, душа кричала – spes.

Мюф томился по киберу, которого подарит верный друг Джу.

Дирк бездумно отдышал, подставляя лицо солнцу.

Иеремия... Иеремия просто знал. Он понял, принял будущее, без страха, со стойкостью фаталиста.

Все шестеро, почти разом, не сговариваясь, сделали осторожный шаг – первый шаг по южному склону гор. Искомое лежало как на ладони – яркое, видимое до самых мелких деталей, зловещее, бесконечно чуждое Стеклянному перевалу, этим скалам, Игольчатому пику, чистому воздуху, ледникам, самой плоти Геонии.

– Вот она во всей красе, Аномалия...

Глава 9. Дохлая вечность

Каленусия, Горы Янга, Стекланный перевал со стороны Воронки Оркуса, день «Z+15»

– ...Вот она, Воронка Оркуса.

Джу задохнулась от сумрачного восхищения. Фотография не передавала и десятой части жуткого очарования оригинала. Воронка не имела формы перевернутого конуса – реконструкция лгала. То, что начиналось как слабо скошенный конус, через сотню-другую метров обрывалось вниз отвесной стеной. Исполинская дыра пронзала камень, уходя в черноту, отвесные стены обрывались в бездну. Вещество, слагающее поверхность, сильно отличалось от камней Янга. Угольно-черные тени карнизов падали на поверхности цвета терракоты.

– Красиво.

Белочка сосчитала карнизы – девять циклопических колец, испещренных черными точками. Задумчивый Хиллориан остановился рядом.

– Там проходы в пещеры, – заметил он. – Похоже на огромную крысоловку, только крысы на дне и не хватает.

– Да уж, – Белочку передернуло от отвращения, величественная красота кратера мгновенно поблекла. – Я бы не удивилась, найдя в подобном месте скелет.

– О! Не сомневайтесь, скелет еще найдется.

– Я не верю, что такое построили люди.

– А я не верю, что это строили вообще. Смотрите, Симониан, смотрите внимательно – этот феномен в целом не имеет смысла. Это не жилье. Точнее, жить там теоретически можно, но для этого не стоило сверлить дыру в камне и ютиться по краям. На стратегический объект не похоже – слишком заметная и ничем, кроме Аномалии, не защищенная штукавина.

– Может быть, там дробили камень на щебенку.

Полковник одобрительно кивнул, закуривая.

– В точку, девушка. Некое подобие шахт заметно. Если бы еще ответить на вопрос – кто копал, куда дели добычу, и какая мировая дурь заставила делать это таким странным способом.

В спину потянуло холодом. День понемногу клонился к вечеру. Хиллориан бросил дорожную недокуренную сигарету, зло растер пепел и тончайшую бумагу подошвой.

– Пошли, не надо задерживаться на перевале.

Джу поправила лямки рюкзака, вздергивая груз повыше на плечи.

– Где будет лагерь?

– Прямо там. Нам нужны непосредственные ощущения псиоников.

Мюф, не обремененный грузом, прыгал с уступа на уступ, распевая вновь выдуманную считалку:

Раз-два – привет.

Обратно хода нет.

Там – черта,

Здесь – зола.

Замри – беги.

Не береги.

В землю – хлоп.

Даст тебе в лоб.

Золото-медь,

Уже не успеть.

*Сильную рать
Тебе не собрать...*

Полковник снисходительно фыркнул – вежливая замена смеха. Белочка промолчала. Где-то, на самой границе сознания шевельнулись серые нити – признак близкого Хаоса...

Вблизи размеры воронки воистину подавляли. Дирк опустил на корточки и заглянул за край.

– Далеко отсюда падать... нет, не очень, внизу, в восьми ярдах – карниз, причем широкий.

– Дезет, лейтенант, спускаемся, – приказал Хиллориан.

Карниз действительно оказался широким, с почти ровной, твердой поверхностью, усеянной всего лишь мелкими рытвинами. Над местом витала горькая аура запустения. Из окаменевшей глины торчало нечто несуразное – серебристые извитые тросы, остатки причудливо искореженной арматуры. Неподалеку устроился совершенно неуместный среди техногенной свалки, покосившийся менгир – на этот раз явно искусственный.

– Что здесь раньше было, полковник?

– Маленькая станция пси-наблюдения, которой больше нет. Смотрите, Дирк, и вы, Алекс, тоже смотрите. Симониан, подойдите поближе. Воронка Оркуса будто бы вдавлена сюда извне – даже границу можно разглядеть. Вон там – скалы перевала, темная порода, здесь – желтая терракота. Что скажете, Стриж?

Иллирианец поковырял окаменевшую землю носком ботинка.

– Даже не знаю. Почва тут глина как глина. Остальное выглядит странно, не спорю. Куда теперь?

– В обход по карнизу. Видите, каверны в склонах? Туда.

Они осторожно шли цепочкой, угнетенные размерами Воронки и ирреальностью происходящего. Игольчатый пик маячил справа – там, где остался перевал. Небо набрякло тучами, обещающая ночной дождь.

...Бункер первым заметил Дирк. Металлическая коробка, полускрытая осыпью глины, слегка накренилась, крыша прогнулась, черной пастью зиял проем, распахнутая настежь дверь покрылась рыжей шкурой ржавчины.

– Это бывший пост наблюдения?

– Да.

Белочка поежилась.

– Господин Хиллориан...

– Называйте меня Септимус.

– Хорошо. Скажите, Септимус, эти мертвые люди – они все еще там?

– Ни в коей мере. Тела давно эвакуировали. Не берите в голову, Джу. Сейчас этот бункер – просто крыша над головой.

Белочка вздрогнула – коротко тренькнула тонкая струнка опасности. Угроза маячила в отдалении, пока не очень страшный, какой-то плоский, словно вырезанный из картона контур. Пси-образ покинутого убежища, напротив, серебрился утонченной тоской, трагизм крови и смерти почти истаял. Общее впечатление получалось такое же, как от руин какой-нибудь геройской твердыни.

Джу выставила ментальный блок – контраст вышел сокрушительный. Благородные руины исчезли, уступив место грубой реальности. По-видимому, обвал сломал и разметал оборудование наблюдателей – сухую усеивали ржавые обломки, рваные ошметки пластика, секции сломанной мачты, мятые обрывки стальной сетки.

– Так что же, заходим?

Дирк уже опередил иллирианца. Его голос глухо долетал изнутри бункера.

– Полковник, все в лучшем виде. Консервы, оборудование, блоки к фонарям – все цело. Белочка и Мюф вместе переступили порог – внутренние перегородки делили бункер на четыре части: мини-склад, кухню, санитарный блок и жилой отсек. В тамбуре хрустел под ногами принесенный ветром песок.

– Откуда они брали воду, Септимус?

– Понятия не имею – насосом качали, наверное. Впрочем, источник давно уже пересох. Ладно, устраиваемся здесь. Тесновато для шестерых, зато стены слегка экранируют пси. Относительно спокойный сон в Аномалии – великое дело.

Выбросить истлевшее тряпье Белочка поручила Мюфу. Паренек с охотой отправил небрежно свернутый узел хлама напрямик в пропасть. Стриж, проследив полет, прокомментировал:

– Вечность – универсальный поглотитель.

– О-о-о! Вы только посмотрите...

– Куда?

– Вон там, т левее...

Пальчик Джу указывал куда-то в сторону нависшей над обрывом груди ржавого хлама. На побитой металлической пластинке, сорванной, видимо, с корпуса прибора, наискось красовалась нацарапанная надпись:

7004 год. Наблюдатель Нуньес. Я скучал здесь. Станция R-735 – «Дохлая Вечность»

– Поздравляю, колонель. Вот мы и на месте...

* * *

Горы Янга, кратер Воронки Оркуса, ночь

Маленький бункер, прилепившись к груди окаменевшей глины, тихо лежал в темноте. Белочка, которая занимала верхний ярус койки, осторожно включила фонарик и распахнула сильно потрепанную книгу Хэри Майера, заложенную вместо закладки сушеным листом магнелии.

«...Фундаментальное исключение Калассиана не подвергается сомнению – все попытки технически и адекватно воспроизвести пси человека неизменно кончались крахом. Не наткнулись ли мы в своих блужданиях на доказательство существования нематериальной первоосновы личности?»

Джу крепко закусила губу, чтобы не расхохотаться. Автор трактата давным-давно получил прозвище Грубого Хэри, а в самом узком кругу и того жестче – Ублюдка Майера. Прозвище навесили не совсем без вины – дискуссии с участием философа если не каждый раз, то иногда кончались вполне физическими драками. Хэри играл роль зачинщика – распалившиеся ученые кидались книгами, плескали в противников минеральной водой, престарелые члены коллегии не стеснялись пускать в ход трости.

Сейчас Грубый Хэри плавно подбирался к вопросу о душе.

«Принято считать, что физическая природа пси-явлений до сих пор не разгадана. Эта точка зрения – рискованная иллюзия. Она опасна, потому что скрывает очевидную, ясную, нелицеприятную правду – в нашей реальности существуют явления, у которых объективно нет физической природы!»

Белочка фыркнула. По слухам, едва речи Хэри достигали этой критической отметки, лица физиков, химиков и биологов неизменно вытягивались. Майер же с наслаждением купался в атмосфере всеобщего осуждения, по-видимому, чувствуя себя как рыба в воде.

«Пси-явления произрастают из материального мира, но их вершина, крона – вовне. Концепция мирового, космического разума сейчас находится вне науки – правильно ли это? Я не сомневаюсь, что ответ – отрицательный.»

Белочка зевнула, прикидывая – не посвятить ли остаток ночи сну. Мятежный пси-философ гнал бред, не унимаясь:

«Сейчас плоть властвует над ментальностью, воплощение над идеей, косность над новизной, тело над духом...»

Лично у Хэри дела, наверное, обстояли иначе. Уж что-что, а плоть им не управляла, и после каждой новой потасовки он, залечив синяки, восставал свежим и энергичным.

«...Гармони кси и пси в одном существе – то, о чем мы до сих пор не позволяли себе мечтать. Подчеркну еще раз – гармония, способная к неограниченному самосохранению»

Белочка вздрогнула, захлопнула книжку, выдернула сушеный лист-закладку и осторожно перевела дыхание. Сердце колотилось пойманный мотыльком. Малопонятный трактат Грубого Хэри перестал казаться смешным. «А ведь он дает нам, псионикам, надежду. Если Майер прав, я могла бы остановить свое умирание»

Джу скользнула с койки вниз, ловко обогнула спящего Дирка, отыскала в груди вещей на полу свой рюкзак и запахнула книжку поглубже. Потом передумала – снова вытащила потрепанный томик, как могла, обернула его в куском бумаги, вытащила из нагрудного кармашка обломок красного карандаша и крупно, несколько раз обводя буквы, написала на обложке: «Руководство по лечению кишечных расстройств».

Надписанный таким образом том отправился на самое дно брезентового мешка. Внезапно Джу осенила еще одна идея – она подтянула к себе рюкзак Стрижа и запустила в него пятерню. Результат обескуражил – пропавших ампул у иллирианца не оказалось. Дирк беспокорно шевельнулся во сне. Белочка проворно вскарабкалась на койку, стащила сапоги и погасила фонарь. «Вот так вот!».

* * *

Горы Янга, кратер Воронки Оркуса, день «Z+16», время начала – 10:00

Мюф ликовал словно герой, получивший заслуженную награду. Кибер модели «сумка на ногах» отыскался в кладовой – безобразная квазичерепаха с примитивным интеллектом, скорее всего принадлежала покойному Нуньесу. В скалах такая бесполезна – короткие манипуляторы не позволяли лазить по камням, и дорогая игрушка так осталась валяться в кладовой. Сейчас расторможенный Белочкой кибер спешно самообучался: суетился, побрякивал, натываясь на стены бункера.

Мюфа подмывало опробовать трофейный чип памяти, но тогда пришлось бы сознаться в краже. Образ Доктора (бесцветные лужицы глаз, черное дуло излучателя) так и не стерся из памяти младшего Фалиана – пережитый страх, унижение, ощущение собственной беспомощности осели на самых задворках маленькой души, время от времени напоминая о себе смутной тревогой. Мюф потрогал припрятанную в кармане добычу и в мыслях отложил опасный эксперимент на неопределенное «потом».

– Тим, пошли!

Кибер, отзываясь на имя, с разбегу, больно ткнулся в ноги хозяина, и Мюф потер крепко ушибленную лодыжку.

– Пошли, Тим.

Взрослые уже толпились у выхода, нацепив налобные фонари, озабоченные и злые. Джу озиралась, отыскивая приятеля взглядом, ее коричневые волосы выбились из-под шапочки и блестели – почти как пластиковый корпус Тима. Дед стоял выпрямившись и не оборачивался, тем не менее Мюф все время чувствовал настойчивый, негромкий мысленный зов – Иеремия помнил о внуке. Слева от бабушки что-то лениво колыхалось. Мюф прищурился, картинка лучисто расплывалась. Подумав, Мюф сообразил – взрослые не видят эту штуку. Пятно не выглядело страшным – в нем было что-то от маленького котенка и немного – от кибера Тима. Младший Фалиан успокоился, решив про себя при случае заняться пятном вплотную...

Белочка шагнула под тревожное солнце утра. Воронка поражала яркими оттенками терракоты. В этой незамутненной чистоте красок проглядывало нечто зловещее – панорама походила на гигантский, тщательно прописанный холст, у которого нет ни конца, ни начала. Большая свинцовая туча нависла над перевалом. Аномалия терпеливо поджидала людей. «Ну что же, посмотрим поближе, какова ты – безумная мечта Майера».

Глава 10. Все запутывается окончательно ***Кратер Воронки Оркуса, день «Z+16», время начала – 10:00***

– С чего начнем, колонель? У вас нет подспудного желания туда не соваться туда?

Стриж кивнул в сторону аккуратного отверстия в бежевой глине. Дыра имела любопытную форму – почти правильного пятиугольника.

– У меня есть желание разобраться с этим поганым делом как можно скорее, а потом уйти отсюда. Вы сделали снимок входа, Алекс?

– Да, кстати, мальчишку следовало оставить в бункере. Какой холеры вы тащите ребенка с собой?

– Парень – ментальный резонатор старика. Это как бы часть оборудования. Не прикидывайтесь ханжой, Алекс, я вам не поверю. Эй, Дирк!

– Я здесь, полковник.

– Как твоя голова, лейтенант?

– В норме, шеф! Болезнь меня отпустила.

– Отменно. Раз так – вот диспозиция, господа псионики и непсионки. Пред нами нечто, возможно – пещера, а скорее – шахта. Топография места неизвестна, происхождение – неизвестно, вооруженного противника там нет, а вот насчет аномальных выбросов пси – никакой гарантии. Заходим внутрь, разделяемся. Дезет, Симониан, Дирк – налево. Я и мастер Фалиан с внуком – направо. Держаться вдоль стен. Считать и фиксировать повороты. Съемка – по мере надобности. Звукозапись – желательно непрерывно. Встречаемся через два часа на этом самом месте, вопросы и предложения есть?

– Действия на случай экстренной ситуации, колонель?

– Убираться из опасного места как можно скорее. Взаимопомощь по мере возможности. Итак, действуйте!

– Погодите... – вмешался Иеремия. – Вам бы, полковник, послать меня с одной бригадой, а внука моего – с другой. Мы с Мюфом «слышим» друг друга на расстоянии, и с самого его рождения так. Если какая беда, или он мне передаст, или я ему.

Септимус задумался перед лицом двусмысленной перспективы: послать вспыльчивого луддита со Стрижом рискованно, нагрузить Дезета сразу и девушкой, и ребенком – по любым меркам чересчур.

– К кому предпочитаете присоединиться, мастер Фалиан?

Иеремия дернул подбородком в сторону Белочки и иллирианца.

– По рукам. Но предупреждаю – никаких конфликтов. Вы отправляетесь на дело чрезвычайной важности, а не на сафари под названием «сведем счеты». Алекс, не отворачивайтесь, вас это тоже касается.

Через минуту сумрак пещеры поглотил людей. Иллирианец, сострадательница и Иеремия повернули налево; наблюдатель, Дирк и фермерский мальчишка – направо.

След в след за Мюфом, крабом распластавшись по камням, упорно торопился примитивный кибер. До того примитивный, что ему совсем не вредила Аномалия...

* * *

Кратер Воронки Оркуса, день «Z+16», 11 часов 30 минут

Стриж шел с годами наработанной обманчиво мягкой осторожностью, лампа, прикрепленная ко лбу, позволяла держать руки свободными и наготове. Сразу за входом обнаружился обычный с виду штрек. Кто-то когда-то вырубил в плоти камня прямые, довольно широкие горизонтальные коридоры, местами на стенах сохранились остатки арматуры и клочья тонкой металлической облицовки.

Каленусийка шла следом за Стрижом, почти шаг в шаг. Иеремия угрюмо тащился последним.

– Что скажете? – Стриж указал на стену, яркое пятно света пробежало по камню и ржавому железу.

– Здесь рыли тоннель. На полу, похоже, рельсы?

– Верно, так и есть.

Дезет поглядел под ноги, луч света услужливо прыгнул вслед за движением головы.

– Интересно, кто это построил? – спросила девушка и подошла вплотную. «Она боится, но пытается не подавать виду», – понял Стриж.

– Не знаю, – вслух сказал он. – Строители ушли, возможно, лет двадцать назад – слишком все проржавело.

– Здесь ненормально глухое эхо.

– Не заметил, впрочем, глядите в оба. Про любую подмеченную странность сразу говорите.

– Где-то там, впереди, кажется, обрыв. Или, скорее, водоворот.

– В пещере сухо, как в бутылке с сахаром.

– Это не вода, а другая сущность. Она притягивает и поглощает.

– О, боже... – пробормотал Стриж. – А поконкретнее вы можете?

Сострадательница, похоже, всерьез рассердилась:

– Вы думаете, я гадалка или начиталась дешевых фикций?

– Тихо.

– Я не читаю всякую дрянь.

– Тихо, тихо. Разве вы не слышите?

Девушка мгновенно замолчала, взглядываясь в подсвеченный лампой сумрак.

– Да, там что-то шуршит. Может, крысы?

– Скорее, осыпается грунт. А вы, Фалиан, вы – слышите?

Стриж, не дождавшись ответа, резко обернулся.

Проход пустовал. Иеремии за спиной не оказалось.

– ФАЛИАН!!!

Эхо умерло под каменным сводом.

– Мне это не нравится. Возвращаемся, – приглушенно сказал Стриж. – Быстро, назад.

– Нет.

– В чем дело, леди?

– Я чувствую, что должна идти дальше... туда. Там разгадка, ради которой мы пришли.

Стриж заколебался. Двигаться к неизвестному источнику шума, повернувшись спиной к проходу, в котором только что бесследно исчез Иеремия, представлялось рискованным. Оставить источник неисследованным? Тогда не стоило пускаться в рискованное предприятие.

– Ладно, мы туда пойдем, но сначала обезопасим тыл. Стойте на месте. Почувствуете угрозу – зовите меня. Я вернусь на двадцать шагов, проверю коридор поворотом. Хотелось бы знать, куда подевался старик, сдается – ушел мне назло.

Дезет повернул назад, ощущая непривычную неуверенность. Бой без противника, опасность без имени, казалось, причинно-следственные связи лопнули, словно гнилые нити. Иеремии за поворотом не оказалось, возможно, луддит и в самом деле вернулся в лагерь. Стриж побежал назад, заметив, что тонкий, словно бы призрачный силуэт Джу Симониан удалялся – девушка шла, словно сомнамбула, держась левой рукой за грубый камень стены. Иллирианец настиг ее в три прыжка.

– Я же вам говорил – стоять на месте.

Псионичка не ответила. Девушка словно бы перестала видеть Стрижа и казалась погруженной в себя. Иллирианец не стал задерживать ее – просто пошел рядом.

Коридор немного расширился, ржавое железо грудами лежало там и сям, куски облицовки свисали со стен как длинные шершавые языки чудовищ.

– Мрачное место, леди.

Джу шагала дальше, не отвечая и упрямо вздернув подбородок. Внезапно девушка вздрогнула и резко остановилась, словно вразмах налетев на преграду.

– В чем де...

И тут Стриж увидел все.

Зрелище ошеломило даже скептически настроенного иллирианца. В семи футах от него, на замусоренном полу штрека кипела, пузырясь, вспениваясь крошечными острыми фонтанчиками пыли, черта. Казалось, циклопический массив камня рассечен огромным лезвием. Черта была тем самым разрезом, она ровно шла по полу, идеально отвесно поднималась по стене, пробежала по потолку коридора и спускалась вниз, образуя замкнутое кольцо. Материя на краю черты медленно кипела. Стриж прищурился, пытаясь разглядеть отрезанную от них часть штрека, и ничего не понял. То, что находилось по ту сторону, не было ни веществом, ни существом, и все же Дезет интуитивно ощущал чужое присутствие – чуждое до такой степени, что дал сбой даже инстинкт самосохранения.

– Поздравлю вас, леди, вселенная кончилась. Здесь, среди технического хлама, мы отыскали грань мира.

Джу не слушала иллирианца.

Захламленный штрек исчез. В ушах вольно пел звездный прибор. Волны радости и силы мерно накатывали одна за другой, слегка приподнимая ее и отпуская снова. Ласковые пузырьки пены облепили руки, плечи, лицо. Белочка погрузилась в изумрудно-зеленые волны и удивилась – она не только не захлебнулась – даже не почувствовала отсутствия воздуха. Потребность в дыхании словно бы исчезла. Изумрудная холодная глубина уже ждала ее. Джу окунулась в прибор – с головой и еще глубже, оттолкнулась руками, постепенно уходя в пучину. Поодаль колыхалось нечто похожее на комок морской травы. Это были старые знакомые – серые нити. Совсем не страшные, даже смешные. Джу засмеялась, наслаждаясь вновь обретенным покоем и безопасностью. Она протянула руки... Нити потянулись навстречу, упруго оплетая ее пальцы.

– Иди сюда. Ты ведь хочешь неуязвимости?

– Да.

– Это очень просто.

– Но чего вы хотите взамен?

Нити молчали – в молчании присутствовал некий насмешливый ответ, который никак не удавалось ухватить. Белочка внезапно поняла, что задыхается, она отчаянно рванулась вверх – к свежему морскому ветру. Поздно – нити уже успели оплести ее руки до самых плеч.

– Нет!

Джу беспомощно билась, отрывая тонкие от себя нити-щупальца, но Хаос уже опутывал спину и ноги. Она закричала и тут же пожалела об этом – вода потоком хлынула в легкие. «Это неправда, – отстраненно подумала Джу и крепко зажмурилась. – Я не могу умереть, это только иллюзия, ментальный шторм. Нет моря, нет нитей, ничего этого здесь нет. Сейчас я успокоюсь, просто открою глаза и увижу пыльный штрек, ржавчину и противную физиономию иллирианца. Я хочу это увидеть. А потом я просто повернусь и уйду, оставлю грязь подземелья, выйду под солнце и все будет хорошо».

Она осторожно подняла веки.

Не было ни пыльного штрека, ни Стрижа, ни ржавчины, ни россыпи мелких камней. Вокруг колыхались изумрудные волны. Пучок нитей захлестнул шею. Джу закрыла глаза и прекратила борьбу – она поняла, что проиграла.

* * *

Ошеломленный Дезет видел, как девушка внезапно подвинулась к черте. В остановившихся ореховых глазах отражался свет фонаря.

– Джу, не делайте этого.

Сострадательница его не слышала. Она неловко, как ребенок, который учится ходить, шагнула вперед. Теперь черта кипела рядом с носками ее ботинок.

– Назад.

Стриж подскочил и, ухватив за куртку, оттащил Джу к стене. Псионичка сопротивляться неумело, но яростно, успокоилась на несколько секунд, потом неведомая сила вновь бросила ее к черте. На скуластом личике проступило чужое выражение маниакального упрямства. Иллирианец с трудом прижал ее узкие плечи к камню.

– Не двигайтесь. Закройте глаза, не надо туда смотреть. Дышите глубже. Подождите. Так. Это пройдет. Это безумие посылает Оркус.

Джу плакала. Потом попыталась укунить Дезета за руку. «Великий Разум, что делать-то?»

Девушка то затихала, то билась, пытаясь дотянуться до черты. Рывки с каждым разом становились все резче – в ее упорство и сила становились нечеловеческими. Мускулатура тонких рук казалась каменной на ощупь. Она и Стриж, сцепившись, вместе медленно сползали к призывно светящейся синим границе. «Это наваждение. Ее убивает ее же сверхчувствительность. Еще немного, и мне ее не удержать никакими силами. Тут, пожалуй, нужен стресс. Может быть, попробовать вот так...». Дезет на ощупь нашел пояс ее костюма.

Звяк! – кнопка отлетела с треском. Джу взвизгнула, вырываясь, по счастью, уже не в сторону роковой черты. Стриж удерживал ее, последовательно преодолевая сопротивление. Бесенок иронии на секунду посетил сознание иллирианца – «совместим необходимое с приятным...»

Горячий вихрь налетел и смял холодный мираж волн. Воздух загудел, содрогаясь. Море исчезло мгновенно. Серый, режущий шелк нитей мгновение полоскался на яростном, сухом ветру, потом щупальца распались, обрывки унесло в сторону. Джу пришла в себя – вынырнула из водоворота видений.

– И-и-и!

Она рванулась – бесполезно. Стриж действовал с забавной смесью деликатности и нахальства. Обозленная Джу пристроилась прокусить ему плечо – не тут-то было, мешала толстая альпийская куртка. Достать разум «нулевика» зловерной наводкой – об этом не приходилось и мечтать. Оставалось молотить агрессора по спине и дергать его за волосы. Кажется, это лишь прибавило иллирианцу энтузиазма.

– Ах, мерзавец.

Он выпустил плечи Белочки, когда все закончилось, да и то не сразу и аккуратно застегнул ее пояс и молнию голубой курточки. Джу оценила ситуацию – случившееся более всего походило на вежливое изнасилование.

– Вы негодяй.

– Конечно. Я ужасно раскаиваюсь.

– Вы раскаиваетесь по понедельникам и пятницам и пакостите в остальные дни.

– Я предупреждал, какой я плохой.

– Теперь я точно не поверю, что вы не насиловали фермерских дочек.

– Ну что вы! Никогда ими не увлекался. Это вы, леди, меня очаровали.

Джу подумала, не закатить ли наглему оплеуху постфактум. Лампочка с ее лба свалилась и валялась в стороне. Физиономия Стрижа казалась темным пятном.

– Я вас убью.

– Это не то обещание, которое следует игнорировать...

Стриж поднял, надел и поправил налобный фонарь. Сострадательница казалась разъяренной и расстроенной, но совершенно нормальной. «Хвала Разуму – обошлось. Она не помнит, как пыталась уйти». Иллирианец протянул Белочке руку.

– Пойдемте. Нужно найти остальных. И постарайтесь не наступать на черту...

Джу молча спрятала ладони за спину.

– ...ну на черту-то во всяком случае не наступайте – не надо этого делать мне назло.

Белочка с мрачным видом прошла вперед и прибавила шагу. Она брела в полутьме, круг света от фонарика выхватывал то ржавую арматуру, то облупившуюся облицовку стен. Отчаяние захлестнуло Джу, мир казался забранным частой серой сеточкой, тоска представлялась почти материальной субстанцией – обволакивающей и липкой. Впрочем, депрессия не имела прямого отношения к наглому выходке иллирианца – ее мучило осознание поражения. Вопреки чаяниям Стрижа, Белочка помнила свой путь к черте и твердо знала, что решающую схватку с нитями она проиграла.

– М-м-м...

– Что-то не в порядке? Вам плохо?

Иллирианец в два шага догнал ее, взял за локоть и довольно бесцеремонно оттащил еще дальше от черты.

– Сядьте у стены. Не двигайтесь. Это опять ментальный шторм.

– Ублюдок. Вы – ублюдок.

– Все, что угодно, только не двигайтесь. Не совращать же мне вас всякий раз, как накатит эта штука.

Воздух наполнился невидимым напряжением. Кончики волос Белочки слабо потрескивали.

– Сюда идут...

Они, не сговариваясь, погасили фонари. Под сводом потолка с шелестом проносились невидимые тени. За сломанными вагонетками стучали шаги. В их идеальной размеренности было нечто нечеловеческое. Дезет чувствовал, как слабый ветерок шахты шевелит волосы на голове. Белочка вцепилась в альпийскую куртку иллирианца, замерла, не дыша.

– Пустите мою руку... – прошептал он. – Я должен взять пистолет.

Джу с трудом разжала оцепеневшие пальцы. «Я не должен никого жалеть, – подумал Стриж. – Желание защитить – похвально, да вот только привязанность убивает. Они такие наблюдательные, эти соратники Хиллориана – поначалу осторожны как крысы, серые крысы с красными глазами. Но как только я покажу слабость, меня загонят в угол, скрутят, прикажут, хрястнут душу пополам...»

Стриж снял оружие с предохранителя и снова прошептал, почти беззвучно шевеля губами.

– Как только это появится – я стреляю. Если выйду из строя или... или заметите за мною явную странность – немедленно уходите. На месте не оставайтесь ни в коем случае. Мне помогать тоже не надо, будет один вред.

Шаги стучали в ритме сердца. Стриж поднял пистолет. Шаг... Еще шаг...

Черная фигура с ярким пятном вместо головы показалась из-за вагонетки. Стриж чуть прижал спусковой крючок и...

– Какого....., Фалиан!

Белочка ахнула и через миг задрожала от беззвучного хохота. Чудовище мгновенно обрело очертания долговязого луддита. Иллирианец, красный от досады (ладно, в темноте не видно) опустил пистолет.

– Я вас чуть не пристрелил, в башку ударенный святоша. Это надо же так бродить в темноте...

Черная куртка Иеремии, похоже, стала еще чернее, на лбу пылал недавно подзаряженный фонарик.

– В смятении сердца у тех, у кого совесть не чиста.

– Забери вас мировая дурь.

Сардар убрал пистолет.

– Вы заставили меня нарушить слово, данное колонелю. Я обещал не пререкаться с вами, старый фанатик. Все, хватит. Уходим отсюда. С меня хватит...

Белочка сделала движение к выходу. Стриж замолчал. Иеремия давно уже стоял, не двигаясь, однако, размеренный звук, так похожий на звук шагов, до сих пор раздавался сводом тоннеля. Пальцы оторопевшего иллирианца запоздало царапали кобуру. За спиной полуобернувшегося и оцепеневшего от растерянности проповедника проявилось нечто.

– И-и-и-и! – истерический вопль Джу заглушил биение медленного сердца.

Возле разбитой вагонетки, в полутора метрах над землей, завис конус света. Там, где конус сходил на нет, в яркой светящейся точке, не было ни руки, ни головы, ни фонаря.

Ничего, кроме пустоты. Конус висел в пустоте...

* * *

– Их нет уже более трех часов.

– Вы правы, Дирк.

Полковник напряг глаза, стрелка примитивно-механических (специально для Аномалии) часов тлела каплей фосфорического огня.

– Ждем еще тридцать минут.

Они устроились на более-менее чистом пятнышке пола, полковник, скрестив руки на груди, привалился прямой спиной к облупившейся стене, Дирк сидел, ссутулившись и стараясь ни к чему не прикасаться, черные волосы вертолетчика, перепачканные пылью, сваялись и упали на лоб. Мюф отошел на десяток шагов и возился в темноте, расшвыривая легкие обломки.

Штрек ровно уходил во тьму. Здесь, в западной части пещеры, на стенах не осталось и следа облицовки. Грубого вида балки из неизвестного материала там и сям подпирали потолок. Коридор имел такой вид, словно его упорно прокладывали в твердом теле скалы, да так и бросили, не завершив. Среди камней тихо шуршало.

– Крысы, полковник – вы слышите их возню?

– Бросьте, Дирк. Это дурацкий кибер мальчугана.

Из расступившейся темноты и впрямь вынырнула уродливая техническая каракатица. Кибер потыкался в пыльные закутки, а потом с маху ударился о сапог Дирка. Вертолетчик едва не потерял равновесия.

– Ах ты, тварь!

Пинок отбросил машинку прочь. Пластиковый корпус затрещал, кибер замер, ориентируясь, потом счел ситуацию опасной и нырнул в сторону, уходя от несуществующей погони.

– Тим! Вернись, Тим! – Фалиан-младший рванулся следом за машинкой, Септимус едва успел схватить его за рукав.

– Стой на месте, парень. Тим вернется сам.

Мюф не слушал. Он извернулся ужом, освобождая куртку и погнался за убегающим кибером. Хиллориан обреченно махнул рукой:

– Вставайте, Дирк, хватит прохлаждаться. Вы отличились – как всегда. Не надо было пинать этот хлам. Теперь придется искать мальчишку. К счастью, спрятаться ему некуда – дорога прямая как стрела.

Они устало шагали по рельсам, не подозревая, что через час в живых из них останется только один.

* * *

Стриж медленно опустил руку. Конус висел в пустоте. Мерные удары сердца продолжали отдаваться под сводами галереи.

– Это галлюцинация. Слуховая и зрительная.

Немного успокоившаяся Джу выпустила куртку Дезета и решительно замотала головой:

– Нет. У вас не может быть пси-галлюцинаций. Что именно вы видите?

– Свет. Его источник держится в воздухе без опор.

– Я вижу другое. Мастер Фалиан, что видите вы?

– Шар из огня.

Стриж попробовал поглядеть сквозь прищур, искоса, по-всякому.

– Чтoб я сдох, но это конус – я вижу его. Неизвестный физический эффект. Мне кажется, он не опасен.

– Для вас – очень может быть.

Конус, словно услышав спор, лениво уплыл в сторону и втянулся в кипящий водоворот черты. Удары невидимого метронома продолжались еще пару-тройку секунд, но потом затихли.

Глава 11. Бунт

...Мюф заметил, что подпиравшая потолок балка немного просела. Пачкая колени комбинезона, он опустился в грязь, осмотрел столб – длинная трещина начиналась внизу и шла наискось, от столба отделилась длинная, похожая на зуб щепка. Младший Фалиан потрогал острый конец зуба – и тут же сунул уколотый палец в рот, отсасывая соленую бусинку крови.

В этот самый момент, в дальнем конце штрека, в том месте, где пласты камня сходились острыми углами, шевельнулось нечто многоногое и приземистое.

– Тим!

Мюф бесстрашно шагнул вперед и наморщил нос – темнота пахла гнилью и еще чем-то острым, ядовитым. Свет фонаря прополз по стене и упал на неровный пол штрека...

Мюф испуганно замер. На полу кое-что упруго копошилось. Щетинились жесткие усики, скалились зубы, светились злобой бусинки многочисленных глаз. Два десятка грязно-бурых, линялых «хмуриков», срослись хвостами и образовали единое целое – подобие крысиного короля.

Мюф, сбросив оцепенение, неистово, пронзительно заорал...

* * *

– Вы слышали, Дирк? Он здесь, это его голос.

– Поймаю паршивца – уши оторву.

– Спокойно, лейтенант. Без радикальных действий... Да стойте же!

Обозленный вертолетчик, не слушая Септимуса, бросился на звук. Отчаянный крик на секунду оборвался, словно крикун сделал короткий вдох, а потом возобновился с удвоенной силой.

– Дирк, вы где? За которым поворотом?

– Я свернул налево, полковник.

– А я направо...

– Сейчас я подойду... Что там у вас?

– Мальчишка вопит как резаный. А, черт! Я уронил фонарь и он погас.

– Помощь нужна?

– Спасибо, нет. Ищите парня, чтоб ему пусто было.

Дирк заколебался – если фонарь Хиллориана разбился, помощь полковнику совсем бы не помешала. Крик младшего Фалиана оборвался, Тусклый свет его маленькой лампы разглядеть не удавалось.

– Эй, парень! Ты где? Кончай прятаться – вылезай.

Мюф не показывался.

Лейтенант остановился, переводя дыхание и оперся о стену. Пальцы нащупали треснувший столб, наткнулись на острую щепку в виде клыка. Дирк отдернул руку и несильно пнул подпорку, на уколоте мизинце выступила почти черная капля крови...

...В тот же миг многолетняя усталость материала сделала свое дело. Опора хрустнула, подалась и распалась пополам, как небрежно сломанная спичка. Ее обломок ударил Дика под колено. Массивные глыбы отделились от потолка и покатались вниз, каменная пыль клубом взвилась над местом катастрофы. крошка стен, мелкие обломки кремня веером брызнули во все стороны...

– Дирк!

Острый треск заглушил голос Хиллориана. Своды тоннеля тряслись, уцелевшие, перегруженные подпорки угрожающе прогнулись. Септимус поспешно шарил в пыли. Фонарь нашелся

в неожиданном месте – почти под ботинком самого полковника. Щелкнула кнопка, вспыхнул свет, полковник пристроил лампу на лоб и затянул ремешок на затылке. В отдалении, сзади, стучали, приближаясь, шаги бегущих.

– Кто идет?

– Это мы, колонель. Я, со мною девушка и Фалиан, —вынырнувший из-за поворота Стриж пытался вытереть лицо, но только размазывал по нему грязь. – Что здесь случилось?

– Обвал. По-моему, завалило Дирка. Подождем, пока осядет пыль, и проверим.

В этот отчаянный момент Белочка смотрела на Хиллориана почти с ненавистью:

– Пока мы медлим, он умрет.

– Если лейтенант так плох, он умрет все равно. Стойте! Вы его не найдете в кромешной темноте.

Четверо замерли в стиснутом камнем пространстве, мучительно долго пережидая.

– Все. Теперь чисто. Пора.

Угловатые глыбы почти завалили штрек, проход сузился до предела. Септимус, обдирая плечи, протиснулся вперед, давая место Стрижу.

– Вот он...

Иссия-бледное лицо лейтенанта выглядело отрешенным, глаза оставались закрытыми. Правая ступня в парусиновом ботинке неестественно вывернулась наружу, неподъемный столб лежал поперек живота. Самое худшее – смертельно искалеченный, раздавленный Дирк все еще жил. Веки задрожали и приподнялись, открыв мутно-черные от расширившихся зрачков глаза. Ни говорить, ни даже кричать вертолетчик не мог, из уголка рта сочилась вязкая жидкость – желчь, смешавшаяся с кровью из прокушенной губы.

НА грани обморока в ушах у Белочки тонко, по-комариному зазвенело. Пси-барьер выстоял, бесконечная боль Дирка не могла проникнуть в сознание, но вот вид... Несчастный лейтенант походил на растоптанного жука, но оставался при этом человеком.

Хиллориан оглядел раненого, цепко всмотрелся в искаженное лицо. Стриж резко отгеснил Белочку прочь.

– Что будем делать, Алекс?

– Ваш человек, вам и решать. Без сомнения, он не выживет.

– Это верно, – сказал полковник, вынимая пистолет. – Пахнет дерьмом и смертью.

– Мне кажется, пахнет еще и рудничным газом. Начнете стрелять – взорвемся все.

Полковник кивнул, убрал пистолет и вытащил нож, склонился над раненым, убрал мелкие камешки с горла лейтенанта, не торопясь примерился.

– Не смейте! – закричала Белочка

Хиллориан обернулся, лицо его задергалось от ярости.

– Стриж, сделайте одолжение, уведите подальше истеричку.

Иллирианец крепко до боли взял Джу за локти:

– Пойдемте, леди. Полковник сердится.

Джу обманчиво расслабилась, а потому ловко вывернулась из цепких объятий Стрижа.

– Вы оба больные ублюдки!

– Я же сказал – держите ее, Дезет! У вас руки растут не из того места – не можете справиться с бабой. Помогите, Фалиан!

Проповедник лишь равнодушно покачал головой. Он понуро стоял в самом закутке у стены, скрестив руки на груди, и, по-видимому, не собирался вмешиваться в потасовку. Белочка тем временем пнула иллирианца в голень, нырнула под руку полковнику и бросилась вперед, прикрывая собой Дирка. В лицо ударил резкий, запах крови, желчи и нечистот.

Хиллориан стоял, жестко выпрямившись, держа в опущенной руке нож, бледный до зелени в пронзительном свете четырех фонарей.

– Ты мелкая, пошлая психопатка. Нервная сука. Он умирает! Понимаешь – медленно умирает. Это уже не человек – это останки. Мы хотим помочь ему умереть быстро.

Джу почти прижалась к Дирку. Веки вертолетчика снова дрогнули, в уголке левого глаза собралась крупной каплей влага. «Он же все слышит и все понимает, он до сих пор еще здесь», – с ужасом поняла Белочка.

Хиллориан продолжал, медленно чеканя слова:

– Я не потерплю бунта подчиненных. Даже если придется вводить казни.

Алекс, возьмите ее и уберите отсюда. Делайте с ней все, что хотите, любыми средствами – долой.

Джу в ужасе обернулась. В серых, слегка меланхолических глазах иллирианца отражалось холодное электрическое пламя. Джу сжалась, прикинув к Дирку. Бывший сардар помедлил.

– Простите, колонель, я пас.

– То есть, как?

– Дирку хуже не станет. Она врач – ну, пусть попробует лечить. Я не вижу причин применять насилие.

Полковник тяжело дыша, поднял руку с ножом, постоял, рассматривая побелевшие от напряжения костяшки.

– Мне надо было пристрелить вас, Стриж, еще там, в Ахара, еще четыре года назад. Результатом вашей дури станет его, – наблюдатель ткнул подбородком в сторону лейтенанта, – медленная смерть.

Дезет пожал плечами. Хиллориан грязно и витиевато выругался и, обдирая плечи, вылез из штрека. Дезет немного постоял, спрятав руки в карманы и покачиваясь с пятки на носок, потом фыркнул:

– Знаете, а ведь он прав. Надеюсь, вы понимаете, что творите.

Джу отвернулась, не удостоив Стрижа ответом. Она опустилась на колени, подавив отвращение, придвинулась к Дирку вплотную, положила узкие, холодные ладони на его виски и – сняла пси-барьер...

Это было очень больно и очень трудно. Сущность Дирка сплошь состояла из страдания. Разум Белочки рванулся прочь, подобно раненому животному убегая от опасности. Она вытерла непроизвольные слезы и вернула ладони на виски лейтенанта. Боль вернулась, но стало немного полегче. Джу поняла, что Дирк чувствует ее присутствие, верит ей, и осторожно потянула боль на себя. Холодное страдание умирающего, переходя к живому человеку, превращалось в палящий огонь. Белочка держала голову лейтенанта на коленях и плакала. В воспоминаниях звенели прохладные фонтаны Параду, бегал, коротко твякая, щенок, сверкая боками, катился оранжевый мяч. Дирк слегка расслабился. Пламя боли чуть угасло, но тут же разгорелось снова. «Великий Разум, мне не справиться одной». Помощь пришла с неожиданной стороны, в серой мгле нарисовались новые силуэты – светящийся Иеремия и маленькое, яркое пятно – отблеск сущности Мюфа за спиной луддита.

«Спасибо». «Не за что, девушка, сочтемся потом». Дирк замер, вытянувшись. Он еще не умер, но больше не страдал. Белочка снова коснулась разума вертолетчика и какое-то время наблюдала обрывки его собственных воспоминаний – утонченная, аристократического вида старуха в коричневом бархате (мать?), иссиня-черные волосы смуглой женщины, близнецы с бумажным змеем. Белочка и Дирк, оба они точно знали, что близнецы будут жить очень долго...

Джу осторожно и мягко разорвала контакт и дождалась остановки дыхания раненого. Потом встала, отряхнула каменное крошево с дрожащих от слабости колен.

– Умирают все. Но никто не должен умирать в грязи и ненависти.

Иеремия все так же молча, скрестив руки, стоял в углу. Джу заметила среди битого камня пистолет Дирка, подобрала и сунула себе в карман. Потом, слегка шатаясь, выбралась

из штрека. Стриж шел сзади, не отставая, и она обернулась, чтобы посмотреть иллирианцу в лицо. В выражении глаз Стрижа было нечто странное, Джу поняла – он впервые посмотрел на нее всерьез.

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

Она отрицательно помотала головой.

– Насчет чистой смерти – быть может, вы и правы, Джу, но я слишком часто видел, как люди именно так и умирают – в грязи. И еще – простите меня и простите всех нас за эту безобразную сцену.

Глава 12. Полевая философия

Каленусия, Горы Янга, кратер Воронки Оркуса, день «Z+17»

Тело Дирка осталось в штреке – его заложили камнями, возведя над местом обвала грубое подобие саркофага. Полковник держался отчужденно, «бунт» оставил без последствий, лишь приказал Дезету сдать пистолет.

Выживших наблюдатель опросил по-отдельности, вся информация, которая касалась «конуса» и «черты», осела в походном кейсе полковника.

Выводов не было ни у кого – потрясение оказалось слишком сильным.

Утро следующего дня экспедиция встретила в унынии – следы Мюфа так и затерялись в обвалившейся шахте. Джу, выплеснув энергию на Дирка, словно оцепенела, для настоящей скорби не хватало ни сил. Старший Фалиан, погрузившись в ставшее для него едва ли не обычным состояние транса, твердо объявил, что внук жив. Стриж только хмыкнул, полковник же медлил, оттягивая окончательное решение.

– Хорошо, – сказал он, наконец. – Возьмите фонарь, Дезет, и за мной. Фалиан, вы тоже с нами. Симониан остается следить за лагерем.

Отправленная в полуотставку Джу потихоньку извлекла со дна мешка поддельное «Руководство по лечению кишечных расстройств». Привычно свистел ветер, шуршал песок, плескался маленький водопад. Соорудив себе из хлама подобие кресла, Джу свернулась клубком и погрузилась в чтение.

По мнению Майера между мыслями и реальностью могло существовать нечто вроде изоэпического обмена. Фанатично уверенный в своей правоте человек, не обжигаясь, принимал в ладони раскаленную сталь. Невинный подносил к устам чашу яда и без вреда для себя глоток за глотком пил отраву на глазах у свидетелей казни. Мифология древней Геонии насчитывала много таких историй, но прошли века, и чудеса сделались крайне редкими.

Если верить бредням Майера, Аномалия могла оказаться скопищем грез самых разных людей, но такое романтическое объяснение совсем не устраивало Белочку. Походя, буднично, безо всяких чудес, этот физический эффект уже убил девятерых: наблюдателя Нуньеса с напарником, двоих летчиков, людей с горноспасательной станции, Дирка.

«Этот наблюдатель явно не договаривает, это еще не конец, и ведь кто-то украл мои ампулы».

Джу подобрала несколько камешков, бросила их один за другим в бездонную воронку и поклялась себе набраться терпения и сделать все, чтобы исподволь выудить тайну полковника...

* * *

Полковник Хиллориан посветил фонарем, вытер каменную пыль со щеки.

– Мы на месте. Это та самая развилка. Мальчишка в заваленном тупике, отделен от нас слоем камня, если ему повезло – жив, хотя я бы не питал излишнего оптимизма.

– Старик уверен, что все в порядке.

– Старик – заинтересованное лицо, Алекс, – тихо шепнул Хиллориан. – Завал в правом проходе нам не разобрать, так что сворачиваем налево и поищем обходной путь.

Иеремия, который то ли слышал их, то ли не слышал, описал лампой дугу. Штрек уходил вперед, заметно изгибаясь вправо.

– Проходы сближаются. Ну все, здесь тупик. Погодите... Вверху узкий лаз... Смотрите, Стриж!

– Да. Узковато, конечно, – отозвался Дезет из-за спины Хиллориана. – Неплохо бы забраться туда, а вдруг лаз соединен с соседним штреком. Благословляете, колонель? Тогда я полез.

– Оставайтесь на месте. Я сам хочу там побывать.

Хиллориан подтянулся на руках и нырнул в отверстие. Полковник с отвращением припомнил истории о том, как якобы не способная пятиться крыса, намертво застревала в длинной, запаянной с одной стороны трубке, в конце которой оставляли приманку. Одураченное животное съедало свой кусок сыра, а затем медленно издыхало от голода, голохвостым задом к выходу, в двадцати сантиметрах от свободы.

– Мюф!

Полковник крикнул на всякий случай и с крайним изумлением услышал слабое эхо ответа:

– Я здесь...

Проход обрывался, в крошечной темноте внизу что-то судорожно возилось. Полковник посветил фонарем – в круг света попало осунувшееся, чумазое лицо мальчишки. Хиллориан высвободился из тесноты каменного лаза, тяжело приземлился на дно.

– С тобой все в порядке?

Мюф казался неестественно спокойным – в хладнокровии затерянного в подземелье паренька полковнику почудилось нечто жутковатое, нечеловеческое.

– Да. Здесь мой кибер. Я нашел королеву хмуриков. Кричал и звал, но никто не приходил. Я не мог дотянуться до второго выхода. Где Джу? Где дедушка?

Септимус потянул спертый воздух, мельком глянул в угол, сплюнул от отвращения при виде комка сросшихся зверьков.

– Пошли отсюда, парень.

Он посадил ребенка в недостижимое для того отверстие. В свете фонаря блеснул плоский, намертво прикрепленный к подпорке прямоугольник тусклого металла. Хиллориан остановился, вытер лоб, глаза, поправил лампу, смахнул грязь с находки. «Ого! Или это полная схема штреков, или я идиот».

– Ползи первым, парень. Я сейчас.

Хиллориан, как мог, почистил табличку. Схема оказалась на удивление примитивной – никаких лабиринтов и прочих сложностей. Он перевел дыхание, еще не смея надеяться на удачу. Знаки читались легко: веер черточек – взрывное устройство, стилизованная кнопка – пуск. Знак кнопки приходился на только что покинутый Хиллорианом тупик. «Значит, где-то там спрятан пульт».

Из общей картины выбивалось лишь изображение в левой средней части таблички, скорее всего, оно соответствовало еще не обследованной части лабиринта, еще один тупиковый ход отмечал странный значок – квадрат, вписанный в круг. Хиллориан тщательно скопировал изображение в блокнот и спрятал его поглубже в карман. Потом подумал – извлек рисунок и поспешно сделал копию, убрав все обозначения, относящиеся к кнопке и взрыву, оставив только круг и квадрат. Потом подтянулся и протиснулся в лаз, предвкушая совершенно новый оборот событий.

* * *

Кратер Воронки Оркуса, ночь «Z+18»

Ночью ветер отогнал тучи, россыпь звезд замерцала а небе над Аномалией. Белесый свет Селены заливал скалы и окаменевшую глину, менгиры отбрасывали длинные тени.

Дверь бункера со скрипом отворилась, невысокая фигурка вышла наружу, Мюф сел на край карниза, свесив ноги вниз. Оркус молчал в ожидании, а потом появился голос. Он родился из шуршания песка и плеса капель, потом заметно окреп, воздух вокруг словно бы сгустился, заставляя шевелиться взлохмаченные волосы на макушке.

Мюф отодвинулся от края Оркуса, подтянул ноги и встал. Голос низко гудел, не собираясь униматься. Мюф потоптался возле бункера, тихонько позвал «Джу!», но ответа не получил.

Все так же мертвенно светилась Селена, черный зев шахты гостеприимно ждал. Мюф вошел, и его короткие шаги глухо отдавались под сводами. Он шел, не замечая, что позабыл фонарик, темнота редела, пронизанная мелкими искрами синеватого огня. Зов, словно плотный, упругий ветер гнал вперед, не позволяя остановиться, пока мальчишка не упал, споткнувшись о рельсу.

– Джу! Джу, помоги!

Мюф оперся содранными локтями о месиво ржавого железа, вскочил и рванулся прочь – что-то колючее царапнуло лицо, он наугад ударил кулаком, отгоняя врага в сторону.

– Джу!

– Я здесь, держись.

Силуэт, обрисованный частицами голубого огня, появился в темноте, Белочка шла навстречу Мюфу, искры плясали в ее волосах, на ресницах и даже на кончике носа. Это было смешно – младший Фалиан мгновенно успокоился.

– Пошли, – Джу протянула ему руку, и Мюф сжал теплые пальцы.

Они шли в темноте вдвоем и голубые искры вокруг дотлевали светляками. Безопасный, побежденный Оркус разочарованно вздохнул, отступаясь. Проход постепенно расширялся, превращаясь в зал. Пол оставался сухим, но младшему Фалиану все равно казалось, что где-то поблизости шуршит водопад. Джу больно стиснула руку Мюфа, ее привычный силуэт больше не светился искрами, он словно чуть расплылся по краям, потеряв отчетливость.

– Куда мы идем?

Джу молчала. Мюф попытался отобрать свои пальцы, но рука ее отвердела и похолодела, сжав его ладонь как тиски.

– Пусти, Джу.

Она молчала, полуразмытый силуэт почти слился с сумраком коридора. От Джу веяло пустотой. Мюф попытался остановиться, но не смог, упругий ветер гнал и гнал его вперед.

– Ты не Джу. Ты не Джу! Пусти, говорю!

Мальчишка рванулся, отбирая свою руку, силуэт растаял в воздухе, но это не помогло – напор воздуха сносил Мюфа вперед и вправо, туда, где, рассекая камень пола, клубилась фонтанчиками сухой пыли черта.

Он закричал, отбиваясь, но бороться оказалось не с кем. Оркус спал, а чтимый дедушкой Разум загадочно молчал. Младший Фалиан вытер нос и щеки рукавом. Песок вперемешку с синими искрами кипел совсем рядом, почти касаясь его ботинок.

И тогда Мюф шагнул за черту.

* * *

Из заметок Джулии Симониан

«Наверное, мы сделали все, что смогли. Сегодня Септимус приказал прекратить поиски Мюфа. Зачем он так поступил, зачем ушел один в ночь? Может быть, просто сорвался с карниза. И все-таки, стоит только закрыть глаза, я слышу, как под каменными сводами отдаются эхом его короткие шаги...»

Глава 13. Неясное проясняется

Кратер Воронки Оркуса, день «Z+21»

Коррозия изъела прутья до состояния бурого, крошащегося кружева. Хиллориан ударом каблука вышиб решетку – взлетела туча ржавой пыли. Прах мертвого железа тут же осел на лицах, заскрипел на зубах.

– Все в порядке, как раз то самое место, только веревку не к чему прикрепить.

– Глубоко там?

Септимус поправил налобный фонарь и свесился над вертикалью шахты.

– Метров восемь, пожалуй.

– Из нас двоих я – легче, так что спущусь, вы подстрахуете. Идет?

– Идет. Сдайте назад, Алекс. В этой каменной кишке нам никак не разминуться.

Дезет завозился, пятясь назад, в уже пройденную кубическую камеру. Септимус ползком последовал за ним. Они вынырнули из круглой «крысиной дыры», разогнулись, отряхиваясь и отплеываясь.

– Мальчишки там нет, а вот насчет прочего... Как должна выглядеть эта таинственная штука, которую мы ищем?

– Понятия не имею. Едва ли их там много, разберетесь.

Иллирианец обвязался веревкой и, задевая спиной свод, нырнул в тесноту лаза первым. Затем, цепляясь за край шахты, скользнул вниз, попытался найти хотя бы крошечный уступ. Стены оказались невероятно гладкими – ноги скользили, не находя опоры. Иллирианец повис на страховке. Неподалеку от верхнего края, на гладкой стене, маячило чуть ли не вплавленное в камень занятное изображение. Он не успел его рассмотреть – выше, в тесноте и пыли горизонтального лаза, тяжело дышал Хиллориан.

– Не очень-то вы легкий, Алекс. Совсе не фрукт на ветке, так что, давайте, быстрее.

– Травите веревку. Еще... Готово.

Стриж отпустил трос и безразлично отметил про себя ошибку Хиллориана. Глубина шахты не превышала четырех метров. Книзу ствол слегка расширялся. На крошечном круглом пятачке среди битого камня обыденно стоял пыльный, ребристый, светлого металла небольшой куб. Из пола, почти у самой стены, торчали два наполовину обломленных, тронутых коррозией рычага.

Полковник, явно нервничая, перегнулся через край.

– Эй, что там?

– А я знаю? Сортир зеленых человечков.

– Чума на ваши шутки! Говорите, что нашли.

– Кое-какую странную штуку. Не уверен, есть ли от нее польза, но больше тут все равно ничего нет.

– Прикрепите к веревке сеть, кладите туда добычу, я подниму, потом помогу вам подняться.

– Не жадничайте, колонель.

– Не понял?

– Да не спешите вы так. Этот ящик Пандоры совсем небольшой. Мы с ним вылезем вместе.

Хиллориан на несколько секунд замолчал, а когда заговорил, голос его казался обиженным.

– Вы параноик, Алекс. Неужели вы вообразили, что я брошу вас подыхать на дне?

– И в мыслях такого не держал. Скажем так – я берегу ваши усилия.

– Тогда лезьте наверх – я держу. И уходим. Сыт по горло ржавой пылью и вашей наглостью.

Стриж сунул куб в сеть, прикрепил импровизированный рюкзак за спину, подтянулся на веревке, и, перебирая руками, добрался до края горизонтального лаза.

– Готово. Помогите немного, тут зверски узко.

– У меня руки заняты, справляйтесь сами.

Иллирианец тщетно пытался втиснуться в проход – мешала ноша за спиной.

– Проклятье, я застрял.

– Я предупреждал – надо было сперва поднять эту штуку, а потом самому лезть налегке.

Крыть было нечем. Дезет прикинул, сможет ли вцепиться в край лаза.

– Эй, колонель! Я сейчас ухвачусь за карниз. Подам сигнал – отпускайте веревку, освобождайте руки. Отцепите с моей спины эту дрянь. Втащите ее, я влезу следом.

– Отменно. Вы уже держитесь?

– Да.

Полковник Хиллориан выглянул из отверстия, жадно оглядел груз. Стриж почувствовал, как по воротнику его куртки в поисках узла нервно шарят пальцы полковника, как они грубо дергают запутавшийся шнурок.

– Быстрее. Я не фрукт на ветке.

– Сейчас...

Контейнер отделился от спины иллирианца и исчез в проходе – полковник отпихнул груз подальше.

– Готово, колонель?

– Да.

– Помогите мне влезть, дайте руку.

– Сейчас.

Всего в полуметре от себя Стриж видел напряженное лицо полковника, заострившийся нос, темные впадины вокруг глаз, резкую сетку морщин на обветренных скулах.

– Вы мне поможете, наконец?

– Нет.

...Первый удар был нанесен по пальцам, второй – в голову, но пришелся мимо – в плечо. Иллирианец разжал руки и с четырехметровой высоты рухнул вниз, стараясь приземлиться на ноги. Это ему почти удалось – под левый ботинок попал камень, вызвав резкую боль в лодыжке.

Стриж сидел на дне колодца, кривясь и ощупывая ногу.

Полковник, светя головным фонариком, заглянул вниз. Лицо его казалось черным пятном в нимбе холодноватого света.

– Вы живы?

– Издеваетесь?

– Нет, не издеваюсь. Тут мельче, чем мне показалось вначале. Я-то надеялся, что вы сразу сломаете себе шею.

– И зачем?

– Я не садист – зачем мне ваша медленная смерть, Алекс? Простите, оставить вас в живых не могу. В этом деле зверски мешают свидетели.

Внезапная ненависть захлестнула Стрижа, он совершил едва ли не самый глупый поступок в своей жизни – подпрыгнув, попытался дотянуться до каленусийского полковника. Пальцы бессильно царапнули гладкий камень колодца. Хиллориан покачал головой.

– Не дергайтесь, кости переломаете. Честное слово, мне очень жаль вас, но есть высшие соображения.

– Какие еще, высшие соображения?! Вы обещали.

– Все, что касается Нины Дезет – обещал и выполню.

– Так я вам теперь и поверил.

– Не хотите верить, как хотите..

– Хорошенькое дело вы задумали, в голову псих, если убираете свидетелей. Ставлю сто против одного, что руководство Департамента понятия не имеет о ваших манипуляциях.

– А это не ваше дело. Будете вопить и сквернословить – я обижусь и уйду. Вы как – хотите быстрой смерти или предпочитаете тихо чахнуть на дне?

Стриж едва не застонал от бессильной ярости.

– Пристрелите?

– А как же.

Полковник вытащил пистолет.

– Развернитесь к свету и не дергайтесь, тогда я постараюсь обойтись одним выстрелом.

Стриж, не отводя глаз, смотрел прямо в черное дуло пистолета.

– Интересно, что вы задумали, колонель? Ведь вы же не корыстны. Откуда такая нелояльность у наблюдателя? Небось, воображаете себя защитником человечества?

– Не ваше дело.

– Я угадал. Дерьмо вы поганое, а не защитник. Дерьмо – шизофреник с манией величия. Длинное лицо Хиллориана болезненно дернулось, потеряв обычное замкнутое выражение. Он убрал пистолет.

– Ну все, с меня довольно. Я ухожу. На кой черт мне играть роль палача? Умирайте сами, Стриж.

Хиллориан решительно попятился, скрываясь в дыре.

– Эй, постойте, колонель! Не уходите.

– Поздно. Мне расхотелось. Бесплатный совет – у вас есть перочинный нож, надоест тут сидеть – вскройте себе вены.

– Вы губите мою бессмертную душу.

– Это у вас-то душа? Да от нее давным-давно ничего не осталось.

Полковник исчез. Дезет слышал, как хрустят камни и скрипит ржавое, битое железо. Септимус Хиллориан удалялся, унося с собой обиду, неведомые великие планы, а заодно и тайну Аномалии.

Оставшись в одиночестве, Стриж первым делом выключил фонарь – слабый свет перестал разгонять чернильный мрак. Затем иллирианец прислушался – часто стучал его собственный пульс, огромный массив камня и железа мертво молчал. Дезет привалился к стене, стараясь полностью овладеть собой. Через некоторое время сумасшедшее биение пульса замедлилось, темнота перестала тревожно звенеть.

«Итак, Хиллориан... – подумал Стриж. – Наш колонель имеет цель, отличную от целей Департамента Обзора. Вывод первый – получив искомое, он не собирается возвращаться в стены Департамента. Вывод второй – Нину он оставит в приюте. Вывод третий – вся группа, отработав задачу, должна отправится на тот свет. Мальчишка и Дирк уже мертвы, старика и девушку Хиллориан пристрелит».

Стриж вскочил, словно подброшенный.

– Ну уж нет, сукин сын, колонель. Я подпорчу тебе удовольствие от победы.

Иллирианец снова включил налобный фонарик, подобрал и снова бросил бесполезную, оставленную полковником веревку. Затем он, взбивая пыль и хромая, метался пятачку, со всех сторон огороженному камнем. Ржавая труха скрипела под подошвами ботинок.

– О, зараза!

Штырь рычага, о который запнулся иллирианец, оказался не таким уж и проржавевшим. Дезет присел на корточки, потрогал холодное железо. Рычагов оказалось два.

– Знать бы еще, что они включают... Если включают вообще. Так правый или левый? Иллирианец чуть напряг правую руку. Интуиция корчилась, вопя об опасности, и Дезет разжал пальцы, чтобы вытереть со лба пот.

– Так дело не пойдет. Так я просижу здесь вечно.

Иллирианец пошарил в кармане и извлек на свет каленусийскую мелкую монету. «Решка» на ней изображала единицу, «орел» – дворца Сената в Порт-Калинусе.

– Сенаторы идут налево, цифры – направо...

Маленький серебристый диск взлетел и упал, Стриж извлек его из сухой грязи.

– Орел.

И в ту же секунду, опасаясь передумать, рванул левый рычаг. Хрустнуло... и не произошло ничего. Затем хрустнуло еще раз, круг пола, отделившись от стен, медленно-медленно, словно поршень, пошел вверх.

– Так это что – лифт?

Стриж смеялся, поднимаясь в облаке железной пыли. Перед глазами очутилось то самое, уже забытое, вплавленное в камень стены изображение. Табличка походила на найденную Хиллорианом, но Стриж, разумеется, не знал о находке полковника. Вертикаль делила поле изображения пополам. Над двумя кругами, означающими рукояти рычагов, имелись недвусмысленные символы: слева – направленная вверх стрела, справа – веер ломанных линий, стилизованное изображение взрыва.

Стриж сунул руку в карман и потрогал везучую монету.

– Еще раз спасибо Каленусийскому Сенату. Раз полковник списал меня в расход, пора до него добраться.

Площадка, дрогнув, замерла. Иллирианец торопливо протиснулся в горизонтальный лаз, прополз до самое узкое место, выпрямился и побежал туда, где два часа назад остались в тревожном ожидании Белочка и Иеремия Фалиан.

Фонарь садился и светил все слабее. Тоннель пронзал скалу, теряясь в сумраке. Два раза пришлось возвращаться – Стриж по ошибке сворачивал в тупиковые коридоры. В конце концов, отбросил всякую осторожность, он бежал не останавливаясь, огибал нагромождения железа, падал, поднимался, ловил в темноте ложные, призрачные отблески света.

– Успеть...

Затаись Хиллориан в любом из многочисленных тупичков – он имел бы великолепные шансы против безоружного иллирианца. Впрочем, ниши пустовали, наблюдатель не ждал погони, его противник в одиночестве миновал ряд гулких, пустых комнат, перешагнул через стрелу монорельса, обогнул груды сломанных вагонеток, но аппендикс коридора оказался пуст.

– Будь ты проклят, наблюдатель. Я опоздал.

Стриж остановился. Помеченная коррозией, но еще крепкая вагонетка, подпертая отрезком трубы, перегораживала тупиковый проход. Толстый конец, упертый в пол, пропахал в мусоре короткую дорожку – кто-то с другой стороны безуспешно попытался выбраться. Дезет вздохнул с облегчением.

– Они живы, нет смысла запираť покойников.

«Состояние между жизнью и смертью имеет множество интересных градаций.» Иллирианца передернуло, когда он вспомнил, кто и при каких обстоятельствах произнес эту фразу. Разобрать завал оказалось делом одной минуты.

– А вот и я... О, черт!

Удар, нанесенный, к счастью, не обрезком рельса, а всего лишь палкой, пришелся вскользь, задел ухо и закончился на уже помятом Септимусом плече. Стриж едва ушел от второго удара.

– Погодите!

Иеремия изменил тактику и нанес тычок, метя в солнечное сплетение. Сардар снова уклонился.

– Это ошибка! Я сейчас все объясню.

«Ничего ты им сейчас не объяснишь...»

Предпочитая без нужды не повторяться, Стриж на этот раз ударил проповедника не пониже уха, а в болевую точку на бедре. Фалиан упал на пол и на несколько минут выпал из обращения. Стриж развернулся как раз вовремя – девушка целилась в него из пистолета Дирка:

– Стой на месте, мерзавец.

– Я и так стою на месте. Мы можем спокойно поговорить?

– Мне не о чем с тобой говорить.

– Что случилось? Здесь побывал полковник?

Белочка угрюмо молчала, но ее полукивок намекал на утвердительный ответ.

– Я с ним вовсе не заодно. Вы мне не верите?

Каленусийка отрицательно качнула головой, палец на спусковом крючке напрягся. «Сейчас выстрелит».

– Пожалуйста, леди, уберите пистолет. Я пришел, чтобы помочь вам. Я все, абсолютно все сейчас объясню.

Курок медленно подался под пальцем.

«Она не будет стрелять. Сенс-сострадаватель не может убить человека, – подумал Стриж. – Не может даже в аффекте, а она просто просто испугана и обозлена». Иллирианец сделал шаг вперед и протянул руку, чтобы забрать оружие...

Белочка и не подумала отступить. Она зажмурилась, представила вместо ненавистного лица Дезета черный круг мишени и спустила курок.

Грохот выстрела ударил в уши, отдача бросила руку вверх и назад. На головы людей с потолка обрушился водопад ржавой трухи. Буркнул что-то неразборчивое валявшийся на полу Иеремия Фалиан. Джу открыла глаза.

Стриж не умер. Он стоял на прежнем месте, потеряв три четверти самоуверенности и рассматривал дырку в рукаве куртки. Пуля чиркнула наискосок, прорвав плотную ткань. Из рваной дырочки высунулось белое перышко.

Когда это перышко вспорхнуло, из прорехи немедленно проклюнулось еще одно.

– Вот же зараза...

Перышек становилось все больше. Белое облако поднялось в лет и наподобие снега облепило все: грязный пол, каштановые волосы Белочки, заворочавшегося на полу Иеремию, самого Стрижа.

– Посмотрите, что вы наделали, леди.

Стриж отлепил от щеки перо, но на его место немедленно приклеилось новое.

– А я думал – такие шутки давным-давно набивают синтетикой.

– Откуда взялся этот экземпляр?

– Не знаю. Мне всю экипировку выдали в Департаменте...

Куртка продолжала линять, Белочка чихнула, отмахиваясь от пуха:

– Это невозможно терпеть. Заклейте дырку чем-нибудь.

– Сначала отдайте мне пистолет.

– Это еще зачем?

– Вооруженное насилие нудно доверять специалисту. Вам на будущее совет – не вынимайте ствол, если не решили стрелять на поражение, себе будет дороже. У меня только что был повод убить вас. И повод, и куча возможностей.

Белочка скептически сморщила нос, и иллирианец поспешно добавил:

– Я не собирался пользоваться моментом.

- Где Септимус?
- Не знаю. Был со мной, потом мы поссорились. Вы его видели?
- В каком-то смысле – да. Он примчался как сумасшедший, прежде, чем мы успели что-то понять, завалил проход снаружи и исчез.
- Это точно был он?
- Джу смерила Стрижа презрительным взглядом.
- Я сенси. Я видела его ментальный отпечаток.
- Очень интересно, а что конкретно вы способны видеть? Например, про меня.
- Про вас – ничего интересного. Просто стена. Такая плотная, высокая, холодная стена. Непроницаемая. Вы идеальный «нулевик», между прочим, большая редкость.
- А полковник?
- На этот раз сострадательница задумалась всерьез.
- Его образ – плотный, стальной, черный и одновременно как бы размытый. Он не такой, как вы, его можно рассмотреть, но толку от этого никакого. Все заливают черная вода.
- Вам не приходило в голову, что его могут... прикрывать от «просмотра»?
- Технически? Я в такое не верю.
- Стриж с сомнением покачал головой.
- Ладно, не будем спорить. Отдайте мне пистолет, Джу, полковник наверняка вернется, чтобы вас прикончить.
- Вы сами ничем не лучше.
- Вы правы, леди, я только другой, иллирианский вариант того же самого, но выгодно отличаюсь от Хиллориана тем, что не собираюсь вас убивать.
- Вы – подлец.
- Был бы совсем подлец – отобрал бы у вас ствол другим способом, без дебатов.
- Белочка попятилась, сжимая твердую ребристую рукоять. Пристрелить иллирианца – не самый плохой выход. Если он лжет. А если говорит правду? «Я не могу убить человека. Я не хочу видеть, как он перестанет двигаться, дышать. Это мое проклятье, мои способности мешают мне стрелять. Иллирианец знает про это. Он знает все, у него все просчитано наперед». Джу почувствовала, как слезы досады наворачиваются на глаза. В носу защипало, горячие шустрые капли часто потекли на щеки. «Я осталась одна, даже хуже чем одна – в компании с диверсантом-убийцей и проповедником-психопатом. Мюф ушел, мой бедный, маленький, мертвый друг...»
- Ну так вы решились на что-нибудь? – сухо спросил Стриж.
- Забирайте пистолет.
- Поздравляю, верное решение.
- Стриж прибрал оружие и внимательно посмотрел на Белочку. Скулы каленусийки заострились, под глазами чайного цвета залегли круги. «Надо найти Хиллориана и любой ценой узнать правду. Иначе мы все погибнем, нас сдадут как мелкую монету». Дезет, не торопясь, подошел к Фалиану.
- Вы живы, господин проповедник?
- Ы...
- Вопрос был риторический. Живы и ваш паралич вот-вот пройдет. Мои глубочайшие извинения за инцидент. От вас извинений не жду – ни черта их не дождешься. Ваше желание убить меня более чем объяснимо, учитывая кое-какие обстоятельства. А теперь мое предложение – вы не пытаетесь прикончить меня до тех пор, пока мы не разберемся с Хиллорианом и не уйдем из опасной зоны. Как только леди окажется в безопасности, я весь к вашим услугам. Мы можем устроить разборку до первой крови, до второй или до смертоубийства одной из сторон, а до той поры обязуемся не вредить друг другу. Как вам такая диспозиция?
- Порази тебя чума, негодяй.

– Как это понимать – вы отказываетесь?

– Я согласен.

– Отменно. Может, я помогу вам встать?

Иеремия поднялся сам, проигнорировав помощь сардара.

– ...ну, как хотите. Раз все стороны пришли к соглашению, не будем терять время – пришла пора переломить ситуацию в деле Хиллориана.

Перед тем, как начать роковую охоту, Стриж отыскал среди груды вещей аптечку Белочки, извлек оттуда квадратный кусок пластыря и тщательно заклеил рваную куртку. Сквозняк тоннеля ворвался в тупик, облетел углы, разметал по полу грязную кучу истерзанного пуха.

Глава 14. Охота

Кратер Воронки Оркуса, день «Z+21»

Хиллориан собрал свои вещи и оставшиеся продукты, уложил рюкзак, расстелил на полу брезент и принялся за чистку пистолета, аккуратно раскладывая на ткани детали. Солнце повисло в зените, потоки тепла низвергались в долину. Аномалия притихла как ночной монстр, мирно спящий в полуденной тени.

Септимус с ностальгией припомнил Аналитика, тот любил ерничать, поглаживая на коленях знаменитый кротовый плед: «мальчики мои, осознав цель, предваряйте действие размышлением. Но размышлений этих не затягивайте. Раз засомневавшийся, да не расхлебает потом дерьма».

Полковник, в этот миг живая иллюстрация правоты Старика, отложил в сторону промасленную тряпку. Интересно, что творит сейчас запертый в тесноте колодца Стриж? Мечется, беспечно бросаясь от стены к стене? Ждет помощи, до конца цепляясь за пустые надежды? На мгновение Хиллориану захотелось вернуться – вновь проползти горизонтальным лазом, отыскать вход в колодец, вытащить иллирианца, предложить ему мир и даже рассказать часть правды. Этот парень поймет правильно, наверняка должен понять. Инструкции Аналитика не запрещали подобного оборота – яростно возражала сама природа Хиллориана. Доверчивость – опасна, раскрывшийся – обречен.

Контейнер лежал неподалеку, на полу, у самой двери, его грани блестели под лучами солнца. Полковник закончил собирать пистолет, отправил на место последнюю деталь и убрал оружие в кобуру. На что там намекал Аналитик? Может, уничтожить контейнер, не открывая?

Хиллориан поднял куртку, встряхнул ее от пыли, одернул мешковатый капюшон за спиной. Мысль насчет ящика не отпускала.

Наблюдатель припомнил бескровные губы и тонкую улыбку Аналитика. «Слушайся реликтового пси-критерия, который дураки зовут совестью». Отличный совет, что делать, если совесть молчит?

Хиллориан выбрался из бункера, оперся о скалу, беспечно заглянул в Воронку – в десяти метрах ниже желтел карниз следующего яруса, но дна как будто бы не было совсем.

«Может, стоит забыть о словах Аналитика, мало ли что сболтнула полумертвая груда плоти? – подумал он. – Вернусь в Порт-Калинус, сдам находку в Департамент, получу награду и отпущу. Буду жить если не счастливо, то хотя бы успешно».

Контейнер блестел ребристыми боками. «Обидно все же уничтожить его, не открывая. Надо же, рука не поднимается...».

Хиллориан запрокинул голову и посмотрел вверх. Южный горизонт снова наливался свинцовой мглой. Над самим кратером пустое небо, наоборот, отливало кобальтом. Над бездонной ямой Оркуса не только не парили птицы, там не было даже мух.

«Зачем я сам-то мухой выюсь над этим ящиком, все вокруг да около. Сейчас открою, посмотрю, что там, потом закрою, и дело с концом. Ну давай, смелее, Септимус!».

Приняв такое решение, наблюдатель действовал точно и аккуратно. Он поднял ящик, тщательно осмотрел его, нашел тончайшую трещинку и поддел ее ножом.

Потрясенный до глубины души он смотрел в этот ящик. Смотрел еще и еще, словно не верил глазам своим... На небольшом квадрате дна, там, где пристало покоиться ключу к судьбе самого Хиллориана, там не лежало... ничего!

Полковник, убедившись, что это не галлюцинация, отшвырнул коробку – бесполезная железка с обиженным звоном покатила по камням.

– Нет, ну только не это! Марзматики, сукин сын!

Тень мертвого Аналитика ехидно молчала, ничуть не потревоженная проклятьями.

Септимус Хиллориан дрожащими пальцами нащупал в кармане прощальное послание Старика, извлек черный квадратик; вытащил из сумки бесполезный, безнадежно мертвый уник, попав со второго раза, втолкнул квадратик в щель. О чудо! Машинка слабо, неуверенно, но заработала. По экрану поползли ленивые строчки. Полковнику на секунду показалось, что он вновь слышит хрипловатый, протяжный голос:

Здравствуй и прощай, сынок. Надеюсь, что у тебя хватило терпения не трогать раньше времени последнее завещание старика. Впрочем, вероятность того, что ты используешь чип не ко времени, ничтожно мала, и я благодарю Разум за то, что он послал мне такого пунктуального человека.

Хиллориан взвыл с досады. Уником хладнокровно продолжал:

А теперь ближе к делу. Я сказал тебе правду, Аномалия – это вторжение. Как-нибудь на досуге, если останешься жив, удели немного времени сочинениям некоего Хэри Майера. Впрочем, как добросовестный наблюдатель, ты наверняка уже это сделал. Не стану повторяться. Скажу лишь – Майер, сам того не желая, сказал обывателям правду – мир «бес-телесных» дышит, живет. Где он? Везде и нигде. Каков он? Бесплотен и неопишем. Чего он хочет? Спроси о чем-нибудь полегче. Может ли он хотеть вообще? Не знаю. Я твердо знаю лишь одно – двум мирам нет места под одним солнцем. Скрыть расчеты от Департамента оказалось сложнее, чем совершить их. И все же дело сделано, я нашел человек, чья ментальная сущность способна, истратив себя, восстановить барьер между нами и Теми. Не бойся, этот человек – не ты.

– А кто тогда?! – заорал Септимус, полностью теряя равновесие.

...Он не обладает ни твоими способностями, ни твоей отвагой. У него нет никаких достоинств. Зачем цепь случайностей и закономерностей и случайностей выбрала его, понятия не имею. Этот человек, безвестный, слабый и невольный спаситель человечества – Мюф Фалиан.

– Этот щенок, что ли?!

Да, да, Септимус, не удивляйся. К тому времени, как ты используешь-таки этот чип по назначению, проблема Большой Каленусийской Аномалии будет решена. Как? Надолго ли? Я не знаю. Тебе же, Септимус, я говорю – прощай и прими мою последнюю благодарность. Ты пришел в Аномалию, втайне мечтая отыскать способ улучшения природы человека. Ты хотел найти ключ, который дает доступ к преимуществу. К сожалению, такого ключа не существует. Вместе с тем, ты сделал все, что мог – доставил на место нашего маленького странника. Прости меня за ложь, правда была несовместна с твоей тайной мечтой. Надеюсь, ты применишь ситуацию достойно, и не натворишь ничего непоправимого.

*Остаюсь с искренней приязнью, твой мертвый друг,
Элвис Миниор Лютиан, Аналитик.*

Септимус выдернул чип из щели уникама.

– Будь ты проклят Разумом, мертвый урод! Ты использовал меня и выбросил – теперь я должен разгребать твое окаменевшее дерьмо!

Хиллориан замахнулся было, чтобы выбросить чип, но передумал и спрятал его в карман. «Если никакого артефакта здесь нет и в помине, что же я тогда нашел? Кто поместил пустой контейнер на дно колодца?»

Ответ сложился сам собой, Септимус хлопнул себя ладонью по лбу и захохотал: «Я искал нечто, в твердой уверенности, что оно существует. А раз искал, то и нашел. Неважно, что это. Я был обречен принять за ключ любой более-менее подходящий предмет. Например – вот этот...»

Септимус поднял с земли насквозь проржавевшую табличку:

7004 год. Наблюдатель Нуньес. Я скучал здесь. Станция R-735 – «Дохлая Вечность»

– Ах, скучал? Ну так и отправляйся в вечность!

Предсмертный автограф наблюдателя Нуньеса, весело кувыркаясь, отправился на дно. Полковник проводил его полет взглядом и подобрал лоскут брезента.

– А, может, ключ – это ты?!

Брезент, улетаая в пропасть, захлопал потрепанным крылом.

– А ты, случайно, не ключ?!

Хиллориан наградил прицельным ударом растоптанного в лепешку кибера. Пластиковая лепёха упорно цеплялась за окаменевшую глину. Отправить ее в Воронку удалось лишь с четвертого пинка.

Черед «фальшивого» ключа наступил следом. Полковник, не жалея ног, наградил стальной ящик серией пинков. Последний удар послал корень зла напрямиком на дно, тот описал широкую дугу и рухнул в таинственную глубину кратера.

– А ты?... А ты?...

Полковник орал ругательства, с наслаждением давая свободу бешенству. С оттенком изощренного цинизма он перечислял Разум, древних богов, покойного Аналитика, самого себя, брошенного в колодце Стрижа и недосыгаемого сейчас Фантома.

Лишние продукты, части оборудования, секция сломанной мачты, увесистые булыжники, комья глины – все это сыпалось в раскрытое жерло Воронки Оркуса.

Конец амоку положил нелепый, косо торчащий из окаменевшей глины менгирчик. Попытка отправить его следом кончилась неудачей – полковник взвыл и наклонился к ушибленной ноге. Боль отпустила лишь через пару минут. Этого времени оказалось достаточно – Хиллориан наконец умолк, закашлявшись.

– Ты не просто солгал, Аналитик... Ты сделал хуже – ты превратил меня в истеричного дурака.

Шок, вызываемый неожиданным оборотом событий, не вечен. Септимусу хватило полчаса, чтобы пережить поражение. В конце концов он откашлялся, вытер лоб, вздернул рюкзак на враз ссутулившиеся плечи, развернулся и шаркающей походкой пошел прочь – туда, где остались вбитые в обрыв крючья.

– Теперь еще подниматься в одиночку, без страховки...

Судьба играет человеком. Расшибленная о менгир нога заставила Хиллориана остановиться. Он нагнулся, прямо сквозь брезентовый ботинок ощупывая саднящий палец. Быть может поэтому полковник заметил длинную тень, которая косо напозла сзади...

– Стой!

Голос оказался весьма знакомым. Воскресший из небытия Стриж возник за спиной, Хиллориан вильнул в сторону, дернув плечами, сбросил рюкзак и пустился бежать, перепрыгивая через груды ржавого хлама.

– Стой, колонель!

Хиллориан, в несколько секунд преодолев дистанцию, ловко проскочил в черное отверстие каверны. Пуля пропела над головой, посыпалась каменная крошка. Полковник и не подумал надевать налобный фонарь – он рысцой бежал в полутьме, держась правой рукой за стену и считая повороты.

Стриж замешкался у входа, включая лампу. Септимус слышал мелодичный голос женщины и рокочущий бас луддита. «Они псионики и вдвоем отследят меня по ментальному отпечатку». Хиллориан, задыхаясь, натыкался на острые грани камня и груды мусора, на балки, целые и обвалившиеся, на живые, мягкие комочки «хмуриков». Мелкие зубы визгливых зверьков вонзались в толстый брезент ботинок.

– Будь ты проклят, Аналитик. Будь ты проклят.

Один раз полковник оказался в тупике, с маху налетел на груды глыб, отодвинув боль на самый краешек сознания, и ощупал сложенные камни – это оказалась гробница Дирка. Огни чужих фонарей мелькали совсем близко, он слышал голос Стрижа. Хиллориан нащупал в кармане оружие и осторожно попятился. Отблески чужого света позволили ему разглядеть развилку.

– Он где-то здесь. Я чувствую его пси.

– Эй, вылезайте, колонель. Я вас не трону, если выйдете сами.

Хиллориан подтянулся на пальцах и протолкнул себя в лаз под самым потолком. Фонарь на голове Дезета светил почти рядом с ботинками наблюдателя.

– Вы уверены, Джу, что он здесь? Наш приткий друг как сквозь землю провалился.

– Я подойду поближе.

– Стойте на месте. Загнанная крыса опасна. Нужно проверить второй проход, скорее всего, он там.

Стриж отступил назад, свет его фонаря из яркой звезды превратился в тусклую точку. Полковник выждал, когда охотники уйдут, а потом мягко и ловко спрыгнул вниз из верхнего лаза вниз. Потом Хиллориан побежал, но не за Стрижом, а в противоположную сторону. В тупике он поспешно нацепил фонарь, и опустился на колени, лихорадочно шаря в толстом слое каменной крошки. Изодранные о камень руки обильно кровоточили – он не замечал глубоких царапин.

– Сейчас... Сейчас...

На миг Хиллориану показалось, будто тайник пуст. Полковник вскочил, паника едва не бросила его вслед за ушедшим иллирианцем.

– Тихо, тихо, Септимус... Ты не будешь торопиться.

Он принудил себя успокоиться, снова разгреб крошево камня, потом приник к земле, стараясь запустить руки поглубже в неподатливый слой.

Рукоять нашлась внезапно. Хиллориан аккуратно отгреб хлам в сторону и высвободил весь агрегат.

– Ну вот и все. Теперь – последний акт. Пяти, думаю, мне хватит.

Он поставил нониус на цифру «пять», беззвучно помолился силам, в который раньше не верил, и рванул рукоять.

В ту же секунду Септимус сам сорвался с места и, более не скрываясь, помчался к главному выходу. В минуты смертельной опасности слух его невероятно обострился. Он различал, как потрескивают балки, как в боковом коридоре насторожился Стриж. Слышал тихое дыхание сострадательницы, и широкие, уверенные шаги луддита. Свет, выплеснувшийся из боковой галереи, смешался со светом хиллориановой лампы.

– Стой, колонель!

Полковник только прибавил ходу. Стриж вынырнул из соседнего штрека внезапно. Противники столкнулись на бегу, более легкий иллирианец отлетел к стене. Что-то легонько ударило полковника по лодыжке, он не обратил на помеху внимания и тут же выстрелил на ходу, метя в огонек лампы.

Пуля ушла рикошетом, кажется, она все же задела иллирианца – тот не стрелял в ответ, фонарь Стрижа погас.

Полковник вылетел наружу. Яростные потоки солнца заливали чашу Воронки, Септимус бежал что было сил – бежал, не останавливаясь и не оглядываясь, уже не чувствуя погони за спиной, он поспешно миновал бункер, ненужный хлам, нужный, но брошенный в бегстве рюкзак. Хиллориан остановился лишь у самых крючьев для подъема наверх.

«Не стоило так торопиться, – подумал полковник, – У меня еще есть в запасе время. Эта штука не взорвется, она просто старый хлам. И я оставил мешок с вещами, надо вер...»

... Сначала в полной тишине дрогнули склоны. Грохот нескольких взрывов пришел мгновение спустя, карниз содрогнулся, Хиллориана смяло, швырнуло наземь, грубо протащило к самому краю, осыпало мелким, острым щебнем. Налетел горячий ветер, который нес мусор и запах взрыва. Тряхнуло на совесть – Септимус, обламывая ногти, вцепился в камни – воронка кратера угрожающе надвинулась, пылью засыпало глаза.

Потом он лежал, часто мигая, распластавшись на краю пропасти, щекой прижимаясь к окаменевшей глине. Слух на время исчез. В абсолютной тишине, медленно вращаясь, разлетались по сторонам обломки бункера. Участок стены вместе с входом в подземелье тяжело, даже как-то нехотя осел, лавина камня и мусора рухнула в пропасть. Горело все, что только могло гореть: обрывки парусины, иссохшая до костяной твердости растительность. Хиллориан замер в тоскливом восхищении – у него на глазах в звенящем безмолвии, словно пальцы гигантской, протянутой к небу руки, полыхали жарким пламенем менгиры. Густая черная сажа смешалась с рыжими языками.

Спустя малое время вернулись звуки. Хиллориан встал на четвереньки и рассмеялся – почва под ним плавно, но размашисто покачивалась, словно палуба судна. Он переждал тошноту и встал, огляделся и понял, что вход в шахты исчез начисто.

– Ну что, ребята, вы хорошо поработали – спасибо. Отрицательный результат – тоже результат.

Хиллориан не замечал, что продолжает мыслить вслух.

– Полностью согласен, что поступаю как подлец, но мой долг важнее ваших жизней. В чем долг, говорите? Ну, это не вашего ума дело.

Еще четверть часа полковник потратил на то, чтобы, перекатывая камни, достать засыпанный рюкзак. Затем он пошарил в карманах куртки, нашел смятую пачку с последней, половинной сигаретой и щелкнул чудом уцелевшей зажигалкой.

– Чума на них на всех. Я где-то выронил чип Аналитика, впрочем, плевать.

Хиллориан сжал сигарету в зубах, вздернул рюкзак на плечи и размеренно зашагал прочь. Вскоре он в одиночку начал подъем, навсегда, как ему тогда казалось, покидая сердце Аномалии.

Глава 15. Финал под шорох крысиных лапок *Кратер Воронки Оркуса, день «Z+22»*

В сухой, пыльной темноте осторожно прошуршали лапки. Хмурик, подняв облезлый хвост, сделал пару робких шажков и остановился. Ему было больно, хотя лапы и ребра не пострадали, болело что-то внутри. Его гнездо исчезло – знакомый отнорок завалили громоздкие глыбы. Животное принюхалось – противно пахло гарью. К невкусным запахам разрушения примешивался знакомый запах еды. Хмурик просеменил вперед, обогнул сломанную балку, протиснулся в щель между камнями и наткнулся на искомое, куснул руку лежащего ничком человека, попробовал отодрать ноготь. Рука не шевелилась. Зверьку уже приходилось обглаживать тела, он вцепился в одежду мертвого, пробежал от кисти до локтя, с плеча перебрался на грудь и мягким, влажным носом дотронулся до человеческого лица.

В ту же секунду резкий шлепок отбросил зверька прочь:

– Ах ты, зараза.

Животное ощерилось, готовясь к схватке. Внезапно ожившая добыча зашевелилась и привстала. Она оказалась большой, слишком большой. Хмурик, пискнув, отступил и юркнул в глубокую щель между камней. Маленький мозг инстинктивно запомнил место – на всякий случай. Грызун убежал, унося в сознании чувство голода и незаслуженной обиды.

Стриж привстал, и тут же охнул, ударившись головой о низко нависший свод. Он лежал, почти зажатый между двумя плитами камня, просвет между которыми не превышал двух футов. Левая рука затекло, пальцы мертвой хваткой сжимали какой-то предмет. Чувствительность понемногу возвращалась – в ладонь словно воткнули десяток раскаленных иголок.

Стриж машинально сунул подобранный предмет в карман, пошарил вокруг, отыскивая пистолет и фонарь. Оружие уцелело, фонарь нашелся рядом, Дезет пощелкал переключателем – лампа даже не моргнула, стекло оказалось разбитым вдребезги.

– Живые есть?

Молчание, сухой шелест земли, тонкий писк зверька. Стриж попытался вспомнить, в какой стороне остался выход, но тут же бросил бесполезное занятие – очертания штреков, форма стен – все это изменилось до неузнаваемости. Он выждал, надеясь, что глаза привыкнут к сумраку – все напрасно, к полной темноте привыкнуть нельзя, ни один луч света не проникал в заваленный тоннами камня подземную ловушку.

– Эй, Джу, Фалиан, отзовитесь!

Он кричал и звал, еще надеясь на ответ, но в душе понимая, что чудес не бывает. «Здесь нет воды. И я буду умирать один, много дней». Стриж ощутил острый клаустрофобии – масса камня, казалось, давила на плечи, неподвижный воздух не позволял вдохнуть. Иллирианец заметался в темноте, инстинктивно стараясь найти место попросторнее. Ладони скользили по камням, зарывались в измельченный мусор.

...На чужую, холодную кисть он наткнулся случайно, затем нащупал предплечье и плечо, слой за слоем сдвигал крошево мусора, пока не вытер пыль с неподвижного лица, не ощутил рукой гладкие густые волосы.

– Джу, ты жива?

Дезет пытался найти пульс на запястье, не нашел, отогнул ворот куртки, нащупал сонную артерию – она медленно вздрагивала в такт ударам сердца.

– Джу, ты меня слышишь?

Никакой реакции.

«У нее может быть поврежден мозг. Нужно осмотреть зрачки». Стриж поспешно шарил вокруг, поднимал и бросал обломки. Вырвалось и метнулось прочь горячее, гладкое тельце «хмурика».

Фонарь сострадательницы обнаружился в стороне. «Звезды и Разум – неужели и этот разбился?» Стриж, воззвав в душе к справедливости, щелкнул переключателем, увидел свет, закрепил ремешок на голове, склонился над девушкой, приподнял неподвижное веко.

Зрачок Джу заметно сузился.

– Это уже лучше.

Он убавил яркость, экономя заряд, обследовал шею, конечности, позвоночник – переломов не оказалось, но девушка не приходила в себя. В ее неподвижности чудилось нечто странное – транс, обморок или все же начало конца? Стриж освободил от щепня неподвижное тело, полусидя устроился у стены, прислонил к своему плечу голову сострадательницы.

– Если нужна энергия – берите мою.

Ответа не последовало. Он ждал, выключив фонарь, сберегая последние капли энергии в батарейках. Тьма колыбалась вокруг сетью, не черной – серой, сплетенной из хищных нитей.

Мало чувствительный к таким вещам иллирианец только дернул свободным плечом.

* * *

Лимб², безвремяе

Куртка исчезла. Джу очень замерзла. Она стояла на сквозном ветру а тонком и коротком кружевном платье. Туфельки, те самые, которыми она выстукивала по ступеням «Виртуальных приключений», скользили по мокрым камням, у самых носков скала кончалась пропастью. Внизу, под этим обрывом, сквозь плоский слой перистых облаков просвечивал город – стеклянные ярусы крыш, нефрит скверов, серебряные ниточки улиц. Город выглядел безлюдным, ветер размеренно свистел, огромные массы воздуха двигались, время от времени широкая прореха в облаках позволяла лучше рассмотреть город.

«Что мне делать? Я не могу туда спуститься. Руки совсем окоченели». Ветер крепчал, грозя сорвать со скалы, дыры в облачном покрывале обретали очертания зверей, становились птицами, геометрическими фигурами, гротескно искаженными человеческими лицами.

«Я умерла, – подумала Белочка. – меня убил взрыв, и это не город, а прикинувшаяся им Холодная Пустота».

– Хей!

Она обернулась. Прямо за спиной, на большом округлом валуне сидел Мюф.

– Рад видеть тебя, Джу.

– Я тоже очень рада. Что ты здесь делаешь?

– Стерегу Дверь.

– Обманывать нехорошо. Здесь нет двери.

Мюф поджал ноги, охватил колени руками, на ресницах от резкого ветра выступили слезы.

– Все это место – Дверь, я стерегу ее. Джу, мне холодно, сделай что-нибудь, освободи меня.

– Я попробую. Отсюда можно сбежать?

Мюф кивнул.

– Просто иди спиной вперед и старайся не смотреть в яму. Лучше всего смотреть на облака. Я буду считать.

– Пошли вместе. Ты же хочешь, чтобы я взяла тебя с собой?

² Лимб – кайма, видимый край диска небесного тела, он же – потусторонний мир.

Мюф подумал, потом мотнул головой.

– Нельзя, тогда некому будет считать. Надо, чтобы считали. Иди одна, Джу, и скажи деду, чтобы он меня забрал. Пожалуйста. Я знаю, он может.

Холодные руки Мюфа обняли Белочку за шею. Они были нечеловечески жесткие и ледяные. На ее ухо упала то ли капля, то ли слеза.

Хвала Разуму, не все потеряно – капля была теплая. Мюф выпустил шею Джу и принялся считать:

Раз-два – привет.

Другого хода нет.

Здесь – черта,

Там – зола.

Замри – беги.

Не береги.

...Золото-медь,

Надо успеть.

Сильную рать

Быстро собрать...

«Это только считалка. У нее нет никакого смысла», – подумала Белочка и все же сделала шаг от обрыва спиной вперед. В лопатки ударил тугой ветер, короткий подол юбки бился словно флаг. Еще шаг назад.

– Мне трудно. Давай, уходи быстрее! – раздался голос Мюфа.

– Я уйду не надолго! Жди! Мы обязательно заберем тебя!

Маленькая фигурка скорчилась на камне. Свист ветра перешел в ураганный рев, этот ураган опрокинул Белочку, но сзади не оказалось тверди, только бесконечные массы воздуха. «Я сейчас разобьюсь, я упала», – подумала Джу и рухнула вниз.

* * *

Воронка Оркуса

Стояла кромешная темнота, от неудобной позы затекла шея. Белочка судорожно вдохнула и закашлялась. Вспыхнул неяркий свет, озарив окруженное камнем пространство. Слезы текли ручьем, спазмы сжимали горло при каждой попытке вдохнуть...

– С возвращением, леди.

– У-у-у...

– Что такое? Вам помочь?

– У-у-убирайтесь отсюда. Не надо на меня смотреть.

– Пустяки. Дышите носом, глубоко и медленно. Вот так.

– Что это было?

– Возможно, клиническая смерть, хотя едва ли. Я тут шарил без света и наткнулся на ваши окоченевшие руки.

– Тьфу. Умеете же вы сказать гадость.

– Нет, это такой иллирианский юмор.

– Где мы сейчас?

– Понятия не имею. Был взрыв, топография изменилась, мой фонарь разбился, колонель сбежал, потерялся проповедник.

– По поводу утраты проповедника – не слышу сожалений.
– Нет, мне на самом деле жаль, подвижный был дед, мог пригодиться. Вы согрелись, двигаться сможете?

– Попробую, но болит нога.

– Переломов нет, я проверял – обычный ушиб. Пошли, поищем другой выход.

Они двинулись в путь на четвереньках – по-другому не позволял низкий потолок.

«Иллирианец специально говорит всякую чушь», – сообразила Белочка. «Он боится, что я пойму – выхода нет. А его точно нет – я знаю, мы все здесь умрем – и я, и мастер Фалиан, если он еще жив, и сам Стриж. Как же все-таки страшно. Эти камни вот-вот рухнут нам на головы.»

Впереди сверкнул еще один фонарь.

– Вот и проповедник, легок на помине. Нужно протиснуться сквозь щель, дальше будет просторнее. Давайте руку, я помогу...

Место казалось незнакомым или просто до неузнаваемости изменилось. Иеремия стоял прямо и, задрвав подбородок, рассматривал источник света высоко над головой. Странное приземистое существо жалось к его ногам.

– А это что такое? – спросила удивленная Белочка.

– Богопротивная игрушка, которую ты подарила моему внуку, – невозмутимо сообщил Фалиан.

– Откуда он взялся?

– Пришел из темноты.

– Сейчас не время спорить, – вмешался Дезет. – Нужно отсюда выбираться. У кого есть разумные предложения?

Иеремия покачал головой.

– Выход открыт, но он слишком высоко. Зацепиться не за что.

– Я все же попробую.

Попытки Стрижа не заняли и пяти минут, но закончились двумя падениями, к счастью, с небольшой высоты.

– Вы правы, ваше проповедничество. Там, повыше, камень совершенно гладкий – как стекло.

Пронзительно-белый день сиял сквозь безнадежно недостижимый выход. Белочка исподтишка рассматривала Стрижа – тот казался неестественно спокойным. «Это крайняя степень отчаяния, – поняла она. – До сих пор, и уже давно, он удерживал нас всех, заслоня от безумия, но теперь резерв исчерпан.»

– Алекс...

– Что?

– Вам плохо?

– Как сказать – я не справился с задачей.

– Вы и так сделали все, что могли.

– Я сделал все ошибки, какие только мог.

– Как думаете, куда подался Хиллориан?

– Занятный вопрос. Сдается мне, он больше не вернется в Департамент. Септимус не маньяк, но он явно не в себе.

– Мне кажется, полковник чего-то боится. Я даже уверена наверняка.

– Убегая, Септимус кое-что потерял, я подобрал эту штуку как раз перед взрывом, а потом обнаружил у себя в кулаке. Не хотите взглянуть?

– Хочу.

– Понадобится уником.

– Мой еще чуть-чуть работает.

Дезет пошарил в кармане и вытащил оттуда чип, вставил его в разъем, после чего по экрану медленно, словно нехотя поползли строки: «Здравствуй и прощай, сынок. Надеюсь, что у тебя хватило терпения не трогать раньше времени последнее завещание старика. Впрочем, вероятность того, что ты используешь чип не ко времени, ничтожно мала, и я благодарю Разум за то, что он послал мне такого пунктуального человека...»

Когда письмо закончилось, Стриж, Джу и Фалиан некоторое время молчали, пытаются собраться с мыслями.

– Мне кажется, Мюфа еще можно вернуть, – с надеждой сказала Белочка.

– Вернуть откуда? Чисто физически – он не мог тут выжить.

– Кто этот Элвис Мينيор Лютиан?

– Судя по осведомленности – кто-то из высших кругов их департамента. Похоже, он нарушил правила своей конторы и ждал неизбежной расплаты. Хиллориану Аналитик внушил, что в Аномалии существует некий «ключ» – технология или артефакт, который можно использовать в собственных целях.

– Мне кажется, с характером полковника такая доверчивость не вяжется.

– Вы его мало знали. Я – чуть больше. Септимус верил в две вещи – в исключительную личную миссию и в свою правоту. Возможно, он собирался принести пользу Конфедерации, но внутри Аномалии постепенно сошел с ума – захотел могущества для себя. В любом случае, ваши соотечественники не уймутся, исследования по Аномалии не прекратят.

– Мне немного жаль Септимуса. Его тоже обманули, обещав то, чего нет. Этот Элвис Мينيор Лютиан-Аналитик – порядочный циник.

– Тоже мне, нашли, кого жалеть. По мне так Аномалия просто снимает барьеры. Сравните поведение Септимуса и Дирка, а потом делайте выводы.

– Интересно, зачем он украл стимуляторы?

Стриж смущенно фыркнул.

– Это не колонель, это я сам. Не сердитесь, сейчас все объясню. Экспедиция с самого начала выглядела как команда смертников. Я быстро понял, что полковник утаил детали, но еще надеялся получить то, что мне наобещали. Стимуляторы стали небольшой страховкой. Если дело обернется плохо, я собирался уйти, использовать их и оторваться от погони, ведь Аномалия на меня не действует.

– Собирались всех бросить?

– Если понадобится – да.

– А обыска не испугались?

– Я не носил эти ампулы с собой, а еще на пустошах нагрузил ими мешок Дирка. Сделал из парня этакий ходячий склад.

Белочка с удовольствием отметила, что иллирианец смущен и злится, но апатия его исчезла. Стриж, впрочем, примирительно махнул рукой:

– Знаю, все это выглядит некрасиво, но мы тогда не были знакомы. Давайте, не будем ссориться. Нужно как-нибудь выбраться из ловушки.

Чуть в стороне шевельнулся упорно молчавший Фалиан. Кибер у ног старика тоже зашевелился, потом неловко приподнялся на манипуляторах и зашагал в сторону Белочки.

– Эй, не давайте ему подходить!

– Что?..

– Берегитесь!

Последующие события произошли почти мгновенно. Кибер с размаху ткнулся в сапоги Джу, она потеряла равновесие и упала набок. Дезет выхватил пистолет, полетели стреляные гильзы, три пули прошили пластиковый корпус кибера. Машинка дернулась, перевернулась на плоскую спину и забилась, то складывая, то распрямляя манипуляторы. Запахло паленым – из круглого брюха игрушки потянулась вверх струйка дыма.

– Что это с ним?

Джу встала, потирая ушибленный локоть. Стриж ковырнул мертвую машинку носком сапога.

– Не знаю. Технический сбой, наверное.

Луддит отнесся к буйству греховной техники безо всякого удивления – он, все так же безгласно сторонясь Стрижа, подошел к киберу и двумя ударами крест-накрест распорол тонкий пластик корпуса.

– Что там?

– Ничего особенного. Трос, который нам пригодится, чтобы выбраться, остальное – обломки. Даже для кибера очень примитивно. Не понимаю, как эта горсть хлама внутри заставляла его работать.

– Теперь я понимаю, почему киберу не вредила Аномалия.

– Из-за простоты конструкции.

– Нет, это не машинка Нуньеса. Это – чужое создание. Мне страшно, Алекс. Мюф хотел кибера – он его получил. Аномалия выполняла наши желания.

– Ну это едва ли, – с сомнением сказал Стриж. – Я не искал тут неприятностей.

Он присел на корточки, потроша утробу мертвой машины.

– Трос из приводов подойдет, тонковат, но ничего. Сейчас я снова полезу наверх. У вас сохранились горные перчатки?

– Вот, возьмите, мне они все равно велики.

Стриж прикрепил отломанную ногу кибера к извлеченному из его же внутренностей веревке и подбросил импровизированный крюк, метя в отверстие на потолке, но конструкция рухнула обратно. Он прицелился снова, и на этот раз нога мертвого кибера легла поперек отверстия.

Белочка, стоя внизу, смотрела, как Дезет лезет наверх, как, на минуту заслонив собой просвет, он отцепляет и вытаскивает веревку. Илирианец отошел в сторону и исчез. Упало несколько мелких камешков, шаги заглохли – то ли Стриж остановился, то ли попросту отошел подальше от разлома. «Он не вернется, – вдруг с ужасом сообразила она. – Это вполне в его духе. Сейчас Стриж уже отошел уже метров на двадцать, думает, где искать брошенный рюкзак, уцелели ли крючья...»

Джу поискала ментальный след илирианца и, как всегда, ничего не нашла.

– Мастер Фалиан... Мастер Фалиан! Да очнитесь! Надо что-то делать.

Иеремия равнодушно пожал плечами:

– От судьбы не уйти. Каждый человек, девушка, следует своим наклонностям.

Джу заметалась, тщетно пытаясь справиться с паникой, в этот миг наверху зашуршало, на фоне неба снова появился силуэт Дезета:

– В чем дело, что за шум?

– Ни в чем. Вас долго не было.

– Я закрепил веревку, завязал на ней узлы. Забирайте перчатки. Вас я согласен вытащить руками, но увесистого проповедника не потащу, пускай лезет сам.

Через полчаса все трое очутились наверху. Склон Воронки с северной стороны изменился, бункер исчез, там и сям все валялись горелые куски пластика.

– Я больше не чувствую Аномалии.

– Значит, она исчезла.

– И чем же вы тогда встревожены?

– Тем, что в Порт-Калинусе осталась моя дочь. Если техника заработала, полковник может связаться с Департаментом, я – в любом случае не могу. Поддержки с базы Лора больше не существует, пока мы доберемся до столицы, Хиллориан уже распространит свою версию событий. По результатам меня могут ликвидировать. Не хочу пугать, но вас и Фалиана – тоже.

– У вас остался стимулятор и возможность уйти через границу.
– Без дочери я не уйду, не обезвредив полковника – не уйду тоже. Хиллориана нужно догнать еще в горах.

– Вы его убьете?

– Пока не знаю, сначала нужно понять, насколько он вменяем. В других обстоятельствах убил бы сразу, но мы на каленусийской территории.

– Я не стану помогать вам в убийстве.

– Я и не прошу.

– Продуктов мало.

– Не печальтесь, в горах еще остались козы.

– Моя аптечка пропала, нет воды.

– Наберем, сколько сможем, из местного источника. Оставайтесь с проповедником и ждите здесь. Я немного осмотрюсь и вернусь за вами.

Стриж обогнул завал разбитых взрывом менгиров и прошел пару сотен метров. Импровизированный лагерь, Белочка, долговязая фигура Иеремии – все это скрылось из виду. Мутный ручеек нес взбаламученную глину, Дезет отследил русло – вода струилась из еще не обследованной каверны. Близ входа в нее он перешагнул через мокрую грязь и замер.

Прямо перед иллирианцем, на фоне черного провала, с пистолетом наготове, стоял воскресший полковник Хиллориан.

– Так вы все еще здесь, колонель? – спросил замерший на месте Стриж.

– Да, будь вы прокляты. Обвал закупорил долину. Прохода к перевалу больше нет.

– Вот как. Очень интересно.

– Стоять. Оружие на землю.

«Септимус предсказуем, опять хочет моей сдачи», – подумал Стриж и чуть развел в стороны пустые ладони.

– И что теперь?

– Медленно вытаски пистолет из кобуры. Держи его рукоятью вперед. Так... Теперь встань на колени и положи ствол на землю.

«Он не хочет видеть мои глаза – понял Стриж. – Стрелять будет сверху в голову. Потом ликвидирует остальных, у него уже не осталось выбора».

... Септимус вышел из темноты, он еще не привык к сиянию полудня и старался не думать ни про заваленный проход, ни про обман Аналитика, балансируя на грани приятного ощущения власти. Фигура Дезета представлялась чернильным пятном на ярко-белом фоне, перед глазами мельтешили воображаемые мушки. Прежнее безумие утихло, но оставило после себя легкую слабость и замедлило рефлексy. Пинок в колено вывел Хиллориана из равновесия, пуля не попала в иллирианца, вместо этого лишь чиркнула по камню. Стриж уже спрятался за большим камнем, успев подобрать свой пистолет. Полковник повторил этот маневр, укрывшись за другим валуном. Противники медлили, никто не решался высунуться первым.

– Может быть, поговорим, Алекс?

– Не о чем.

– Даже застрелив меня, ты ничего не добьешься.

– Добьюсь приятной мелочи – справедливости.

Стриж не мог слышать, как вздохнул Хиллориан.

– На самом деле я не совсем солгал. О шансах погибнуть тебя предупредили. Умолчали только, что это стопроцентный шанс. Насчет твоей дочери – я бы свои обещания выполнил. Теперь она в любом случае останется в приюте, а питомцы там иногда умирают.

– Этот шантаж больше не пройдет.

– Надо же, мой враг обиделся. Между прочим, зря. Ты был пропащим ублюдком, я снова сделал тебя человеком. Ну да, всего на несколько недель, зато каких...

«В чем-то он прав, недели были яркие, – подумал Стриж. – Однако, с чего бы это наблюдатель так разболтался? На обычного Хиллориана многословие не похоже. Или сукин сын совсем сошел с ума, или замыслил новую пакость».

Полковник, не получая ответа, тем временем примолк.

– Эй, колонель! А как же остальные? Девушка, ребенок, старик. Их-то за что?

Молчание. Ветер тихо посвистывал в камнях. Дезет резко повернулся, спиной ощутив опасность...

Грянул выстрел, пуля почти задела висок. Хиллориан обошел Стрижа, воспользовавшись вторым выходом из туннеля. Еще две пули пришлось в песок возле самого плеча откатившегося в сторону иллирианца. Полковник не успел ретироваться за камни и теперь сидел за непрочными остатками переломанных конструкций.

Стриж аккуратно прицелился, выстрелил и, кажется, попал – на той стороне сдавленно ругнулись. «А ведь у колонеля остался последний патрон. Посмотрим, как он запоет, когда роли поменяются».

– Эй, Септимус! – позвал иллирианец, не высовываясь. – У меня есть идея – сдавайтесь-ка лучше вы. Расскажите про Аналитика, я готов выслушать, хуже все равно не будет. Пытать вас не стану, честное слово.

Голос полковника долетал плохо, тем не менее, сардар разобрал ответ.

– Гуманист-каратель нашелся, – отозвался Хиллориан и добавил чудовищно грязное ругательство. – Я служу свободе и процветанию Геонии. Цель оправдывает средства, в этом случае количество трупов значения не имеет.

– Свободе от чего – от здравого смысла, что ли? Раньше ты берег хотя бы своих людей.

– А ты раньше не церемонился с врагами.

– Ну так пользуйся моментом, бросай ствол и выходи. Может быть, до чего-то и договоримся.

За пластиковой развалюхой помолчали, потом пистолет, далеко отлетев, прошуршал о песок.

– Ладно, выхожу.

«Слава Разуму, это лучший исход, – подумал Стриж. – Я не хочу убивать колонеля почти что на глазах у Джулии. Даже после предательства в колодце, все равно не хочу».

Хиллориан появился, стараясь держаться с достоинством. Пуля Дезета пробила ему мякоть плеча – наблюдатель зажимал рану носовым платком. Впрочем, полковника следовало опасаться даже в таком жалком состоянии.

– Где остальные? Живы? – хрипло спросил Септимус.

– На твое счастье – да. Спокойнее, спокойнее, не оборачивайся, давай, обойдемся без эксцессов. Все уже кончилось, нет смысла ругаться.

– Твоя взяла. Убьешь?

– Я еще не решил.

Полковник брел медленно, шатаясь, кровь обильно проступала сквозь самодельную повязку.

– Жаль, что так получилось, – пробормотал он. – Мне очень жаль, Алекс, что с тобой так получилось. Если бы я мог выбирать... Но не могу. Можно, помедленнее... Я очень устал.

Движения пленника становились все более вялыми, Дезет замедлил шаг, пытаясь понять, что происходит.

Ошибку свою он осознал мгновение спустя. Хиллориан распрямылся как пружина и бросился на иллирианца. Удар пришелся в основание шеи. Ошеломленный Стриж не удержал пистолет. Цепкие пальцы полковника намертво ухватили воротник куртки противника. Раненая рука действовала лишь чуть слабее. Толчок – и двое, рухнув на землю, наполовину зависли над краем воронки.

Дезет пытался вырваться, наблюдатель – скатиться вниз, увлекая за собой врага. Обрыв крошился, осыпаясь. Упало еще несколько камней. В конце концов Стриж и Септимус рухнули вниз, увлекая за собою лавину земли и сухих, сломанных веток. В этой лавине нашлось несколько крепких булыжников. Один из камней, катясь в пустоту пропасти, с хрустом ударил наблюдателя в висок. Пальцы полковника разжались, иллирианец освободился.

«Поздно – подумал он. – Слишком поздно». Карниз следующего яруса стремительно приближался. Несколько бесконечных мгновений Стриж смотрел, как навстречу ему несется циклопическая чаша долины, искореженный пластик, чахлая растительность, камни цвета терракоты, резкие изломы уступов...

Проигрыш. Удар о камни. Мир вспыхнул и взорвался, потом рассыпался, погас. Стриж уже не видел, как безжизненное тело полковника, кувыркаясь, полетело дальше – на самое дно Воронки Оркуса.

* * *

– Вниз! Живее!

Белочка остановилась перед непреодолимой преградой – обрывом. Внизу, на карнизе, всего в восьми метрах от нее, темнела куртка Дезета. Иллирианца наполовину присыпало слоем мелких камешков. Вокруг валялись разбросанные взрывом ошметки горелого пластика и каких-то органических остатков. Обрыв уходил вниз отвесно, даже хуже того – козырек скалы нависал над спуском.

– Веревку возьми, девушка.

Джу вздрогнула – Иеремия подошел незамеченным. Она только сейчас заметила, что лоб старика украшает приличных размеров кровоподтек.

– Хорошо, сейчас.

Белочка выбрала наполовину утопленный в окаменевшей глине кусок арматуры, завязала конец троса неуклюжим, но прочным узлом, потом, обдирая ладони, съехала вниз. Иеремия махал рукой, что-то приказывая.

– Принимай мешок.

Она с трудом дождалась, когда рюкзак коснется карниза.

Фалиан спускался следом, кажется, спуск получился не слишком удачным – старый луддит приглушенно ругнулся и охнул. Белочка не смотрела – она уже склонилась над Дезетом, убрала кусочки сухой глины с его закрытых век. Иллирианец лежал неподвижно, но, кажется, оставался в сознании.

– Алекс!

Дезет открыл глаза – серые радужки почернели, переполненные расширившимися зрачками. Он попытался что-то сказать, но тут же прикусил губу. Джулия едва не заплакала – лицо Стрижа в несколько минут утратило загар, сделавшись неестественно бледным, даже синим. Правый бок куртки насквозь пропитался кровью.

– Ты меня слышишь, узнаешь?

Он опустил и тут же поднял веки – «да».

– Потерпи, я помогу.

Джулия отбросила пси-барьер, и тут же беспомощно скорчилась. Боль опалила разум, невидимый груз гнул к земле, не давая распрямиться. «Он на грани смерти от шока, но я не должна ничего чувствовать, у него же пси-ноль...»

Она не могла, но почувствовала – в этот раз Белочка, сама не зная об этом, посрамила электронные детекторы давно растаявшего свечкой Центра Калассиана.

Боль вдруг исчезла, отгороженная холодной стеной.

– Эй, не умирай! Держись.

Стриж виновато мигнул. «Я бы хотел, но не получается». Его мысль была отчетливой, как будто сказанной вслух.

Джу вытерла мокрые виски и попыталась снова. Она отчаянно колотилась о стену, беспощадно раня собственную сущность, щедро черпая из запретного и отступилась, лишь исчерпав возможности до дна.

Потом она отошла в сторону, села, охватив себя руками и прижав колени к подбородку. Стриж больше не шевелился. Джу потеряла эти сухие глаза и отвернулась в сторону холодных, чистых горных вершин.

Иеремия, который, кажется, остался невредим, подошел к распластанному на камне телу Стрижа.

– Эй! Девушка! Чего сидишь? Давай сюда мой мешок.

Белочка отчаянно замотала головой, давясь непролитыми слезами, но все же нехотя встала, подняла закопченный, грязный, тяжелый рюкзак и волоком дотащила его до старика.

– Тащи бутылку со дна.

Старик скovyрнул скovyрнул пробку ножом и осторожно разжал ровные, плотно сжатые зубы иллирианца.

– Давай, лей в него сначала немного – полпинты, и не убивайся, парень не стоит того. Головорезы императора – они живучие.

Дезет на миг пришел в себя и кое-как проглотил крепкую жидкость.

Фалиан тем временем быстро и ловко, только затрещала ткань, вспорол куртку и рубашку иллирианца. Белочка отшатнулась, подавляя желание зажмурится поплотнее. Из-под кожи наружу торчали острые, «сахарные» обломки двух ребер.

Старик только пожал плечами.

– Экая ты трусиха, хоть и доктор. Это просто сломанные кости. Позвоночник у него цел. Голова тоже. Тащи сюда сухих веток. Поджигай, возьми у меня котелок, грей воду. Иголку из оранжевого кармана достанешь, нитки тоже там, шелковые. Чистое полотенце. Спирт. Торопись, девушка, но ничего не урони и не запачкай.

Вода вскипела быстро.

– Держи, крепче держи. Он сейчас дергаться будет как форель на леске.

Опомнившаяся Белочка моментально выставила пси-барьер. Очень вовремя – пришедший в себя Дезет взвыл, вырываясь – хирургия старого сектанта не отличалась деликатностью.

– Терпи, паршивец, – буркнул старик. – Больно, знаю, но если повезет, жив останешься.

Белочка изумилась – Иеремия действовал с ловкой профессионала. Руки каленусийского фермера не дрожали – только на загорелом лбу, у основания волос, выступили от напряжения крупные прозрачные капли пота.

Когда все кончилось, старик, не торопясь, вымыл ладони остатками воды.

– Если зараза не прикинется и кашель не начнется, считай, выжил. Возьми вот это... – он протянул Белочке непрозрачную, черного стекла капсулу. – Лей все, что осталось, в воду и дай ему выпить. Оставил на последний случай... Ладно, пускай.

Белочка недоверчиво посмотрела в бирюзовые глаза луддита, мимикой повторила главный вопрос. Старик понял без слов и на этот раз ответил всерьез, уголком глаза покосившись на Дезета.

– Будем надеяться. Половина на половину. Утро покажет.

Беспомощный, совсем не опасный Стриж спал в тени скалы, его укрывали две походные куртки: черная – Иеремии, голубая – Белочки.

Они сидели, беспечно свесив ноги с обрыва – седой деревенский проповедник, с лицом, изрезанным жесткими, как растрескавшаяся земля морщинами, и сострадательница, у которой блестящие каштановые волосы скрутились, опаленные огнем.

Садилось солнце за холодные вершины. Ветерок коснулся обломков и камней, унес последние клочья дыма. Старик и девушка следили как край багрового диска приближается к Игольчатому пику. Они молча ждали будущее, исчерпав силы и не думая ни о чем. Пока для этого оставалось время.

Часть третья. Последствия

Глава 16. Дымы отечества *Порт-Калинус – Порт-Иллири*

Близ полудня ранней осени 7005 года по летосчислению сектора западного побережья оживленный аэропорт Порт-Калинуса кишел суетящимися людьми. Невесомо-ажурные листья, облетевшие с декоративных кустов, бесшумно вспархивали из-под колес каров. Деловые люди Конфедерации стремились прочь, спеша использовать нежаркие месяцы бархатного сезона, чиновники Департаментов спешили обратно в столицу после традиционных каникул. В насквозь прозрачном здании вокзала один из просторных холлов оккупировала очкастая команда обладателей вельветовых курток – команда ученых, готовилась лететь на традиционные осенние в колледжи Парадуанского университета. Эти люди возбужденно гомонили, то и дело упоминая какого-то Майера. Прилетел полуденным рейсом и со скучающим видом прошествовал через пси-турникет загорелый до цвета золота знаменитый архитектор Финтиан. Пестрая толпа меняла краски и очертания, как скопище кристаллов в калейдоскопе.

У стальной стойки пристроились, скучая, двое служащих таможни – рейс на Порт-Иллири ожидался через два часа. Они наблюдали людское коловращение с тем специфическим интересом, с каким обладатель аквариума рассматривает рыб. Призывно запищал уником. Таможенник постарше прижал прибор к уху, скука мгновенно исчезла с его лица, выслушав инструкции, он обернулся к товарищу и скорчил ехидную гримасу

– К нам идут наблюдатели.

– Чего им надо, Нед?

– Везут человека по линии своего Департамента.

– Рейсовым самолетом? Эти ребята совсем зарвались.

– Тихо. Наше дело – сторона. Им отдали салон для почетных персон – парни повезут свой живой груз с комфортом.

Вскоре через бесшумные раздвижные двери вошел десяток подтянутых одинаково стриженных мужчин в серой униформе. Нед поднял с полированного стеклянной столешницы крошечный микрофончик и добродушно-официально пророкотал на весь зал:

– Свободные граждане! Просьба не суетиться и освободить проход. Этим вы окажете содействие Департаменту Обзора. Да-да, к вам, господин Финтиан, это тоже относится... Вот так, благодарю вас.

Следом за десятком охранников вошли четверо людей в штатском. Двое окружили третьего, придерживая его за локти, четвертый замыкал шествие, ведя за руку маленькую девочку в мохнатом вязаном платье. На плечи конвоируемого накинута плащ – так, чтобы скованные руки не слишком бросались в глаза.

Таможенники оперлись о стойку и вытянули шеи, почти уткнувшись носами в кристалльно-прозрачное стекло перегородки.

– Кого тащат на этот раз?

– Старые разборки с Порт-Иллири. Выдают какого-то парня из тех, по кому у императора плачет эшафот.

– Слушай, Нед, я, кажется, этого знаю – видел по уникаму.

– Да ну?

– Не сомневайся.

– Что-то вид у иллирианца невеселый.

– Еще бы. В Иллире до сих пор не отменили четвертование. То есть, не применяют, конечно, но в законах-то оно есть.

Нед закашлялся, отпил из стаканчика с водой и укоризненно затряс подбородком.

– Ты, Барри, подпортил мне аппетит – до вечера, не меньше.

– Прости, друг, так получилось.

Они повернули головы, жадно провожая взглядами уходящих. Барри, склонный к философствованию, добавил:

– Вот такие истории позволяют нам полнее ощутить радость собственной жизни.

Нед, немного подумав, полностью согласился.

* * *

Стриж шел к трапу, испытывая неотвязное желание оглянуться. Он точно знал, что его никто не провожает, точно знал, что увидит оглянувшись – серое, в жирных пятнах покрытие взлетного поля, серые мундиры охранников, одинаковые, как жетоны, равнодушные лица. И все-таки оглянуться хотелось. Нина почти бежала, стараясь не отстать от взрослых. Стриж слышал ее короткие неуверенные шаги.

От трапа отделилась кучка людей в черном, на их мундирах обильно блестели нашивки и позумент. Преторианцы, личная гвардия императора Иллиры, разительно отличалась от людей Департамента – те всему предпочитали функциональность. Сейчас наблюдатели казались серыми мышками на фоне расфуфыренных индюков. Стриж улыбнулся с изрядной долей сарказма – сардарский корпус и личная гвардия Оттона по традиции недолюбливали друг друга.

Командир иллирианцев отсалютовал каленусийскому коллеге-оппоненту, пустым взглядом мазнул по Дезету и протянул руку за документами. Несколько секунд сравнивал лицо Стрижа с фотографиями фаса и профиля.

– Он? – не выдержал каленусиец.

– Да. Мы принимаем груз. Вот этого, – затянутый в черное палец небрежно указал на Дезета. – А брать ребенка инструкций не поступало.

Наблюдатель смутился.

– Экстрадируемый пожелал забрать дочь. По каленусийским законам мы не можем ему препятствовать.

– На борту самолета действуют законы Иллиры. У нас не было инструкций – я понятно выражаюсь? Ребенок останется здесь.

Нина, почувствовав заминку, уставилась на капитана преторианцев широко открытыми серыми глазами. Стриж, насколько позволяли наручники, положил ладони на узкие детские плечи.

– Мы так не договаривались, свободные граждане, если вы не уладили дел с Порт-Иллири, я остаюсь здесь.

Офицер претории едва удостоил Дезета взглядом.

– Твои желания ничего не значат, предатель. Итак...

– Ты ошибаешься, преторианец – значат. Вы можете меня скрутить, можете и убить, но такой инструкции тебе не давали. Сомневаюсь, что в Порт-Иллири похвалят за инициативу. Попробуй отобрать у меня дочь, индюк – и ты увидишь, что я и в браслетах могу причинить кучу неприятностей.

Иллирианский офицер побагровел, из-за чего его сходство с индюком только усилилось.

Наблюдатель посчитал нужным дипломатично вмешаться:

– Подумайте, Дезет. Быть может, ребенку и вправду будет лучше в каленусийском приюте?

– Спасибо, капитан, но я больше ничего не хочу от Каленусии. Все, что вы могли мне дать, я уже получил.

Наблюдатель нахмурился, переваривая намек. Стриж повернулся к иллирианскому офицеру:

– Ну так как?

Он напрягся ожидая реакции спесивого преторианца. Тот, помедлив, кивнул:

– Ладно. Я лично позабочусь, чтобы ты об этом пожалел.

– Не думаю, что у тебя это получится.

Дезет ступил на трап, его втокнули в салон, провели куда-то в самый хвост, в отдельный отсек.

– Располагайся с удобствами.

Стриж опустил в просторное кресло, на всякий случай посадил Нину на колени, заключив ее в кольцо скованных рук. Преторианцы вольготно расположились вокруг, заодно отрезав ему путь к двери. Их капитан морщился как от головной боли, время от времени поглядывая в иллюминатор – возможно, плохо переносил ожидание.

Стриж осторожно вздохнул – все еще побаливали залеченные в каленусийской клинике ребра.

– Чего мы ждем?

– Пассажиров в общий отсек. Не надейся – ты не настолько важная сволочь, чтобы из-за тебя гонять пустой самолет.

Пассажиры ручейком стекались к трапу. Брюхо гигантской металлической птицы поглощало их бесследно. Офицер претории барабанил пальцами по лакированной крышке откидного столика.

– Сейчас взлетаем.

Взвыли двигатели, самолет вырулил, примеряясь к разбегу, пробежав положенные метры, оторвался от земли, уходя в линиящую голубизну. Стриж откинулся в кресле и закрыл глаза, вспоминая события прошедших месяцев.

...Спасателей тщательно ждали пять дней, считая со дня гибели полковника Хиллориана. Временами Стриж оказывался в полубеспамятстве, и тогда тревожно звенели сверчки, накатывал волною запах полыни. Порой сознание прояснялось – тогда он слышал свист ветра в камнях и видел, как медленно плывут свинцовые облака. На третий день, должно быть, сказалось действие капсулы Фалиана – бред отступил, Стриж лежал в тени скалы, тщательно пытаясь сжать пальцы в кулак – руки не слушались от слабости. Джу приносила скудную еду, он ел, стараясь не разбирать вкуса, подавляя кашель и тошноту. Иногда ему удавалось проглотить завтрак.

На четвертый день он понял, что, возможно, не умрет – если прилетит спасательная команда, если его сразу отправят в госпиталь, и если улыбнется удача. «Если» набиралось слишком много, Стриж перестал думать о спасении, ему казалось, что он лежит на плоту – этот плот плыл по извилистой желтой реке, время от времени в поле зрения попадали выступы прибрежных скал. Где-то в конце реки, там, где она впадает в море, маячил финал – только рассмотреть его как следует не удавалось. Иногда приходил сон, Стриж переставал видеть реку, но знал, что она все с той же ленивой неотвратимостью несет свои воды к морю...

Спасательная операция началась только на седьмой день – когда в Порт-Иллири поняли, что Аномалии больше нет, а попытки связаться Хиллорианом ни к чему не привели. В тот день вертолет с оперативной командой Егеря завис над мертвой Воронкой Оркуса.

Перелет Стриж почти не запомнил. Он плыл и падал, лишь наполовину усыпленный самой сильной анестезией. Время от времени над Дезетом склонялось лицо Джу, он пытался улыбнуться, но не мог как следует пошевелить лицевыми мускулами. Испуг в карих глазах девушки показал ему, во что вылились такие попытки.

Вертолеты дозаправились на базе Лора. Порт-Калинус встретил его стерильной прохладой госпиталя.

Еще через два месяца Стриж покинул стены Центральной клиники Порт-Калинуса. Чиновник Департамента был сух, деловит и корректен: «Ваше имя, частное имя, возраст, гражданство?.. Все в порядке, данные совпадают... Готовьтесь к экстрадиции на родину... Почему не ожидали? Вот запрос из Порт-Иллири, вот ваша подпись. Какие еще другие условия? Какой еще полковник Хиллориан? Сейчас, справлюсь в Системе... Мне жаль, он числится среди пропавших без вести... Вы говорите – нарушение гарантий? Еще раз, мне очень жаль. Впрочем, у покойного полковника все равно не было прав отменять решения Калинус-Холла... Да, да. Не стройте из себя воплощенную наивность... Что? Не в курсе... А на такие вопросы не отвечаю... А это – закрытая информация...»

Стриж пытался спорить, испытывая бессильное, безнадежное бешенство, тем более унижительное, что ситуация вынуждала его к предельной корректности. Каленусиец сухо кивнул на прощание. На замкнутом как дверца сейфа лице прорезалось некое подобие человеческого выражения. Чиновник окинул взглядом пустые, без пси-датчиков, стены адвокатской комнаты и, приблизившись к Дезету, шепнул одними губами: «Простите, я на самом деле, а не для проформы сочувствую вам. Будь время и хороший адвокат... А впрочем, все решено наверху. Руководство не хочет лишний раз раздражать вашего императора». Чиновник отвернулся, и, махнув рукой, вышел, жестко выпрямив затянутую в серый мундир спину.

...Стриж открыл глаза. Каленусия оставалась в прошлом, под крылом самолета медленно проплывали вершины западных гор, где-то южнее лежала невидимая сейчас долина Ахара.

Офицер преторианцев отследил взгляд Стрижа.

– Посмотри в последний раз на территории твоих дружков-каленусийцев. Ты их больше не увидишь. Впрочем, вопросы ностальгии для тебя скоро станут неактуальны.

Стриж пожал плечами:

– Они мне не друзья. Впрочем, надо отдать должное каленусийцам – они ради шкурных интересов сдают и разменивают чужих, а не своих.

Ошеломленный преторианец пару секунд переваривал оскорбление, а потом коротко, без замаха, ткнул Стрижа кулаком – прямо в залеченные в госпитале ребра. Дезет замер, пережидая, пока пройдет боль. «Со мною Нина, нельзя давать им повод избить меня на глазах у ребенка».

– Не нарывайся, сардар, – бросил преторианец, Стриж на этот раз промолчал.

Самолет заходил на посадку – роскошная зелень пригородов Порт-Иллири сливалась в один пушистый ковер. Изумрудная поверхность земли словно бы накренилась навстречу лайнеру. Квадраты апельсиновых и персиковых садов увеличивались в размерах, обрывки облаков уходили вверх, оставляя панораму кристально чистой.

Лайнер сел, упруго коснувшись полосы, пробежал положенное расстояние и замер, муравьями засуетились пассажиры. Дождавшись момента, когда рассеется толпа, к трапу самолета подвинулась приземистая машина. Стриж вышел из самолета, зажатый между массивными торсами охранников. Поле пахло керосином, смазкой и еще чем-то неопределимым.

– Кажется, дым отечества, – сказал Стриж, и преторианцы с удивлением уставились на арестанта:

– Вот, идиот.

Нина семенила рядом с отцом, зажав в кулачке угол сброшенного на его плечи плаща. Дезета заставили пригнуться и втокнули в машину, посадили ребенка следом.

– Поехали.

Стриж смотрел сквозь лобовое стекло, ловя последние моменты отпущенного ему времени. Он неожиданно для самого себя почувствовал искреннее волнение – Порт-Иллири обступил его, вызывая лавину воспоминаний.

Машина тем временем сделала несколько резких поворотов и на предельной скорости устремилась в загородную зону. Стрела радиальной дороги уходила на юго-запад, вдоль обочин тянулась живая изгородь. В редкие просветы Стриж видел колонны и ажурные заборы особняков, розовые кусты, кипарисы.

Кар молнией проскочил погруженный в сонную полудрему пригород и свернул с магистрали, под колеса легла черная, без малейшего изъяна полоса. Машина въехала под сень пышной листвы, потом выбралась на открытое место, задержалась возле ворот квадратного здания, миновала арку и встала.

– Штаб-квартира претории. Вылезай, приехали.

Стриж выбрался наружу, стараясь не отпустить от себя Нину. Прямоугольник двора был идеально, невероятно чист – словно каждый уголок только что вымыли щетками, громада каменных стен подавляла.

Навстречу приезжим шагнула сухощавая пожилая женщина с ястребиным носом и тонкими губами – ее голову покрывал традиционный фиолетовый колпак монахинь.

– Мать Наан, орден Разума.

Преторианец поморщился.

– Можете радоваться, Дезет, у меня приказ – ваш щенок пойдет в цепкие лапки монашек, а не на ликвидацию.

Наан протянула покрытую мелкими трещинками широкую ладонь. Стриж ослабил кольцо скованных рук, выпуская ребенка.

– Иди, Ни. Иди к ней.

Нина настороженно, без улыбки подошла к женщине. Стриж посмотрел прямо в желтоватые, как у совы, глаза монахини.

– Я вынужден доверять вам, леди. Так прошу вас, выполните свой долг – не ради меня, так ради вашего Разума.

Сестра не повела даже бровью, только ее птичьи зрачки на мгновение расширились. Стриж отвернулся.

– Прощай, Нина.

– До свидания, папа.

Он не стал смотреть вслед монахине и ребенку.

– Я готов, куда теперь?

Распахнулась дверь, Стрижа провели гулкими коридорами, зарешеченный лифт опустился на два яруса вниз, равнодушный охранник отворил перед ним дверь. Дезет шагнул внутрь, конвоиры вошли следом.

Стриж едва успел полуобернуться – первый удар, ладонью, пришелся в лицо, второй, кулаком, в солнечное сплетение.

– Прислони его к стене.

Преторианцы действовали деловито и с той размеренностью, которая наблюдается у добросовестного работника. Удары сыпались градом. Они ушли, когда Стриж сполз по стене на пол.

– Отдыхай. Это была разминка.

Наручники так и не сняли. Дезет поднялся, слизнул с губы и выплюнул кровь, прошел пару шагов и опустился на голый бетон скамьи. «Ну, вот и все. Это конечная станция. Больше нет дел, нет ни выбора, ни обязательств».

Он лег так, чтобы меньше мерзнуть от бетона. Возможно, прошли часы, может быть – сутки. Серая лампочка все так же тускло тлела под потолком. Его не кормили, воду Стриж пил из крана в нише. «Преторианцы тянут время, чтобы я полнее ощутил свое ничтожество». Он пошевелил пальцами, наручники мешали, но кисти рук еще не потеряли чувствительность. «Какой холеры, чего я боюсь? Когда начнутся допросы, я скажу им правду, вот и все».

«Им не нужна правда, – тут же возразил себе Стриж, – им не нужно ничего, кроме показательной расправы. Они боятся императора, боятся интриг сослуживцев, доноса собственной жены. Самое лучшее средство почувствовать себя сильным – унижить и убить кого-то другого. Не стоит обманывать себя, надежды больше нет, мне не вывернуться. На этот раз Стриж отлетал свое, но состояние между жизнью и смертью имеет множество интересных градаций. Неплохо бы разбить голову о стену, но сразу не получится, а в несколько приемов не дадут».

Дезет приподнялся, осмотрел голые стены – лампочка высоко, к тому же не мешают браслеты. Тогда он поискал взглядом видеокамеры, не нашел и поспешно вытащил из брезентовых ботинок шнурки. Завязать нужный узел получилось не сразу, но бечева вышла достаточно прочной, вместо крюка сгодился кран. Стриж отмерил длину, закрепил самодельную веревку, опустился на колени, растегнул ворот, просунул голову в петлю.

«Это будет нетрудно – сразу, резко, лицом вперед. Главное, не держать петлю руками». Он зажмурился, глубоко вдохнул. Воздух пах горькой полынью. «Откуда здесь, в подвале полынь?» Неистово соревнуясь друг с другом, стрекотали бесчисленные цикады, садилось рыжее лохматое солнце, колыхалось огненное марево...

Стриж открыл глаза – алая пелена исчезла, не было цикад, не было полыни. Воздух в камере отдавал дезинфекцией, серели стены, нехотя тлел серо-желтый свет. Дезет потянулся скованными руками и резко, обдирая кожу, сорвал петлю с шеи. «А ведь их, пожалуй, устроил бы такой финал, – подумал он, – мой труп на коленях между сортиром и нарами, и назидательная история про изменника, который от страха повесился на шнурках».

Он развязал и распутал тугой узел. Затем, неловко ворочая скованными руками и тщательно целясь в дырочки, принялся зашнуровывать ботинки. Закончив, послал в пространство озорной жест:

– Я не стану вешаться, ублюдки – сперва отработайте жалование.

Стриж застегнул воротник, сел, сложил руки на коленях, интуитивно чувствуя, что ждать осталось недолго. Через пару минут дверь отворилась с жестяным грохотом.

– На выход.

Дезет встал и перешагнул порог, его тут же прочно взяли за локти.

– Пошел.

Он шагал между серых стен, в тусклом свете, мимо серых плоских лиц и черных мундиров. Взвыл лифт, унося людей наверх, коридор, освещенный на этот раз настоящим солнцем, привел к выкрашенной в стерильно-белый цвет двери.

– Заходи.

Стриж переступил порог. В углу, возле странной конструкции кресла, возился лысый остроносый очкарик в блеклом халате.

– Снимите с него браслеты, одежду до пояса – долой.

Сержант претории нехотя отомкнул наручники.

– Раздевайся, – сказал он.

Куртка, пробитая пулей Белочки, осталась еще в Порт-Калинусе. Стриж стащил рубашку и бросил ее в угол, на пол. Очкарик махнул в сторону кресла:

– Располагайся с удобствами.

Дезет сел на черное пластиковое сиденье, на его предплечьях щелкнули стальные захваты. Очкарик подошел сбоку, ловко потыкал в Стрижа остро пахнущим ватным тампоном и налепил датчики, потом исчез из поля зрения, устроился где-то за спиной Стрижа и монотонно затараторил:

– Вам будут предложены некоторые вопросы. Вы должны максимально правдиво отвечать только «да» или «нет». Другие ответы и посторонние реплики не допускаются...

Скучающий сержант зевнул:

– Какие все-таки проблемы с этим «нулевиком»...

– И не говорите, коллега, – согласился лысый. – От «сыворотки правды» он будет только блевать. Но нет худа без добра, из-за ошибки природы в лице этого парня пришел приказ использовать мой уникальный аппарат. Он считывает не психические излучения, а всего лишь физические реакции пациента.

Сержант скептически сморщился и пустил в Стрижа облако сигаретного дыма.

– Не верю я в вашу грудку хлама, док. В конце концов, если придерживаться стиля «ретро», то есть старые, надежные способы – дыба, иголки под ногти, электрошок...

– Ну что вы, коллега. Такого типа нужно сохранить в целостности для эшафота.

Стриж перестал слушать болтовню преторианцев. «Это не пытки, только детектор лжи. Сенсов с каждым годом все больше, на каждую собаку вешают пси-детектор. Полиграф давно вышел из моды. Ради меня они раскопали и отремонтировали музейный экспонат».

Лысый очкарик деловито забубнил за спиной Дезета набор бессмысленных на первый взгляд вопросов:

– Любите ли вы собак?

– Да.

– Принимаете ли вы наркотики?

– Нет.

– Участвовали ли вы в экспедиции, отправленной в каленусийскую Аномалию?

– Да.

– Принадлежите ли вы к подрывным группировкам на территории Иллирианской Империи?

– Нет.

– Как вы относитесь к идее о бессмертии души?

– Идите к черту.

Очкарик обрадовался:

– Прекрасно! Замечательно! Классическая картина. Не волнуйтесь, сержант, моя «старушка» на ходу и действует отменно!

Сержант презрительно фыркнул и снова потянулся за сигаретой.

Очкарик продолжал беспорядочно сыпать вопросами. Стриж отвечал, не задумываясь. Они сделали перерыв через три часа. Потом Дезета увели и первый раз накормили обедом. Он уже перестал обращать внимание на ненавидящие взгляды преторианской стражи.

Очкарик закончил труды только к вечеру. Стрижа освободили наконец от датчиков и тут же сковали наручниками. Техник просматривал записи в углу и умственно тешился результатом, а Стриж под конвоем отправился спать.

Ночь в бетонной камере пришла почти без сновидений, только под утро Дезет увидел сеть – ровную, прочную сеть из липких серых нитей. В углу, чуть левее центра, зияла рваная дыра. Он нацелился выскользнуть через дыру, но проснулся от грохота двери, так и не успев убедиться в спасении.

– Встать! На выход.

Он вышел навстречу хмурому утру, туману, мелкому морозящему дождю. Двор, все такой же стерильно-чистый, почти пустовал, Стрижа втокнули в машину, двое охранников плюхнулись по бокам, старый знакомый, офицер, влез на переднее сиденье.

– Поехали.

Взревел мотор. Кар мчался через тихий пригород, Стриж снова смотрел во все глаза – мимо проносились украшенные скульптурой арки, колосс в миниатюре – статуя императора, колоннады и портики, дворцы, скопище роскошных зданий Иллирианского университета, фонтаны, площади, с которых веером разлетались прочь потревоженные белые голуби...

Охранник усмехнулся.

– Нравится? Смотри-смотри. Недолго осталось.

Дезет пожал плечами со вновь обретенным равнодушием фаталиста.

Машина тем временем подрулила к площади Величия. Резиденция императора, украшенная с фасада пилонами, заканчиваясь куполом из металла, который имитировал платину. Растительный орнамент обильно украшал фризы, над ними, на карнизах простирала крылья каменные орлы. На свободных площадках, на почтительном расстоянии от подъезда резиденции, серебрились ряды дорогих каров.

Стриж хмыкнул, шагая по белым мраморным ступеням брезентовыми ботинками, без куртки, в наручниках, в линялой рубашке, прожженной у походных костров. Навстречу вынырнул седой, благообразный аристократ с дамой в бриллиантах. Женщина в ужасе затрясла искусственными ресницами. Ее спутник надменно вытянул желтоватое, породистое лицо.

– Возмутительно! Пойдемте, моя леди Таня. Эта безродная шваль заполонила все приличные места.

Преторианцы в ответ смерили аристократа ледяными взглядами. Роскошный портал пропустил Стрижа под своды дворца, охрана расступилась, лакеи робко жались к стенам.

– Сюда.

Статуи, лестницы, роскошная мозаика пола. Поднялся и упал за спиной бархатный занавес. Стриж вошел и остановился на пороге. Этот кабинет предназначался явно не для работы, а для полуторжественных аудиенций – не было ни книжных шкафов, ни письменного стола, ни кибера, ничего лишнего. Высокий потолок покрывала роспись, в которой смешались обвитые плющом шпаги и вздыбленные в ярости грифоны. Светильники имитировали факелы, причем не только по форме – они даже слегка мерцали. Пожилой император сидел на небольшом, в одну ступень, мраморном возвышении, в кресле из черного дерева и кожи рептилий.

Стриж открыто разглядывал властителя. Прежде им довелось встретиться лицом к лицу всего один раз: за уничтожение Центра Калассиана Дезет получал награду из собственных рук Оттона.

За прошедшие годы владыка Иллиры оплыл, стал более грузным, крупный, благородных очертаний нос с небольшой горбинкой тонул в отечных щеках. Короткие мелко завитые кудряшки надо лбом поредели, однако, смотрел диктатор Иллиры бодро и зло. Стриж пошевелил запястьями в наручниках. Пожалуй, даже со скованными руками он справился бы с Оттоном за несколько секунд... если бы не конвоир за плечом и не отсутствие у расправы смысла.

Возможно, у императора возникли сходные мысли. Оттон оглядел Стрижа с тем специфическим выражением лица, с которым люди брезгливые рассматривают отбросы.

– Снимите с него браслеты. Оставьте нас наедине.

Вышколенный преторианец выполнил опасный приказ без возражений. Стриж, привыкший за последние дни к наручникам, чувствовал себя едва ли не голым. Оттон с презрением указал бывшему сардару на стул.

– Садитесь.

Стриж сел.

– Я хочу послушать, как вы будете оправдываться. Начинайте.

– Не хочу.

Дезет сам испугался собственного озорства. Пожалуй, человеку, предпочитающему легкий род смерти, не стоило сердить императора. Оттон уставил неподвижный взгляд куда-то в диафрагму агента.

– Чего не хотите? Не хотите оправдания или не хотите доставить мне удовольствие?

– Не хочу ни того, ни другого.

Император пожевал нечто невидимое имплантированными, ярко-белыми зубами, покачал все еще величественной головой.

– Тогда я скажу вам.

...Стриж был удивлен. Через минуту его изумление достигло крайней степени и едва не перешло в восхищение.

Император Иллиры ругался. Сказать так – значило не сказать ничего. Стриж не был любителем крайних проявлений брани, однако, поневоле вращаясь в самых разных кругах, приобрел немалые познания в ругательных обычаях как Иллиры, так и Каленусии.

Слушая Оттона, он понял все ничтожество своих познаний. Оттон извергал не шквал – ураган сквернословия, всесторонне оценивая все, что касалось сути Стрижа, начиная от способов его зачатия, кончая предположительными интимными привычками самого Дезета. Стриж несколько раз с интересом отметил и вовсе незнакомые ему слова.

Правитель тем временем перешел к описанию анатомии провинившегося, особое внимание уделив свойствам его головы. Потом подробно описал генеалогию Алекса, добавив в нее наиболее колоритных представителей фауны Геонии.

Нецензурную симфонию завершил короткий, энергичный аккорд – оценка многочисленных подвигов агента. Оттон, устав, начал сдавать, в описании преобладали всего-то несколько энергичных глаголов, в качестве объекта специфического любовного действия указывались мозги – как самого Стрижа, так и Оттона. Сардар старательно выпрямлял спину под градом словесных нечистот. Правитель брызгал слюной.

Диктатор умолк. Не торопясь достал тонкого шелка кремовый платок, медленно, основательно вытер губы, щеки, вспотевший лоб, подкрашенные брови, дряблые виски.

Стриж часто, мелко дышал, стараясь не глядеть на Оттона, боясь открыть рот – он из последних сил, висая на паутинке износившегося здравого смысла, боролся со смехом.

Император презрительно посмотрел на испытывающего нестерпимые муки агента и добавил, уже спокойно, со стариковским стоицизмом.

– Ты разочаровал меня, сынок.

– Чем, ваше величие?

– Ты оказался слишком приличным человеком, а ведь я потратил на тебя столько усилий.

Сначала – чтобы найти типа с пси-нулем, потом – чтобы привить тебе нужные навыки и подставить тебя каленусийцам так, чтобы ты сам не догадывался о подоплеке дела. Потом – потом мы дали тебе хорошего адвоката и пристроили арестанта в интересующий нас проект Хиллориана. И вот, когда с таким трудом организованное дело подошло к концу, когда ты, (император выплюнул мерзкое слово), держал в руках ключ к разгадке – что ты сделал? Ты его потерял. Даже не потерял – ты его выбросил! Выбросил, занятый спасением каленусийского мусора, этих сенсешек, случайных статистов в игре. Ты меня разочаровал, сынок. Я вырастил баракло.

Оттон повел грузными плечами, почесал наманикюренным ногтем седой висок.

– Почему от меня скрыли подоплеку дела? – спросил, набравшись смелости, Стриж.

– Чтобы ты поневоле не выдал того, о чем не знаешь.

Дезет припомнил свое общение со следственным отделом Департамента Обзора Каленусии и с трудом подавил желание плюнуть в холеную физиономию властителя Иллиры.

– Значит, требование моей выдачи было блефом?

– От начала и до конца – это часть игры. Но теперь это уже не имеет значения...

– Значит, моя жизнь – вся, как есть, от начала и до конца, была создана вами?

– Да! Да! Да!

Рыхлые щеки Оттона гневно тряслись. Стриж крепко сжал сцепленные пальцы.

– Вы обманули и предали меня.

– Я тебя создал, мальчишка, ничтожество.

– Себе на потребу.

– Я дал тебе шанс стать чем-то получше обывателя, неблагодарная скотина.

– И что теперь?

Правитель задумался. Дезет ждал, не дыша. Он только сейчас заметил, как щедро испещрили кожу Оттона склеротические жилки, отметил нездоровую желтизну его белков – император сильно сдал за последние годы.

Оттон вздохнул.

– А убейся ты на все четыре стороны. Мне противен вид моей ошибки. Забирай своего щенка, и с глаз моих долой. Сколько тебе лет?

– Риторический вопрос. Тридцать пять, вашеество.

– Я накажу тебя, молодой человек – отправлю на пенсию. Получишь скромное пособие отставника, а я уж позабочусь, чтобы ты нигде в Иллире не нашел работы... по специальности. Нигде, и не надейся – тебя даже вышибалой в бордель не примут. Ты, недоумок, будешь скушать долгие годы, поливая петунии, под плотной опекой претории, кормить собаку и возиться со своим отпрыском. Марш отсюда, сволочь. Вон.

...Вольный Стриж ловко сбежал по широким ступеням резиденции. Преторианцы прощально отсалютовали и проводили его ненавидящими взглядами. Нина уже ждала во дворе, на мраморной скамье возле клумбы. Знакомая монахиня, мать Наан, сухо кивнула в ответ на приветствие Дезета.

– Спасибо, – просто сказал Стриж.

– Не за что, – ответила она и вперила в бывшего сардара взгляд пронзительно-желтых, птичьих глаз. – Я не прощаюсь, мастер Дезет.

Слегка ошеломленный Стриж проводил взглядом высокую сухощавую фигуру и лиловый колпак. «Чего она хочет этим сказать?»

Он выбрал такси, посадил девочку на широкое заднее сидение, назвал водителю адрес дешевого отеля. Дворец уже исчез за поворотом, но фигура плюющего от злости и сквернословящего императора все еще стояла перед глазами. Все надежды, тревоги и сомнения последних месяцев сквернословие Оттона, облив грязью, превратило в ничто.

«А чума с ним, с безумным правителем, – подумал усталый Стриж, – сейчас приеду и первым делом приму душ. О делах подумаю завтра. Главное, я жив, жив и свободен, у меня теперь есть это завтра».

Глава 17. Лавры, тернии, звезда

Один год спустя, Каленусийская Конфедерация, Полис Параду

Джулия Симониан оглядела собственное отражение в зеркале – черное платье, усеянное серебряными искрами, оставляло открытыми плечи, кожу покрывал персиковый, наведенный стимуляторами загар. Визажистка нанесла на ее скулы последний мазок бледно-лиловых румян.

– Спасибо огромное, Лия.

Джу простучала острыми каблучками в соседнюю комнату, Диззи, ее бывший сокурсник, а ныне – доверенный секретарь, уже ждал, сверкая очками, с портативным кибером по мышкой.

– Тебя ждут к шести в философском клубе. Ты готова, Джу?

– Да.

– Тогда вперед!

Они вместе сбежали по плавной и широкой лестнице отеля, зашуршали шины такси. Вечерний Параду вихрем летел навстречу Белочке, рассыпая искры огней. Диззи на заднем сиденье пощелкивал маленькой клавиатурой миниатюрного кибера:

– Ты помнишь, Джу, что завтра прием?

– Угу.

– Еще с тобой хочет встретиться Хэри Майер. Для разговора с глазу на глаз.

– Что ему нужно?

– Какие-нибудь факты в пользу его бредовых теорий – ты у нас живой научный экспонат...

Джу моментально обернулась и лакированным ногтем щелкнула Диззи по модельно остриженной лопухой голове. Он не менее ловко прикрылся тревожно заверещавшим кибером. Белочка давилась смехом, рискуя испортить косметику, водитель хранил невозмутимый вид.

Машина свернула в университетский квартал и встала, качали кронами кипарисы, кораллового цвета гравий хрустел под каблучками, Белочка вступила в колледж летящей походкой, высоко держа каштановую голову, по тем самым дорожкам, по которым в отчаянии брела прочь три года назад. Незнакомые, совсем еще зеленые студенточки в обрезанных ниже колен штанишках таращились на ее вечернее платье.

Клуб сиял золотистым светом, охранник, чем-то похожий на Хэла, вежливо отстранился, увидев в руке Белочки глянцевую карточку приглашения, и тут же заступил дорогу Диззи.

– Мне очень жаль – сюда нельзя.

Джу снисходительно обернулась:

– Он мой референт.

Охранник, сама корректность, покачал головой:

– Простите, госпожа – подобное исключено. Во-первых, у вас именно приглашение – лично для вас и только. Во-вторых, вход с квазиразумными устройствами запрещен – уже давно, после... после небольшого инцидента с мобильным кибером профессора Майера.

Джу закусил губу – ей смертельно хотелось отругать охранника в том стиле, что практиковался в «Виртуальных Приключениях», но вместе с тем ронять марку не хотелось.

– Диззи, ты останешься снаружи. Сходи, развейся, погуляй в парке. Там есть бар и стабильярд!

– Но...

– Никаких «но». Ты забыл? Из нас двоих босс – это я.

Диззи снял очки, протер их платком, беззащитно мигая близорукими глазами.

– Ладно, Джу. Иди, веселись. Я буду неподалеку.

Он ушел, печально растворившись в радужных переливах фонарей. Джу впорхнула в раскрытую дверь. Нарядная толпа придвинулась, окружила ее бледными пятнами лиц, звуки смешались в единый теплый, доброжелательный шелест:

– О, госпожа Симониан!..

– Добрый, добрый вечер, госпожа Симониан...

– Здравствуйте, Джу... Вы меня помните?

Джу кивала направо и налево, растягивала губы в ритуальный улыбку.

– Как я рада! Прекрасный вечер. Ну, конечно, я отлично помню вас!

(Джу никого не помнила совсем, но вежливость обязывала.) Подошел официант, она взяла с подноса опалесцирующий бокал. Пузырьки напитка щипали язык и ударили в голову. Где-то поодаль, за стеной мужских спин мелькнул силуэт Птеродактиля. Расхрабрившаяся Белочка прошагала к нему поближе:

– Здравствуйте, профессор.

– Добрый вечер, госпожа Симониан.

– Вы ничего не хотите мне сказать?

– Простите, я не хочу возвращаться к пройденной теме.

– Почему? Вы боитесь мне ответить?

Бывший декан остановился и осторожно вздохнул. Джу чуть приослабила пси-барьер – от Птеродактиля, к ее удивлению, веяло не раздражением, а тусклой старикинской печалью, окрашенной тонами сочувствия.

– Я ничего не боюсь, но вы не готовы слушать – вас интересует это...

Птеродактиль неопределенно махнул рукой в сторону яркой толпы.

– ...И все же, Джу, дам вам один совет – держитесь-ка подальше от Хэри Майера.

Птеродактиль резко повернулся, ловко обогнул бывшую студентку и зашагал прочь, похожий на тощую птицу. Опешившая Белочка лишь пожалала плечами и фыркнула. По Джу уже скользили взгляды – равнодушные и любопытные, завистливые, всякие. Она допила остатки со дна бокала, взяла второй – в висках слегка зазвенело, горели щеки.

Высокая, с плосковатой фигурой дама, затянутая голубой шелк, улыбалась, Белочке, показывая блестящие зубы.

– Рамона... (фамилию Белочка не разобрала). Рада познакомиться с лауреатом Калассиановской премии... Ваши научные заслуги...

Нетрезвая Джу решительно помотала головой:

– Мне дали эту премию не за научные труды, мэм!

– А за что?

– За... ик... за участие в научном эксперименте с риском для жизни!

Рамона восторженно закатила глаза:

– Это даже лучше!

– Ну, не знаю.

Джу ощутила легкий приступ тошноты и прислонилась к стене. Женщина не отставала, она даже взяла Джулию за левую руку как бы в порыве восторга.

– Я так бы хотела познакомиться с вами поближе! Я безумно интересуюсь пси-исследованиями. Давайте встретимся у меня?

– Но... Я... э...

– Ах, я поняла! Вас утомил этот бесконечный прием! Ни к чему откладывать, мы можем поговорить на интересующие нас темы прямо сейчас. У меня дом на побережье. Поедьте, поедьте ко мне!

Дама ловко подхватила Белочку под локоть. Одеревеневшая от выпивки Джу не знала, как вывернуться из цепких лапок незнакомки.

– Добрый вечер, дамы...

Женщина в голубом испуганно обернулась, перестав загоразивать обзор, и Джу обнаружила новую персону – загорелого высокого в элегантном костюме.

– Ты опять в своем репертуаре, Рамона. Не надо надоедать гостье. Лучше познакомь нас. Разочарованная дама стушеввалась, поджала губы и сухо объявила:

– Профессор Хэри Майер.

– Очень приятно.

Джу попыталась протянуть пси-философу правую руку и обнаружила, что все еще держит пустой бокал.

– Ой!

Хэри ловко подхватил готовую разбиться тонкую стекляшку.

– Рамона почти безумна, не берите в голову, она как шука бросается на знаменитостей.

– Профессор... э...

– Можно просто «Хэри».

– Хэри, вы не могли бы принести мне воды?

Майер сочувственно кивнул:

– Конечно. Какой сорт минералки предпочитаете?

– Все равно...

– Тогда рекомендую местную.

Майер исчез, и объявился вновь, так быстро, будто никуда и не уходил.

– Вот.

Джу отпила кристальной влаги.

– У меня звенит в висках.

– Не удивляюсь – здесь собралось столько пустозвонов! Я советую вам выйти в сад. Честное слово, будет лучше – там звенят только цикады.

Белочка кивнула, приткнула на столик пустой бокал и вышла наружу первой. Голоса, смех и музыку из клуба приглушила закрытая дверь.

– Уф. Тут и вправду лучше.

Хэри Майер серьезно кивнул. Белочка посмотрела на него исподтишка – профессор пси-философии совсем не казался грубым, а как раз наоборот – очень добропорядочным. Он шел за ней мягкими, почти не слышными шагами.

– Ох, зараза.

– Что?

– Здесь комары.

– Вам ли, отважная Джулия, бояться комаров! Честное слово, я восхищен вашей ролью в деле Аномалии. Это сказано искренне, не комплимента ради, можете мне поверить.

– Ну, моя роль там не такая уж большая...

– Не надо скромничать. Кстати, ваши компаньоны по экспедиции... Что стало с этими людьми? С ними можно встретиться?

Джу остановилась и внимательно посмотрела Майеру в лицо. Он улыбался в ответ – открыто, честно, даже несколько простовато. Белочка припомнила предупреждение Птеродактиля, сняла пси-барьер и безо всякого стеснения «прошупала» Майера. Результат обескуражил – выпитый алкоголь словно бы сместил незримый прицел, ментальные силуэты псевдо-Майеров двоились, со стороны наискосок лезло нечто и вовсе сомнительное

Джу хихикнула. Майер шагнул поближе, придвинулся почти вплотную.

– Вы слышите меня, Джу? Где они?

Белочка внезапно протрезвела – по полуобнаженной спине потянуло холодком.

– Кто – «они»?

– Ваши друзья по экспедиции.

– А зачем вам это знать?

– Я исследователь, Джу. Добывать знания – моя профессия. Так где они?

– Я не знаю. Вернулись домой, наверное.

– И вы больше не встречались с ними, не пытались восстановить контакты?

– Нет. А зачем?

Хэри замешкался с ответом, и Джу поспешила поставить точку:

– Я не хочу обсуждать этот вопрос.

Майер среагировал с шутливым ужасом.

– Разума ради, простите меня за любопытство. Я не сенс, но мне кажется, у вас возникли дурные мысли. Клянусь! Моя бестактность не имела никаких мотивов, кроме любопытства. Очень жаль. Быть может, мне уйти?

Джу энергично помотала головой:

– Нет-нет! Мне интересно вас слушать. Расскажите мне еще раз про свою теорию.

Она слушала, поражаясь четкости, емкости и краткости объяснений Майера. Ничего (или почти ничего) нового она не узнала, но безумие идеи с лихвой компенсировалась убежденностью рассказчика. Джу на миг зажмурилась и снова представила Воронку – полыхнуло желтой терракотой, едко повеяло дымом. Она поспешно открыла глаза, возвращаясь в мягкую ночь ранней осени.

– Вам плохо, Джу?

– Нет.

– Кстати, вы не проверяли свое состояние после возвращения?

– Меня осматривали в госпитале.

– И подробные ментальные тесты сделали?

– Без моего согласия? Конечно, нет.

– Вы не согласились?

– Нет. Не люблю, когда лезут в голову – это как холодная медуза в морской воде по голому животу.

Хэри расхохотался – открыто, не пытаясь давить смех.

– Отменное сравнение! Кстати, зря. Вам надо бы проверить свое состояние. В конце концов, ваш дар уникален. Любая драгоценность требует, если хотите, ухода, она от этого сияет ярче, – Майер взглянул на часы. – Полночь. Сейчас в лаборатории пусто. Хотите, я сам проверю вас, конфиденциально?

– А так можно?

– Отчего бы нет? Пошли.

Они пересекли небольшую лужайку и выбрались к заднему двору лабораторного корпуса.

Хэри достал из кармана штырь с насечками – механический ключ.

– Вот это да! У вас тут не пси-турникета?

– Предпочитаю старую, надежную механику.

Профессор ловко поковырялся в замке и гостеприимно распахнул дверь.

– Прошу!

За дверью пахло пылью. Неподалеку громоздились угловатые, заброшенные конструкции.

– Не обращайтесь внимания. Это временный чулан. Направо, пожалуйста, здесь служебная лестница, держитесь за перила...

Шаги гулко отдавались в лестничных пролетах, под сводами полутемных коридоров металось эхо. Джу удивилась атмосфере заброшенности.

– Что-то здесь не то. Пусто очень.

– Конечно, сейчас ведь ночь.

– Нет, я хочу сказать – много пыли... и все такое...

Она прикусила язык, едва успев удержать слово «необитаемое». Хэри беззаботно расмеялся:

– О да, здесь плохо убирают.

Майер остановился у глухой двери и снова, на этот раз несколько нервно, загремел ключами. Джу вошла следом и осмотрелась. Лаборатория казалась вполне обитаемой – раскрытая книга на столе, пакет из-под печенья в мусорной корзине, несколько киберов вдоль стены, установка для тестирования, потертые простые стулья.

– Присаживайтесь, я сейчас...

– Вы куда, Хэри?

– За своим походным кофейником. Я не работаю без кофе.

Белочка села на стул, попробовала покачаться – шаткая мебель едва не развалилась. Прошло минут пять, Майер не появлялся. «Почему он интересуется Иеремией и Дезетом? – подумала Джу, – я не знаю где они. Проповедник вернулся в свою деревню, а вот Стриж, мне сказали, сменил имя и исчез как дым... Стоп! А с чего я взяла, что это правда?»

Белочка перестала качаться на стуле, ошарашенная новой мыслью. Затем встала со стула и подобралась к терминалу кибер-сети. У него не было ментального ввода, зато можно было действовать голосом и вручную – неплохая страховка от непрошенных мыслей.

– Старт!

Система ожила, дрогнула и расцвела серая поверхность экрана. Ответ пришел не звуком, а текстом.

– *Отработано.*

– Вход в справочную систему. Раздел «Адресная книга Каленусии», поиск по ключу «Александр Дезет»...

– *Ждите...*

Белочка нервно забарабанила пальцами по крышке стола.

– *Готово. Персона не найдена. Расширить поиск для сходных имен?*

– Не надо. Сброс...

«Это бесполезно – все равно, что искать песчинку в куче песка», – подумала Джу.

– *Система ждет указаний.*

– Ладно. Система, вход. Раздел «Адреса на территории Иллирианской Империи, ключ «Александр Дезет», старт!

– *Прогнозирую долгое ожидание ответа.*

– Давай-давай, без отговорок.

Система долго молчал, его ответ почему-то казался неуверенным, словно бы сменился шрифт строки.

– *Не найдено.*

Джу вздохнула – наполовину с разочарованием, наполовину с облегчением. «Пустышка. А впрочем...»

– Система, повторить!

На этот раз ответа пришлось ждать недолго.

– *Персона зарегистрировала уникал-номер на территории Иллирианской Империи всего полторы минуты назад.*

– О, зараза!

– *Команда не распознана.*

– Не важно. Живо – координаты и адрес уникал-сети.

Джу вытащила из скрытого кармашка носовой платок и острый кусочек пластикового карандаша – записала на ткани адрес и длинный код. За дверью раздались шаги.

– *Система, отбой.*

Экран мгновенно погас. Джу напустила на себя равнодушный вид. В распахнутую дверь, широко улыбаясь и держа в руках кофейник, вошел Хэри Майер.

– А вот и я... Хотите чашечку?

– Не-а.

– Зря. Я старался ради вас.

– Пейте сами.

– Не могу, я уже выпил дневную норму. – Майер вздохнул. – Ну что ж, если не хотите, тогда начнем...

Белочка почему-то поежилась:

– Может быть, в другой раз?

– Ни в коей мере. Другого случая может не представиться. Садитесь, садитесь в кресло, Джу.

Она опустила на скользкий холодный дерматин.

– Наденьте шлем.

Она опустила сплошной колпак на лицо, края шлема врезались в плечи.

– Он неудобный.

– Джу, дружок, потерпите – это не долго. Ну, для науки, ну пожалуйста...

Белочка сорвала конструкцию с головы.

– Что?!

Майер отшатнулся, любезная улыбка сползла с загорелого лица.

– Я сказал, что не долго. В чем дело? Чего вы испугались?

– Вы сказали – для науки. Хотите поставить опыт?

– Нет! Джу! Стойте, Джу! Простите, я оговорился!

Остатки алкоголя выгнали в крови, Белочка швырнула шлем прямо в лицо зазевавшегося Майеру, тот едва успел заслониться руками. Колпак с треском рухнул в грудку оборудования, тонко зазвенело разбитое стекло.

Джу выскочила в гулкую, пустую темноту коридора, каблучки стучали по пыльному мрамору полов – топот стоял ужасный. Майер, похоже, настигал – Белочке мешало длинное, роскошное платье. Она побежала изо всех сил, коридор сделал резкий поворот и влился в огромный, пустой зал.

Застекленный потолок терялся в высоте, сквозь стекла не пробился рассвет, посреди зала находилось нечто вроде арены, от которой амфитеатром расходились ряды пустых парт, в самом центре красовался огромный, в два человеческих роста, глобус Геонии. К его подножию пристроился маленький пульт.

«О, Разум, я свернула не туда, здесь нет выхода, и мы с Майером одни во всем здании».

Она подбежала к окну, рванула наглухо запечатанную раму, стащила с ноги туфлю и ударила по стеклу. Обломки с хрустальным звуком рухнули вниз, на холеные газоны. Белочка высунулась в пробитое отверстие.

– Диззи! Диззи! Помоги!

– Молчите! Не надо поднимать крик, будет только хуже...

...Майер стоял на пороге.

Джу, взвизгнув, упала на четвереньки, и, не поднимая головы, проворно проползла между рядами столов. Майер, похоже, потерял ее из виду.

– Эй, Джу! Вы где?

«Так я тебе и отвечу, дожидайся».

– Ну, вылезайте же.

Прижавшись к подножию стола, она представляла себе, как Хэри оглядывает ряды одинаковых парт.

– Ну, берегитесь!

Раздался шелчок на пульте – глобус осветился изнутри ядовито-голубым светом.

– Нет, не то.

Еще шелчок. Яростный свет ламп залил дальний сегмент зала. Джу подобрала подол платья, сжалась в клубок.

Снова шелчок – наугад. На этот раз осветился соседний ряд. Нервы Белочки не выдержали – она вскочила, сбросила туфли и метнулась к выходу.

– Сукин ты сын!

Она летела, не оглядываясь, шарахалась в стороны от дверей, тупиков, забытых в полузаброшенных коридорах стеллажей.

– Диззи! Диззи, сюда!

Никого. Хэри сквозь разбитое окно крикнул куда-то в осеннюю ночь:

– Эй, Эшли! Я упустил девчонку. Теперь встречайте ее на выходе.

– Вы что – дегенерат? Мы поднимем на ноги всю округу.

– Сами вы дегенерат Здесь не ночуют, учебный квартал. Да ловите ж ее, чума вас возьми!

На выходе.

– На котором? Их тут не меньше трех.

– А я знаю?!

Джу припустила еще проворнее. Лестница – то ли знакомая, то ли нет – подвернулась неожиданно, беглянка почти скатилась вниз, цепляясь за перила.

– Диззи! Диззиииии!!!

– ...Я здесь.

Белочка ощутила волшебную радость спасения, бросилась вперед, расталкивая жесткие кусты.

– Диззи!

– Джу!

– Ох, как я рада тебе...

– Что случилось?

– Потом расскажу. Давай, сваливаем отсюда.

– погоди, Джу! Постой, не торопись. Я тут в траву очки уронил.

– НУ ЭТОГО ЕЩЕ НЕ ХВАТАЛО!!! Меня сейчас убьют. Это сумасшедший Майер, с ним целая банда.

– Тогда ты беги первой. Вызови полицию. Может, встретишь патруль или возьмешь такси.

– А ты?

– А что со мной сделается? Я совсем обыкновенный и им не нужен.

Диззи нагнулся, неловко шаря под ногами. Джу рванула вперед по траве, обогнула какую-то абстрактную скульптуру, перелезла через низенькую ограду. В оставленном позади парке ей почудился короткий крик. Стоянка машин оказалась безлюдной – ни водителей, ни прохожих, ни патрульных. Белочка вытащила уником и набрала код полиции, но ответил не человек, а кибер, который монотонно бубнил стандартные вопросы.

От отчаяния захотелось взвыть. «От меня не останется ничего, никто даже и не хватится. А если хватятся – не станут искать. А если станут – не найдут. Когда люди из клуба протрезвеют, им будет плевать».

Белочка вытерла глаза, вытащила чудом сохранившийся в безумном беге платок, набрала код Дезета и одно лишь слово «SOS». Сквозь кусты уже ломались треском. Едва Джу успела забросить уником подальше, как на площадку вывалились пятеро мужчин.

– Вот она!

Джу стояла прямо, скрестив руки на груди.

– Вы зря бегали, свободная гражданка – создали нам проблему, а себе кучу неприятностей.

Подошедший к ней человек не походил ни на ученого, ни на бандита, в нем было что-то от подтянутого, спортивного склада аристократа – четкие прямые брови, тонкий нос, идеально белая футболка под хорошей рубашкой.

– Мне не хочется применять излишнее насилие. Вам некуда бежать.

Джу упрямо молчала. Под свет фонаря выбрался изрядно запыхавшийся, какой-то помятый Хэри. Белочка со злорадством отметила, что под глазом грубияна наливаются рыхлый синяк.

– Кто вы такие, чтобы приказывать? Я сейчас буду кричать.

«Аристократ» дернулся, словно собираясь зажать беглянке рот.

«Они не из Департамента, – поняла Джу, – люди из Обзора не стали бы скрываться. Великий Космос! Это неизвестно кто – им убить меня, что раз плюнуть».

Майер потрогал набрякшую скулу и грустно покачал головой:

– Вылезайте, девушка. А вы, Эшли, сами создали свои проблемы. Надо было брать ее на выходе. Ваши люди крепко напортачили, этот парнишка, ее напарник, похоже... того.

«Они убили Диззи. – Джу ощущала бессильную ярость, стыд и пронзительное горе. – Диззи умер вместо меня».

Аристократичный Эшли окинул профессора ледяным взглядом:

– Это ваша вина. Мальчик был неучтенным фактором. Кто обещал нам доставить эту женщину без проблем?

– Поймите, она псионик! Я уже надел на нее шлем, слабенький электроразряд – и был бы замечательный, длинный, безвредный обморок. Но попробуйте что-нибудь утаить от сенса...

– Она не накроет нас ментальной наводкой?

– Не беспокойтесь – алкоголь отлично блокирует эту способность.

– Для вашего же блага, Майер, надеюсь, что это так.

Эшли повернулся к Джу:

– Гражданка, вам нечего бояться. Мы сознательные бойцы, а не бандиты. А вам, Майер, можно простить первый прокол. Уходим. Революция не забудет вас, Хэри.

Профессор отвернулся в сторону и вяло махнул рукой, то ли принимая скупую хвалу, то ли отмахиваясь от возможных благодарностей революции. Он попытался почистить измазанный зеленью костюм, потом виновато щурясь повернулся к Джу:

– Простите меня, Разума ради. Поверьте, у меня не было выбора.

Белочка мгновенно отчеканила ответ:

– Идите вы в задницу.

Эшли одобритительно кивнул:

– Вы свободны, Майер. Гражданка, садитесь – да, да, прямо на газон, и закройте, пожалуйста, глаза.

Белочка нехотя подчинилась, догадываясь о последствиях. С закрытыми глазами она досчитала до пяти и ощутила на своем лице холодную струю распыленного из баллончика релаксанта.

Последняя мысль оказалась почти бесстрастной – Джу представились выжженные ушедшим зноем пустоши восточных равнин, седая полынь, треск цикад, редкие валуны, хмурые отроги восточных гор. Еще восточнее, на чужой земле, там, где густая зелень перемежается с серо-розовым мрамором Порт-Иллири или с его же ветхими трущобами, в этот момент тихо зазвенел уником.

Глава 18. Полет Стрижа

Иллирианская Империя, Порт-Иллири

Лохматый пудель сомнительных кровей, спущенный с поводка, носился по дворику. Нина с пронзительным писком бегала за ним, семена ножками. Стриж с ремешком в руках снисходительно ждал, пока наиграются собака и ребенок. Через забор соседского дома, увешанный цветными пеленками, перегнулась толстая, в мелких редких кудряшках пожилая женщина:

– Мастер Алекс!

– Что?

– К вам мячик моих мальчишек не залетал?

– Нет, леди Полина.

Толстуха фыркнула:

– Я могу подумать, что вы издеваетесь над теткой Полли. Какая из меня леди?

Стриж сокрушенно покачал головой, и ответил, стараясь приглушить озорной огонек в глазах:

– Вы очень большая леди, Полли.

Толстуха взвизгнула от смеха, махнула в сторону Дезета рваным полотенцем:

– Хулиган.

Она улыбнулась неожиданно лучезарной, почти прекрасной улыбкой, и оперлась о заскрипевшую ограду крепкими руками работницы:

– Вот я смотрю – вы целыми днями дома, мастер Алекс. Никуда не ходите, с забулдыгами нашими компанию не водите, в пивной штаны не просиживаете, и, кажись, не работаете нигде. Я все думаю – и на что вы живете? Если бы не ваша обходительность, подумала бы – вор или рений гад.

– Кто?!

– Рений гад. Тот, кто сеет смуту против императора.

Стриж, словавшись пополам, неистово захохотал.

– Правильно говорить «рenegат», Полли!

Женщина насупилась. Дезет, отсмеявшись, покачал головой:

– О нет, Все гораздо проще – я бывший военный. Не работаю, потому что нет работы, живу на пенсию отставника.

Полли сморщила толстый нос и поправила валик, свернутый на затылке из полуседых волос.

– А все ж мне сомнительно. Знаем мы, вашего брата, солдата.

Пудель с суматошным лаем еще раз пробежал по кругу.

– Бесплезная у вас собака, мастер Алекс. Хоть бы шерсть с нее снимали, а то только жрет и шумит, пакость одна. Мой брат мутанта-терьера держал...

Стриж отвернулся от болтливой соседки. «Нет уж, Полли, – подумал он. – Я не стану держать таких терьеров. Каленусийцы использовали их для ловли беглецов. Я помню того человека, который ушел всего не сто метров, потом упал, сбитый с ног, его шею, сгрудившись, рвали собаки-мутанты».

– Мы непременно это обсудим, но попозже.

Стриж повернулся и ушел в дом, прерывая разговор. Единственная комната с аккуратно выбеленными голыми стенами. Узкая койка у стены, детская кроватка, дощатый стол. Оттон Иллирианский честно держал прощальное слово – попытки найти работу до сих пор заканчивались плачевно. Люди просили документы, заглядывали в Систему, одни были подчеркнута грубы, другие просто отказывали. «Меня занесли в черный список».

Поначалу ошеломленный спасением, Стриж не понимал, почему император пощадил его. Осознание пришло в свой черед. «Старик хочет, чтобы я сдался, приполз к нему на брюхе, взмолился о прощении, благословляя твердую руку повелителя».

Дезет грустно улыбнулся. «Он спихнул меня на дно, в нищету, и ждет».

Толстой, болтливой тетке Полли не следовало отказывать в наблюдательности – бывший сардар тщательно избегал грязных и веселых кантин предместья. Отчасти из осторожности, отчасти по другой причине. Всякий раз, когда Стриж тайно, в одиночестве прикасался к бутылке дешевого коньяка, он давал себе слово, что этот раз – последний. С начала осени таких последних набралось уже полтора десятка...

«А впереди не дни – годы». Дезет подошел к двери.

– Нина!

– Я здесь, папа! Можно, я еще погуляю...

– Хорошо, только не ходи за ограду.

«И все-таки мне повезло, – подумал Стриж, – если бы Оттон приказал им заняться Ниной, я бы сдался... Я бы сделал, сказал и подписал все, что угодно – любую низость». «Любую? – съехидничал внутренний голос. – не ври. Ради будущего Нины должен был ползать у ног императора, но ты не стал. На самом деле даже этого не нужно. Оттону хватит малого – признания, что он всегда прав. Потешь старику самолюбие и помирись с ним».

– Не ври мне ты, лукавый голос. Старик измажет меня в собственном дерьме и снова подставит, с одной только разницей: в прошлый раз я хотя бы верил в целесообразность кровавой бани, а сейчас – нет.

Голос смутился и умолк. Стриж достал початую бутылку коньяка, тщательно отмерил минимальную дозу. Маленький ребристый стаканчик одиноко стоял на голом деревянном столе.

– За здоровье его величия, доктора права, известного гуманиста, императора Иллирианского, великого и милосердного ублюдка Оттона! Да ляжет ему земля под ноги колдобинами на долгие годы.

Дезет поднял стакан и выпил порцию залпом, огненная влага обожгла горло. Сердито звякнул единственный ценный предмет в комнате – недавно купленный на задаток пенсии уник. Стриж нехотя потянулся к прибору.

– Слушаю.

Неопределенного пола голос кибер-оператора отдавал металлом и обидой:

– Абонент, почему вы неделю не принимали текстовые сообщения?

– Не понял...

– В вашем контракте с компанией сказано, что сообщения вам доставляют только по запросу. Вы их не забирали. База переполнена. Произвести очистку?

Стриж потер виски.

– Я понятия не имел, что мне кто-то пишет.

– Вы бывший военный, льготный клиент. Таким следует быть аккуратнее, мы вас обслуживаем в убыток себе. Запустить удаление?

– Да... Впрочем, нет. Много там писем?

– Одно, поставленное на цикл повторения.

– Тогда забираю.

Кибер тут же отключился. Уник ожил, высветив идентификатор отправителя – длинный, совершенно незнакомый номер и лаконичную запись недельной давности: «SOS».

– Космос и Разум...

Стриж списал номер на оборотную сторону неоплаченного счета, погасил экран, убрал коньяк. Потом он сорвался с места, дошел до двери и тут же вернулся к столу.

– Спокойно, спокойно. Это, вероятно, ловушка. Работа Оттона или Департамента Обзора. Тебя надувают, парень. Не надо дергаться.

Дезет переждал, пока успокоится пульс, не торопясь встал, с трудом сохраняя маску невозмутимости, вышел во двор.

– Леди Полина!

– Что, мастер Дезет?

– Я отлучусь ненадолго, присмотрите за Ниной. Вы можете взять ее к себе в дом? Мне так будет спокойнее.

– Давайте девочку сюда.

Стриж поднял ребенка на руки, передал в сильные женщины, чуть подумав, перебрисил через заборчик и собаку.

– Ну, я пошел.

Он отпер калитку и выбрался на пыльную, узкую, мощеную битой плиткой улицу. Редкие кроны пирамидальных деревьев не трепетали – над нищей окраиной Порт-Иллири застыло томительное безветрие. Смог каров, казалось, повис в воздухе навек. Вскоре разбитая мостовая кончилась, сменившись плотно укатанной грунтовой дорогой. Район трущоб разительно отличался от фешенебельно-имперской роскоши центра Порт-Иллири – никаких арок, портиков, фонтанов и статуй. Хибары из дешевой псевдо-фанеры громоздились в два этажа, некоторые из них заметно завалились и стояли благодаря подпоркам, на которые пустили обрубки украденных в порту балок. В трущобах шла своя особенная диковатая жизнь. Полдень еще не наступил, но кучки слонявшихся без дела молодых мужчин попадались там и сям. Некоторые покуривали в тени, прислоняясь к ветхим стенам, двое сосредоточенно возились у полуразобранного кара со сбитыми идентификаторами. Эти двое нехотя оторвались от работы и проводили Стрижа настороженными взглядами.

Поперек узких улиц, от дома к дому тянулись веревки, провисшие под гроздьями мокрого белья. Витали ароматы пеленок, сомнительной выпивки и пережаренного лука. В подвальных нечто копошилось – то ли в полуподземных этажах держали дешевый блудоторий, то ли там промышлял пси-наводками нелегальный сенс. Из обшарпанных дверей то и дело выныривали потертые субъекты с остановившимися глазами и бледными лицами.

Стриж шел мимо, стараясь не смотреть по сторонам. Публика такого сорта обычно воспринимала прямой взгляд как вызов на драку.

Ближе к морю хибары поредели, сменились пустырями, длинными сараями из рифленого металла, аккуратными, безликими домиками портовых рабочих. Приближались доки. Дезет остановился, припоминая дорогу. Справа маячил покосившийся, заляпанный грязью и высохшими брызгами дождя указатель:

Сестринство Святого Разума. Храм №11

Стриж двинулся напрямую, перепрыгивая через вырытые кем-то, да так и забытые канавы. Храм оказался маленьким, выстроенным из пенобетона зданием с плоской крышей. Молитвенный дом, общежитие монашек и небольшую площадку для каров окружала изгородь из металлической сетки с запертыми на задвижку воротами. Стриж вздохнул и придавил кнопку звонка. Ему открыла молодая монашка – некрасивая рыженькая девушка в лиловом колпаке.

– Могу я видеть мать Наан?

– Она принимает кающихся.

Дезет подавил улыбку – воскресший пережиток древних культов Матери, обычай ставить исповедницами пожилых женщин, представлялся бывшему сардару чрезвычайно забавным.

– Может быть, она примет меня?

– Вы хотите исповедоваться?

«Нет», – подумал Стриж и все же утвердительно кивнул. Девушка провела Дезета в маленький полутемный храм и указала в сторону зашторенной кабинки.

– Идите туда.

Стриж отдернул штору. Свет падал откуда-то слева и сверху, широкое решетчатое окно отделяло кающихся грешников от исповедницы.

– Добрый день!

– А, это вы...

Стриж поневоле поежился – желтые, словно у совы глаза монашенки не мигая, смотрели сквозь решетку.

– Простите, мать Наан, я обманул вашу служанку. Мне не нужна исповедь, но у меня есть просьба... Вы принимаете смиренные просьбы у таких, как я?

– Чего вам надо, святотатец?

– Выход в в кибер-сеть. Клянусь – ничего противозаконного. Просто частное дело. Я хотел бы разрешить его наилучшим образом. Быть может, святая атмосфера этого дома...

Монашка прервала его резким жестом сухой руки.

– Хватит! Не глумитесь над тем, чего не понимаете. Роза! Роза!

На крик поспешно явилась уже знакомая Стрижу рыжеволосая послушница.

– Проводи мастера Дезета. Нет, не на выход – в читальню, пусть воспользуется моим терминалом. Потом покажешь ему выход. И позаботься, чтобы он не вертелся здесь дольше необходимого.

Роза в лиловом колпаке, смиренно опустив раскосые козы глаза, засемила куда-то вглубь храма. Стриж следом за ней вошел в убогую комнатку, заставленную шкафами. Отсутствие пыли на томах проповедей указывало на то, что ими пользовались довольно часто. Терминал кибер-сети притулился в углу. Дезет устроился на колченогом стуле. Монашка, по-видимому, и не собиралась уходить.

– Подождите снаружи, Роза.

Девушка нехотя вышла. Стриж вытащил из кармана смятую бумагу, распрямил, разгладил ее на столе.

– Система, готовность! Раздел «уником-справочник», ключ 12738465, поиск абонента. Старт!

Старый кибер долго молчал. Потом выплюнул на экран обведенное тонкой ретро-виньеткой сообщение: «Анонимный абонент на территории Каленусийской Конфедерации».

– Отбой.

«Для Департамента слишком кратко, а Оттон ни при чем, – подумал Стриж. – Это она, доказательства минимальны, но достаточны». Он отодвинул стул от терминала и устроился так, чтобы в окно было видно пыльную дорогу, сетку ограды и наглухо закрытые ворота.

«Итак, случилось нечто экстренное. Я не буду гадать, что именно, примем это как данность. Записка – предупреждение об опасности, но в основном крик о помощи. А теперь, птица Стриж, пришла пора принимать решение – кому и зачем мы будем помогать...»

Дезет на минуту закрыл глаза, потом открыл их. За окном ничего не изменилось, только к воротам робко подошла стайка худых, пыльных кур.

«Не будем обманывать себя, мое первое побуждение – рвануть туда. Но только стоит ли прислушиваться к первым побуждениям, а? Ты гоняешься за иллюзиями, Стриж – леди сострадательница тебя не любит. Точнее, она любит каждого, кто чувствует себя паршиво, и ровно столько времени, сколько он чувствует себя паршиво. Она не виновата, такова ее ментальная природа».

Дезет выглянул в окно – никого. Куры сгрудились в кучку, явно собираясь штурмовать ограду.

«Любой сострадатель – человек извращенной природы, он замкнут на ощущения своего пси, ловит обрывки чужих жизней, ниточки мыслей, ключья стремлений. Я нулевик, я для нее феномен-загадка, она не может меня прочесть и отставить в сторону. Только поэтому ее интерес продержался чуть подольше. Как ты думаешь, Стриж, чем она занималась, когда тебе грозил эшафот? Когда тебя били в претории и проверяли там на детекторе лжи? Когда ты стоял перед императором Иллирианским, отказываясь по холуйски отвечать нашему жизнерадостному маньяку?»

Куры успешно влезли на гребень сетчатой ограды и теперь оглядывали окрестности.

«Сострадатель милосерден, – подумал Стриж, – в этом его бесконечное обаяние. Но он же идеальный эгоист. У нашей Джу великое качество – она, совсем не затрачивая усилий, умудряется каждого встречного призвать на службу себе... Итак, что я сейчас буду делать? Я сейчас вернусь домой и забуду об этом деле. Или нет – я буду помнить только о потенциальной опасности. Кто предупрежден, тот вооружен. Спасибо. Спасибо вам, леди Джулия Симониан...»

– Роза!

Послушница явилась так быстро, словно подслушивала под дверью.

– Проводи меня на выход.

Во дворе суматошные куры нашли на асфальте червяка и сейчас жадно рвали его на части. Стрижа прошел к воротам, расшвыривая прожорливых клуш пинками.

– Не стой как чучело, открой калитку.

Девушка с козыми глазами поспешно отдернула засов и, испугано приоткрыв рот, уставилась на Дезета.

«Что я делаю? Что я говорю? Я схожу с ума», – подумал Дезет. Он помедлил перед распахнутыми воротцами.

– Наан все еще в исповедальне?

– Да, мастер.

– Отведи меня обратно – я забыл ее поблагодарить.

Под своды храма Стриж вошел решительно, свет в кабинке падал все так же, сверху слева, бросая решетку теней на бледное лицо женщины.

– Простите, леди Наан, мне нужен совет.

– «Мать Наан».

– Пусть будет так, но совет мне нужен все равно.

– Я не советую без исповеди.

– Поймите, госпожа, я атеист и не хочу оскорблять вашу веру своим притворством.

– Тогда отправляйтесь за советом в другое место.

– Но я доверяю именно вам.

– Вы хотите пользоваться храмом для своих моральных нужд, но не желаете уважать установленные здесь обычаи.

Дезет устало вздохнул.

– Ладно. Если так положено, раз вы не цените собственное время и спокойствие, я расскажу вам кое-что о себе. Я буду считать это рассказом, вы можете считать исповедью. Лады?

Монахиня кивнула.

– Хорошо. А теперь начнем. Несколько лет назад, на войне, мне пришлось расстрелять одну женщину...

* * *

Когда Стриж закончил рассказ, мать Наан пожала угловатыми плечами.

– Думали удивить? Ветераны пограничного конфликта приходят ко мне с историями и похуже. Вы отличаетесь лишь тем, что «нулевик», и дело раздули каленусийцы, так что не вижу причин заноситься. Но я вас не оправдываю, такие дела – настоящая мерзость.

– Или ты убьешь, или тебя убьют. Впрочем, со мной посчитались по каленусийским правилам.

– Вашими страданиями мертвых не поднимешь.

– Я знаю.

– Вы хотели совет?

– Да.

– Тогда спрашивайте.

Стриж рассказал про уником-сообщение, не скрывая зыбкости предположений. Монахиня, выслушав, в сомнении покачала головой.

– Вы просто хотите спасти кого-нибудь и убедить себя, что поэтому правы во всем.

– Да. Нет. Я не знаю.

– Отправившись туда, вы снова вступите на роковой путь насилия.

– Так что мне делать – оставить мою знакомую умирать?

– А как вы думаете остановить своих неизвестных противников?

– Любыми способами. На месте будет видно.

– Тогда лучше оставайтесь в Порт-Иллири и не умножайте зла. Жизнь любого человека равно бесценна. Я не могу дать вам отпущения, пока вы не согласитесь с этими тезисами.

Стриж поразился сам себе – впервые за последние месяцы он ощутил приступ самой настоящей неудержимой ярости.

– Вот, холера! И за такими советами я к вам пришел?! Насилие было всегда. Вы живете в уюте и безопасности, укрывшись за оградой, вам дела нет до тех, кто в крови и дерьме защищает ваш замкнутый мирок. Семь лет назад, в Ахара, мои люди поймали мародера. Он обдирали амуницию с тел, заодно промышляя грабежами беженцев. Где-то в поле этот человек поймал каленусийскую женщину, старуху, простите, леди, такую, как вы. Он перерезал ей горло для удобства и надругался над трупом. Парни застучали его как раз за этим занятием. Я расстрелял его, на месте, как будто убрал грязь. Так что скажете – я и в этом убийстве должен раскаиваться?!

– Жизнь любого человека...

– Да он бы и вас убил при случае, таким ублюдкам все равно, иллирианка вы или каленусийка. Хватит! Меня мутит от вашей проповеди. Справедливость я ставлю выше милосердия.

Наан гневно сверкнула желтыми как у совы глазами.

– Ага, для других. Но не для себя.

Дезет чуть не подавился.

– Это вы про дела моего каленусийского адвоката? Спасибо за сравнение, это прямо в точку. Все. Я ухожу. Отпущения вы мне не дадите, отлично. Оно мне, собственно, и не нужно. Ваш совет сидеть, сложа руки, я тоже отвергаю. Может, я нераскаявшийся грешник, но я не предатель.

Он выскочил из маленького храма под вечеряющее небо. Ветром нагнало тучи, они отливали тревожным багровым светом. Послушницы нигде не было нигде, Дезет сам отодвинул засов.

– Эй, постойте!

Он оглянулся. Размытый сумерками силуэт монахини замер на пороге храма.

– Вернитесь!

– Не хочу.

– Пожалуйста. Я вас настойчиво прошу задержаться.

Стриж нехотя остановился.

– Ну и?

– Посмотрите сюда. Это вам следует взять с собой.

Стриж равнодушно отвернулся.

– Я не ношу на себе священных символов и талисманов.

– Вы хотя бы взглянули, упрямец, прежде чем отвергать. Это карта на предъявителя. Деньги из моих личных средств.

Стриж растеряно повертел в руках гладкий пластиковый прямоугольник.

– Спасибо. Чем я вам теперь обязан?

– Ничем. Впрочем... Не вертите, постойте спокойно – я хочу благословить вас... Вот так. А теперь – уходите. Желаю вам вернуться живым.

Дезет на секунду склонил голову, подождал, пока сухая фигурка монашки не исчезнет за дверью, потом выпрямился и вышел на дорогу. Сумерки повеяли холодным, сухим осенним ветром, на изрытой дороге невесть откуда набежавший маленький смерч крутил облако пыли. Стриж, не обращая внимания на уколы песчинок, подставил лицо ветру. Вдали безмолвно и грозно сверкнуло. Через полминуты раздался приглушенный раскат грома.

«Мне надо торопиться, – подумал Стриж, – Предстоит долгая дорога, к тому же ночью придет циклон».

Глава 19. Чужая земля

Каленусийская Конфедерация

Спустя многие годы события осени 7006-го года, прикрытые дымкой времени, как в плохой оптике утратили ясность очертаний.

Первопричина событий, потрясших основы, оставалась неясна – затерялась в море сводок Департамента, осталась в залежах архивов претории, или, избежав пристального внимания, исчезла в потоке обыденных мелочей.

Достоверно известно немногое. Осенью 7006 года человек по имени Александер Дезет, оставив свою малолетнюю дочь в одном из иллирианских женских монастырей, поднялся по трапу лайнера и пересек границу, не встретив явного противодействия ни от иллирианских, ни от каленусийских властей.

Отсутствие такого противодействия выглядит достаточно странным, но факты от этого не меняются и точных объяснений а широкая публика не получит никогда. Страсти и амбиции героев канули в прошлое, оставив по себе память и смутив умы потомков, но это спустя годы. А пока...

* * *

– ... Вот негодяй поиметый.

– Простите, шеф, вы что-то сказали?

– Да, я сказал именно то, что вы слышали, Аналитик.

Фантом, шеф Департамента Обзора, нервно мерил шагами диагональ кабинета. Аскетически-изысканная – сталь и стекло – обстановка навевала мысли о стерильно-чистой утробе холодильника. Стужи подбавлял особенные ледяной гнев шефа.

– За что вы меня так?

Новый (не популярный у начальства) Аналитик, утвердившийся в Департаменте после самоубийства Элвиса Миниора Лютиана, похоже, не отличался ни отвагой, ни неповторимым колоритом предшественника.

Фантом досадливо поморщился.

– Не напрягайтесь, словечко ушло не в ваш адрес. Я хотел сказать «проклятый, Мировым Разумом поиметый иллирианец».

Аналитик вздохнул.

– Мы бессильны, шеф. Формально он легальный турист. По условиям мирного договора мы сами обязали иллирианцев выпускать в Каленусию всех желающих.

– Ну и?

– Наши ослы в сенаторских мантиях вкупе с президентом Бартом почему-то решили, что свободный дрейф иллирианских граждан на нашу территорию – великое благо. Никто и в мыслях не держал, каких субъектов подкинет нам судьба. Поймите, шеф, мы просто не могли не пустить сюда Дезета, у нас открытая граница.

– Надеюсь, его сразу в аэропорту взяли под опеку.

– Простите, шеф, я сейчас запрошу Систему.

Фантом остановился у широкого окна Пирамиды, зачем-то постучал пальцами по стеклу.

– У вас не возникает чувство ирреальности происходящего, а, Аналитик?

Худощавый, большеглазый, мальчишески стройный сенс неопределенного возраста чуть нахмурился.

– Такие вещи противопоказаны Аналитикам. На самом деле ничего странного здесь нет. Иллирианцу что-то понадобилось в Конфедерации. Он приехал. Теперь остается лишь выяснить, что ему нужно, и использовать это знание в своих интересах.

Фантом окинул Аналитика презрительным взглядом особого рода.

– Да мне практически плевать, что иллирианцу нужно! Мне здесь не нужен он сам. Барт проест мне плешь, если Департамент допустит очередной скандал вокруг общементальной проблемы... Этот человек – мина замедленного действия. Все попытки его использования до сих пор выходили боком. Даже правдивая информация, полученная от него, в конечном счете идет во вред. Это фатальная заноза в нашей заднице. Поэтому мой вердикт – вон! Я требую, слышите, требую, чтобы вы представили мне способ немедленного удаления Дезета с нашей территории...

– Но соглашение, шеф...

– Плевать. Он был осужден за военные преступления. Этого мало?

– Простите, шеф, мало. Приговор был. Исполнение было. Все прошло по букве закона. Его дело закрыто. Такие исключения не оговорены в соглаше...

– Плевать. Поймайте его снова – на чем угодно. Подсуньте ему шлюху, устройте скандал в кабаке...

– Простите, шеф, вы сами знаете, такие методы – позавчерашний день.

– Ну так скрипите мозгами, отработывайте жалованье псионика, нам нужно хоть что-нибудь, а потом его немедленная высылка из страны.

– Шеф...

– Что?

– С чего все взяли, что у него агрессивные намерения? Быть может, он просто приехал в отпуск. Скажем, его позвали в путь ностальгические воспоминания...

– Вы болван! У тех, что общался с нашим следственным отделом, не бывает ностальгических воспоминаний.

Аналитик обиженно подобрался.

– И все же, я бы не стал форсировать событий, шеф...

– Хватит! Что у нас там по кибер-запросу?

– Минутку... Взгляните сами.

– Что?!

– Я вас предупреждал, шеф.

– Проклятье! Где были раньше ваши советы? Где были ваши хваленые мозги?

– Я вас предупре...

– Забудьте, Аналитик! Я не хочу слушать беспомощные оправдания!

– Но я-то НЕ ВИНОВАТ!

– Мне плевать, кто виноват! Он смылся из-под визуального наблюдения. Представляете, что это значит? По территории Конфедерации сейчас бродит неучтенный ментальный «нулевик», диверсант и убийца, невидимый для любого пси-турникета.

– Но шеф...

– Простите, Аналитик. Я знаю, что вы тут не при чем, но я зол до самого дна кишок. Ваши советы?

– Минуту назад я советовал не вмешиваться, ограничившись мягким наблюдением. Сейчас обстоятельства изменились. Его следует найти и хотя бы взять под присмотр. Ментальная технология тут бесполезна. Пускайте в ход сотрудников без пси-способностей. Разошлите его фото полиции, в аэропорты, водителям рейсовых каров, пусть копии расклеят по стенам, раздадут в рестораны, отели.

– Но это же куча проблем! Так не поступали уже много лет.

– Ничего не поделаешь, шеф. Таковы уж правила нестандартной игры. Если мы начинаем охоту на стрижей, то глупо это делать теми же способами, которыми отстреливают уток...

– Хм. Вы правы, Аналитик, спасибо. Итак, начинаем операцию, назовем ее «Сафари», это немного избито, зато придает мне тонуса. Признаться, я не расстроился бы, если бы... так сказать в процессе, этот индивид и вовсе перестал создавать проблемы. Впрочем, явная ликвидация тут не подойдет.

– Но бывают же несчастные случаи, шеф...

– Да, бывают, и в них никто не виноват.

– Виноваты сами жертвы случайностей, которые своим поведением повышают летальную вероятность. Они ведь просто маргиналы. Нулевики, например, совсем без пси-способностей. Несчастные, обделенные природой люди без цели в жизни.

– Вот именно.

– Мне продолжать?

– За дело.

– Итак, шеф, я предлагаю этакий нестандартный вариант...

* * *

Дезет, перекинув через плечо сумку, вышел из насквозь прозрачного здания аэропорта. Пассажиры бестолково сутились, занимая места в машинах. Стриж приметил нарочито расслабленного типа, который с преувеличенным интересом уставился в прозрачно-зеркальные недра витрины.

– Эй, свободный гражданин!

Тип испуганно ужался.

– Я турист. Не желаете быть моим гидом?

Несчастный шпик замялся, не зная, что ответить.

– Вы согласны, вы этого ждали – вижу по глазам. Пошли.

Филер, ухваченный под руку, отчаянно озирался, по-видимому, ища несуществующее прикрытие. Визуальная слежка без пси-детекторов в Каленусии почти не практиковалась, пойманный Стрижем человек казался крайне малоопытным, наспех подобранным сотрудником и отчаянно трусил. Дезет вежливо, но твердо провел каленусийца в сторону полускрытых за пыльными кустами мусорных контейнеров. Шпик заморожено уставился в глаза противника и сдавленно икнул.

– Бить будете?

– Без нужды не хочется. Меня укачало, устал в самолете. «Метка» у вас с собой? Давайте сюда.

Филер безропотно протянул электронный жетон. Стриж забрал опознаватель и словно бы нехотя выпустил воротник агента.

– Я протестую... – тихо сказал незадачливый шпик.

– Протестуй на здоровье, дружок.

– Вас все равно найдут, достойно проучат и вышлют вон.

– Всегда мечтал об этом, – широко улыбнулся Стриж.

– Вы – негодяй, и к тому же не соблюдаете правил. Наблюдаемый не должен показывать, что заметил наблюдателя.

– В твоём учебнике так написано?

Шпик насупился. Стриж, поразмыслив, подтолкнул его в сторону припаркованного в стороне медицинского фургончика. Густой слой пыли на стенке показывал, что прицеп стоит здесь давно и наверняка не востребован. Дезет открыл заднюю дверцу, забросил вовнутрь филера, запер дверцу на внешнюю защелку. Потом подобранной ветошью тщательно почистил

с одной стороны белый пластик фургона, вынул из кармана синий фломастер и вывел, имитируя официальный шрифт Каленусии:

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ КЛИНИКА.
ВЫЕЗДНАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ**

С некоторого отдаления надпись смотрелась неплохо. Стриж с невинным видом отошел в сторону. «Посмотрим, что мне подарил Департамент...»

Он взвесил на ладони идентификатор наблюдателя. С виду жетон казался нормальным, пользоваться уникалом для считывания Дезет не решился. «Я не верю в слабость и глупость Департамента, – подумал он. – Этот человек боится искренне, но он не знает и процента от комбинации». Стриж прикинул, мог ли поместиться внутри плоского прямоугольника миниатюрный «маячок» и огляделся в раздумье. В мусорном баке кто-то глухо закашлял. Из-за бортика, облитого потеками масла, высунулась пегая, вся в проплешинах спина. Тощие позвонки торчали орехами. Собака вылезла на дрожащих лапах и принялась с интересом обнюхивать ботинки Дезета. Мутные глаза животного слезились.

– А почему бы нет?

Он соорудил из полоски грязной ветоши подобие ошейника, замотал в тряпку жетон. Псина доверчиво протянула Стрижу блохастую голову, и он водворил ошейник на положенное место.

– Жди и никуда не уходи.

Дезет отыскал крошечную закусочную, купил у с ошеломленной странном заказом толстушки два десятка сырых сосисок и вернулся к бачкам. Собака терпеливо ждала, не пытаясь сорвать ошейник. Стриж протянул животному еду, подождал, пока не опустеет бумажный пакет, и легонько подтолкнул ботинком старожилу помойки.

– Пошел.

Пес крутанулся и разочарованно побрел прочь. Стриж вытер грязные руки об остатки ветоши и отправился к стоянке каров.

Уже уходя, он заметил молодую круглолицую, добродушного вида женщину с двумя чистенькими, хорошо одетыми близнецами. Каленусийское семейство в растерянности таращилось на медицинский фургон. Фургончик пьяно раскачивался, пластиковые стенки сотрясались под градом ударов. Приглушенные истерические крики перемежались протяжными стонами ушибленного человека:

– Откройте дверь! Выпустите меня! Я из Департамента Обзора!

На блестящей белой поверхности свежо сияла четкая синяя надпись: «Центральная клиника. Выездная психиатрическая помощь».

* * *

Стриж остановил случайное кибер-такси, заплатил вперед и колесил по городу, заодно просматривая уникал-новости. В разделе криминальной хроники, но далеко не на главном месте, он даже отыскал собственный четырехлетней давности портрет. Под нечеткой картинкой мрачного, плохо выбритого типа значилось чужое имя с припиской «разыскивается за мошенничество, кражу со взломом и злоупотребление доверием». Удивленный Стриж понял, что охота на него организована не так уж плохо – если иллирианского туриста задержат из-за случайного сходства с каленусийским преступником, это не вызовет особых вопросов.

Еще одна из криминальных хроник оказалась даже более интересной. «Драма ревности в полисе Параду. Убийство ординатора. Исчезновение лауреатки Калассиановской премии. Побег или похищение?»

У Стрижа зачастил пульс. Он прочитал сумбурную статью до конца и выключил уником.
– В аэропорт. Обратно. Быстро.

Кибер-таксист развернул машину, уверенно прибавил скорости. Через полчаса Стриж поспешно пересек площадь и стоянку каров. Фургончик скорой все еще белел в отдалении, задняя дверца оказалась распахнутой, пленный шпик исчез.

«Мой приезд уже стал свершившийся фактом. Они сейчас ищут повсюду – в отелях, в первую очередь в отелях Порт-Калинуса. Никому не придет в голову, что я вернулся на место стычки». Стриж прошел под гулкие своды вокзала и купил билет на ближайший рейс до Параду. Через час его лайнер взмыл в предвечернее небо. Стриж закрыв глаза, погрузился в невеселые размышления, его логика боролась с иррациональными сомнениями. Джулия Симониан исчезла, скорее всего это правда. Некий ординатор – ее друг, знакомый или любовник убит и брошен в парке университета. Кем и для чего? «Возможно, парень стал свидетелем похищения, – подумал Стриж, – на Департамент не похоже, почерк скорее криминальный. Или еще хуже... не причастен ли к делу сам Оттон?»

Самолет приземлился в Параду в час начала сумерек. Дезет шел мимо еще пышных осенних садов рукотворного рая, мимо россыпи огней, мимо витрин, портиков, нарядной толпы, мимо ярких фонарей и уличных музыкантов.

В кампусе он отыскал по карте нужное здание, потом тот самый кабинет и дернул витую ручку тяжелой двери, окинул взглядом тяжелые полки с книгами, широкий стол, изящную стойку дорогого, «морского» аквариума в углу. Сухой, подтянутый старик с острой бородкой встал и шагнул навстречу Стрижу.

– Вы кто такой? Что вам нужно?

– Знакомый вашего брата, Кея Милорада.

– Вот как? Я удивлен. Мы с братом не общаемся уже много лет, я не читаю его писем. Значит, он решил нарушить молчание и прислал вас.

– Он не присылал меня. Я не привез известий.

Профессор Милорад (одаренный в студенческой среде прозвищем «Птеродактиль») отшатнулся. Казалось, очки его гневно сверкнули.

– Тогда кто вы на самом деле?

– Я уже сказал – знакомый вашего младшего брата, Кея Милорада, коменданта Форт-Харай.

Дезет снова восхитился – старик просчитал ситуацию мгновенно. Он с отвращением оглядел Стрижа.

– Ясно. Преступник, какой-нибудь уголовник, который хочет отомстить. Делайте, что хотите, мне с вами не справиться, только знайте – мы с Кеем в ссоре уже двадцать лет. Если я умру, он не расстроится.

Стриж скрестил руки на груди и покачал головой.

– Я не собираюсь вам вредить. Я не уголовник.

– Тогда или говорите, что вам нужно, или убирайтесь, я устал играть в умолчания.

– Вы были знакомы с Джулией Симониан?

Милорад-старший, казалось, чуть дрогнул.

– Ну, допустим.

– Говорят, ее похитили, а ее друга-ординатора убили.

– Про это все знают – об этой трагедии писали в новостях.

– А те подробности, которых нет в новостях, вам известны?

– Откуда? Все, что знал, я уже рассказал полиции.

Птеродактиль прошелся из угла в угол, рассеяно потер рукой лоб, оставляя на бледной коже болезненные красные пятна.

– Не лгите, это, говорят, грех, – сказал наблюдавший за его движениями Стриж.

– Кто вы такой, чтобы учить меня этике? Вон, или позову охрану.

Стриж не поторопился на выход, а всего лишь криво усмехнулся.

– Охраны в коридоре нет, но не бойтесь, я вас действительно не трону. Хотите знать, в чем основная разница между вами и братом-комендантом?

– Во всем!

– Нет, разница более тонкая. Он делает то, что считает правильным, и не мучается ни совестью, ни страхом. Вы знаете, что велит вам совесть, но бездействуете, потому что вы трус. Как вариант – корыстный трус.

Профессор Милорад задохнулся. Дезету показалось, что старик сейчас сорвется, но Птеродактиль лишь густо покраснел.

– Вы хам. Не вам судить о чужой совести, у вас своей наверняка не много.

– Мои качества сейчас значения не имеют, вам достаточно знать, что я друг Джулии Симониан. Вы что-то знаете, но скрываете, это заметно по неосознанным движениям рук.

– По движениям рук, значит... – Милорад сухо хмыкнул, краска злости сползала с его лица, превращаясь в отдельные багровые пятна. – Вы еще молоды, привыкли к насилию и ничего не боитесь, это мне и без неосознанных движений понятно. Я же стар, физически беззащитен и не обязан вам верить... Между прочим, я был единственным, кто ее тогда предупредил!

– Предупреждал о чем?

– Чтобы держалась подальше от Майера. – Птеродактиль безнадежно покачал головой. – Джулия исчезла в ночь после приема. Сначала появилась с тем самым мальчиком, с Диззи, он работал у нее секретарем. Потом, вроде бы, разговаривала с пси-философом Хэри Майером. Писали, будто мальчика убили, но это не вполне так – он сейчас умирает в Центральной Клинике.

– Вы сообщали полиции про Майера?

– Нет. Я же старый трус!

– О чем вы пытались предупредить Джу? В чем конкретно опасность Майера? – снова спросил Дезет, пропустив колкость старика мимо ушей.

– Это сложно сформулировать. Слишком интуитивно...

– А вы попробуйте – криминал, шпионаж, может быть, сексуальная агрессия?

– Может быть, все сразу. Он опасен отсутствием барьеров и сомнительным кругом знакомств.

– Понятно. Он живет в Параду?

– Да, адрес легко найдете сами.

– Хорошо, спасибо, – Дезет пошел к двери.

– Надеюсь, вы не скажете посторонним, от кого получили информацию, – без особой уверенности пробормотал Милорад. – Поймите, я очень рискую. Если отыщете Джулию, напомните ей, что я предупредил...

Стриж не сказал ни «да», ни «нет», он попрощался, покинул здание и вышел пока редкие и пока неяркие вечерние звезды.

* * *

В Центральной Клинике Параду Страж подошел к серой и осторожной маленькая мышка, медсестре.

– Вы родственник пациента? – только и спросила она.

– Друг, – не моргнув глазом, солгал Стриж.

– Он не в том состоянии...

Дезет умоляюще посмотрел в ее блеклые, чуть покрасневшие в уголках глаза.

– Я ехал издалека, провел в пути почти двое суток. Этот парень – мой добрый друг. Как знать – вдруг ему от визита станет немного лучше? Пожалуйста, прошу вас.

Он замолчал, исчерпав слова. Девушка вздохнула. В ней, пожалуй, было нечто от сострадательницы – слабый ментальный дар?

– Ладно, идите. Только ненадолго и возьмите стерильный халат.

В палате низкая кровать стояла возле стены, трубка капельницы как змея оплетала руку неподвижного человека. Пухлые щеки, бледная кожа лица, начисто выбритая, перевязанная голова. Юноша не шевелился.

– Диззи, ты меня слышишь?

Стрижу показалось, будто веки раненого чуть заметно дрогнули.

– Диззи, я друг Джу. Я прилетел специально, чтобы помочь ей. Ты меня слышишь?

Веки чуть приподнялись и снова опустились. «Да».

– Ты можешь говорить?

Веки остались неподвижными. «Нет».

– Ты видел, как похитили Джу в тот самый вечер?

Веки неопределенно затрепетали. «Я неправильно поставил вопрос, – понял иллирианец, – Он же мог не видеть, но знать об опасности с ее слов».

– Ты знаешь, кто напал на Джулию?

На этот раз ответ был однозначно утвердительным.

– Я прошу о помощи, Диззи. Сейчас я начну назвать имена. Если имя – то самое, дай мне знать.

Стриж называл наугад – имена вымышленные и реальные, в том числе имя профессора Милорада. Веки Диззи оставались сомкнутыми, но при имени «Хэри Майер» они заметно дрогнули.

– Значит, Майер.

«Да».

Стриж посидел еще с минуту, собираясь я с мыслями. Потом дотронулся до бессильной, почти мертвой руки.

– Спасибо, друг. Чуда не обещаю, но, поверь, сделаю все, что смогу.

По щеке раненого медленно скатилась длинная прозрачная капля.

* * *

Ночь оказалась теплой, иллирианец провел ее остаток на морском берегу – появляться в отелях было рискованно. Пахло гниющими водорослями. Он сидел на обросшем длинной зеленью валуне, швырял плоские камешки в море, потом спал на оставленном кем-то шезлонге.

Утром Страж встал, поднял сумку и слегка влажную куртку, стряхнул прилипшие песчинки и зашагал вдоль берега туда, где белели башенки хорошо охраняемых фешенебельных вилл. Волны, набегая на бегая на берег, смывали его следы.

Глава 20. Контур проблемы

Фантом отодвинул прочь пульт Системы, встал, прошелся, стряхивая напряжение.

– Итак, Стриж обошел нас на первом же повороте.

– Пока обошел.

– Я кое-что взвесил за эти дни. Вы знаете, Аналитик, наша Система порочна изначально. Конфедерация сплошь оплетена сетью технического пси-наблюдения. Десять процентов граждан – сенсы, каждый из них ежечасно колеблется между желанием применить свои возможности и страхом сократить собственную жизнь. Остальные девять десятых населения им смертельно завидуют. Сенс-врач – редкое явление, сенс-преступник – самое рядовое. Но и это не самое страшное. Мы разучились думать. Мы привыкли полагаться на то, что человек давно перестал быть вещью в себе. Души наши давно уже не потемки – Система считывает пусть не мысли, нечто более интимное – эмоции, настроения, побуждения. В итоге мы, наблюдатели, захлебываемся в море чужих умственных фекалий. Старые методы сыска давно отброшены – зачем просчитывать мотивы людей, если их можно прочесть?

– Но...

– Не возражайте. Вы сами знаете, что это – правда. В этот раз мы столкнулись с единственным в своем роде нулевиком и пока проиграли. Кстати, как нашли «маячок»?

– Обычным образом, шеф, по пеленгу. Это оказалось бродячее животное, собака. Она укусила двух людей из группы Зенита. Я отправил их в госпиталь на прививки.

Фантом устало опустил в кресло.

– Ладно. Двое покусанных, один агент, выставленный на посмешище в аэропорту, Стрижа и след простыл...

– Я запросил Систему.

– Я тоже.

– Мой запрос, шеф, в отличие от вашего, существенно использовал мои же особые способности.

– Я отлично знаю, как вы «скромны».

– Спасибо, шеф. Так вот... До сих пор мы закидывали ловчую сеть наугад, пришла пора максимально сузить поиски. Цель его приезда, пожалуй, слегка просматривается. Этакий контур, некая область возможностей.

– Какая?

– Сейчас объясню. Последние четыре года на территории Каленусии Дезет контактировал с очень ограниченным кругом людей. Комендант Милорад отпадает – этот на месте, в Форт-Харай. Наш славный Септимус, скорее всего, безнадежно мертв. Иеремия Фалиан противник Дезета по определению и тоже на месте – сектант у себя в деревне. Остается Джулия Симониан, врач экспедиции. Я запросил данные – она едва ли не накануне его приезда пропала без вести.

– Вы думаете?..

– Да. Иллирианец причастен к ее исчезновению. Его приезд спланирован, скорее всего, заранее – это игры Оттона. Мое твердое мнение – стоит поискать в Параду. Сенс, побывавший в Аномалии – ценность. Если Симониан жива, быстро вывезти ее иллирианцы не успеют. У нас есть все шансы их переиграть.

– Звучит убедительно. Даже если вы ошибаетесь, гипотеза выглядит многообещающей. Я отдам приказ скорректировать поиск.

– И еще...

– Да?

– Похищение иллирианцами наших граждан – это очень серьезно. Теперь мы получаем формальный повод для любых, самых жестких мер. Вы довольны, шеф?

- Пожалуй...
- Довольны?
- Да! Я доволен, доволен! Я очень доволен определенностью.
- Тогда – действуем...

* * *

Джу в сотый раз осмотрела стены без окон и белый потолок с тусклым светильником. В ушах звенело, потолок внезапно пошел в сторону, ускользя из поля зрения. Они опустила веки, пытаясь остановить вращение реальности, но клубы темноты свивались в нити, нити наматывались на невидимую ось. Белочка открыла глаза, проглотила комок в горле, борясь с тошнотой, встала с пластикового матраса. Комната качнулась туда-сюда, как палуба корабля, и обрела неподвижность.

– Эй! Откройте!

Шаги за дверью сменились лязгом ключа, в приоткрывшейся щели появились небритая морда охранника.

– Меня тошнит. Принесите воды. Позовите Эшли.

Физиономия скрылась. Джу опустилась на пол, натянув на острые колени подол платья. Комната опять коварно качнулась.

Идеально аккуратный, и холодно-спокойный Эшли вошел с подносом в руке и поставил его на пол.

– Доброе утро, свободная гражданка.

– Издеваетесь?

– Нисколько. Каждый человек свободен от рождения, все мы равны... за исключением тех, кто узурпирует сверхвозможности.

Белочка, сидя на матрасе, взяла с подноса чашку кофе, прикинула, успеет ли проскочить мимо собеседника за дверь – получалось, что никак не успеет.

– За что вы ненавидите псиоников?

– А вы знаете, что такое мутация?

Джу фыркнула.

– Я врач.

Эшли насмешливо улыбнулся.

– Ложь номер один – вы не врач, во всяком случае – не полноправный.

– Мутация – гораздо более естественное и обыденное явление, чем считают чтецы всякой белиберды в тонких обложках.

– Не в том случае, когда мутант перестает быть человеком.

Белочка допила кофе и прикинула, не запустить ли подносом в голову Эшли, а потом все равно рвануть за дверь. Что-то подсказывало ей, что инсургент готов к такому обороту, пожалуй, рисковать не стоило.

– Сенсы – такие же люди, как и все.

– Сенсы – вообще не люди. Их способность делает их исключением в мире людей, причем, опасным для других исключением. Их способности не просто противоречат этике – они толкают технический прогресс по антигуманному пути. Пси-слежение, пси-турникеты, пси-проверки, считывание эмоций, негласные проверки на лояльность. До технического воспроизведения полноценной пси-наводки остался один шаг.

Белочка потрянула спутанными волосами.

– Этот шаг не будет сделан никогда. Это невозможно – фундаментальное исключение Калассиана.

– Ложь номер два. Это возможно. Как только это случится, человечество утратит свободу навсегда. А теперь взвесьте, свободная гражданка, на весах своей совести, что важнее – общая свобода или ваша?

– Чего вы хотите от меня?

– От вас лично – никаких действий. Простите, вы только исходный материал для исследований. Обществу нужен своеобразный антидот – средство навсегда блокировать пси-аномальные способности сенса... Власть, которая не видит и не желает видеть непосредственной опасности, заслуживает быть низложенной...

Разглагольствующий Эшли неуловимо походил на повзрослевшего, ожесточившегося Авеля. Белочка изо всех сил старалась не показывать страха. Заговорщик совсем не выглядел злым, несомненно, был чрезвычайно честен. Дело обстояло самым скверным для Джу образом – у него была своя Большая Идея. «Они убьют меня, – поняла Белочка, – даже хуже – они меня постепенно замучат насмерть, как лабораторную мышь. Ну, разве что, потом принесут извинения моим останкам».

– Зачем мне ставят уколы?

– Чтобы подавить ваши способности.

– А потом?

Эшли мягко, словно большая, очень чистая кошка подошел к ней вплотную, забрал поднос и повернулся к выходу.

– А что потом?

– Ничего.

Джу подождала, пока инсургент уйдет, с трудом подавила подступившую истерику и огляделась еще раз. Сознательные борцы за ментальную свободу человечества пси-детекторов в помещении не держали. Она подвинулась поближе к левой стене, перегородка выглядела обнадеживающе – что-то вроде синтетической фанеры. Белочка попыталась поковырять ее прочной стальной заколкой для волос, за тонкой белой поверхностью обнаружился толстый слой звукоизолирующего материала. Джу поддела и оторвала большой клоч, сгребла труху и на всякий случай засунула ее под матрас. В стене образовалась почти аккуратная дырочка. Белочка с надеждой приникла к отверстию зрочком.

...Комната по соседству оказалась очень интересной. Стены, обитые красноватым покрытием, там и сям усеивали зеркала. Дыра не позволяла рассмотреть обстановку как следует, в поле зрения Джу попала лишь часть высокой, узкой кушетки. Кушетка напоминала приземистого гимнастического коня, по бокам даже болтались настоящие стремена. Безмерное удивление Белочки длилось несколько секунд – как раз до той поры, пока она не поняла, что соседнее помещение, очевидно, имеет другой вход и не имеет никакого отношения к друзьям Эшли. В красной комнате обнаружили обитатели – две пары голых ног прошагали по направлению к кушетке. Белочка отскочила от дыры, густо покраснев, и зажала рот ладонью, даваясь нервным смехом – за стеной находился бордель.

Дверь распахнулась без предупреждения. Лицо Эшли окаменело от ярости.

– Она расковыряла стену. Здесь негодные перегородки.

Спутник инсургента сухо кивнул. Выглядел он довольно необычно. Две глубокие борозды прочертили лоб не вдоль, не поперек, а наискось – словно глубокий бескровный порез. Узкие губы под аккуратными выцветшими усиками тоже кривились. Джу не могла опознать в вошедшем того, кого никогда не видела – Доктора, наблюдателя, который насмерть напугал Мюфа Фалиана.

– Вот пациентка.

Доктор кивнул.

– Любопытный экземпляр. Я специально летел из Порт-Калинуса.

– Вас не хватают в Пирамиде? Вы не под подозрением?

– Я вроде бы здесь на отдыхе. Лучше начать прямо сейчас. Знаете, Эшли – мною движут не ваши бредовые идеи, а чисто научное любопытство. Оно не терпит.

Двое охранников крепко ухватили Белочку за локти.

– Нет!

– Заткните ей рот.

Джу безуспешно пыталась нащупать и ударить наводкой разум этих людей, мешала доза наркотика. Ее вытолкали за дверь, проволокли в другое помещение. Эшли и Док двинулись следом.

– Закрепите девушку понадежнее. Мне не нужны лишние осложнения.

Безысходно лязгнул металл. Белочка сухими глазами смотрела на белые стены, белые салфетки, зеленоватый свет лампы.

– Нет...

...Хирургические инструменты у Доктора оказались отличными и матовыми. Такие не блестят – чтобы не пугать пациентов.

Глава 21. Хэри

Каленусийская Конфедерация, Полис Параду

Коротко пролаял серый терьер. Хэри Майер, молодой, преуспевающий доктор пси-фило-софии, нехотя поднял голову, потянул шнурок жалюзи. Собака с яростью разрывала вечно-зеленый пышный газон. Хэри нахмурился, прикидывая масштабы разрушения: «Ищет кро-тов». Он встал с широкой кровати у окна, обогнул столик с опустевшей на две трети бутылкой дорогого напитка, накинул халат и босиком прошлепал к раздвижной двери. Изразцовые ступени сбегали к самой бассейна. Майер сбросил халат и нагишом нырнул в чуть подогретую и очищенную морскую воду. Купание прогнало хандру, Майер вытерся, прошлепал обратно, надел белые брюки и тонкий белый джемпер, поискал зачитанную с вечера книгу – не нашел, и с удивлением отметил, что испытывает чувство неопределенного дискомфорта. То ли задумал в щели сквознячок с моря, то ли сок в стакане прокис. Хэри с отвращением выплюнул жидкость и поискал взглядом коньяк.

Странно – бутылка исчезла. Профессор Майер протер глаза – она не появилась. Тогда он пожал плечами и побрел к лестнице на второй этаж, намереваясь разом посетить бар и солярий...

– Эй! Доброе утро!

Профессор резко обернулся. Непрошенный гость устроился в кресле хозяина. Майер поначалу испугался, но тут же отогнал пустую тревогу – незнакомец явно не относился к людям Эшли. Он был пониже рослого, крупного Хэри, выглядел беззаботно и, пожалуй, даже доброжелательно. Майер на всякий случай прикинул, где оставил пистолет. Получалось, что совсем под рукой, во втором ящичке резного комода.

Незнакомец открыто, ясно улыбнулся. Маленький шрамик на рассеченной некогда губе натянулся и побелел.

– Шел, смотрю – открыто, думаю – а почему бы не зайти? Как я погляжу, вы любите коньяк? Пагубная привычка.

Хэри вздохнув, расслабился.

– Вообще-то вы зашли в частное владение. Это мой дом. Теперь я разрываюсь между законным желанием выставить вас и скукой, приистекающей от отсутствия собутыльника. Вам налить?

– Попозже.

– Вы не псионик, случаем?

– Ни в коей мере.

– Прекрасно! Я тоже не псионик. Ненавижу это сволочь.

– Чем вам помешали несчастные, сжигаемые своим талантом люди?

– Ах, это долгая история, дружище... Кстати, как мне вас называть?

– Меня зовут Алекс.

– Я – Хэри. Ваше имя вам не совсем подходит. Наверное, вас все зовут по прозвищу.

Пришелец кивнул.

– Возможно.

– Итак, Алекс, я сейчас возьму второй стакан и мы выпьем вместе за знакомство.

Хэри расслабленной походкой подошел к комоду, напоказ дернул верхний (пустой) ящичек, а затем потянулся к тому, что пониже (с пистолетом).

В это миг ствол холодно и грубо уперся Майеру куда-то чуть пониже тщательно подстриженного, гордого затылка.

– Не дергайтесь, – посоветовал Алекс. – Я уже позаботился изъять вашу игрушку.

Майер застыл на месте, просчитывая варианты. Парень не похож на маньяка, не из Департамента, не из полиции, не из боевиков Эшли. «Он не станет стрелять, просто хочет денег или украсть какой-нибудь антиквариат». Приободрившийся Хэри развернулся, пытаясь ухватить и выкрутить чужую вооруженную руку. На секунду профессору показалось, что удача улыбнулась ему – незнакомец, вроде бы, даже выпустил пистолет. В следующее мгновение быстрый и резкий удар в живот отправил Майера на колени, потом на пол.

– Зачем так, больно же... – прохрипел он, отдышавшись.

– А вы как думали?

– Что вы делаете?

– Надеваю на вас наручники. Вчера купил в хозяйственном магазине. Симпатичная модель, правда?

– Мне не видно за спиной.

– И не надо... Вставай, пошли купаться.

– Но я сегодня уже...

Тот, который назвался Алексом, грубо ухватил Майера за скованные руки и развернул прочь от бассейна по направлению к ванной.

– Пошел.

Хэри загравленно озирался, с тоской разглядывая знакомые стены, пухлые мирные книги, бар, резной комод, коллекцию трубок, уют и милый сердцу беспорядок.

– Разум! И что теперь будет?

– Сейчас узнаете.

– Отпустите, иначе позову на помощь! Соседи вызовут полицию!

Гость вместо ответа шлепнул по кнопке на стене. Дом огласился бешеным ритмом аккордов и визгливыми воплями модной в сезоне певички.

– По-моему, ей бы лучше петь дуэтом. Давай, кричите.

Профессор ощутил еще более острый приступ паники – дом стоял на отшибе, на спасение надеяться не приходилось – море, сады, целебный для разума покой и, увы, слишком мало посторонних.

– Помогите!

– Нет драмы в голосе... Давайте еще разок.

– Караул!!! Спасите!!!

– Отменно. Что, никто не идет? Надо же... Никто не хочет помочь гениальному ученому и редкостному гуманисту. Тогда пошли купаться.

Под бичом страха Хэри стремительно развернулся и попытался наброситься на мучителя, после чего снова немедленно, самым позорным образом, оказался на полу. На этот раз Алекс не стал ждать, пока хозяин дома поднимется, он просто протащил его по мраморному полу, ухватив за воротник, кое-как поднял на ноги и зашвырнул в пустую ванну так, что несчастный философ оказался там лежащим вниз головой. Алекс второй парой наручником прикрепил лодыжки Майера к крюку для полотенец и потянул рычажок крана. Струйка воды разбилась о дно нежно-розовой ванны.

– Вы меня так утопите!

– Утоплю, не сомневайтесь. Для того, чтобы ванна наполнилась, понадобится четверть часа. Впрочем, вы захлебнетесь быстрее. Если не освежите память и не расскажете мне, как сдали Джулию Симониан.

Майер закусил губу, лихорадочно взвешивая реальность угрозы.

– Я ничего не знаю. Вы ошибаетесь! Я не виноват! Вы убиваете невинного!

Пришелец, присев на край ванной, на этот даже как-то грустно покачал головой.

– Отличный образец вранья. Пожалуй, при иных обстоятельствах я бы и поверил. Но вот беда – вас опознал ее референт... Так будете говорить?

– Нет.

– Хорошо, тогда умирайте. Это не жестокость, а лишь заслуженная экзекуция.

Хэри Майер в ужасе замычал.

– Что?

– Во... вода холодная.

– Радуйтесь, что не кипяток, я сегодня добрый. Даю пять минут – или говорите правду, или я обойдусь без вас.

Хэри забился – вода залила ему уши, подобралась к носу.

– Стой!.. Хватит!.. Во имя Разума!

– Что, передумали отпираться?

– Если я заговорю, меня пристрелят.

– А в противном случае – я вас утоплю. По-моему, отличный выбор.

– Это жестоко!

Гость встал с края ванной.

– Мне надоела ваши ломанья. Так согласны или нет?

– Да, Разумом вы проклятый садист! Тону! Выключайте воду! Да!!!

Алекс пожал плечами:

– Я не садист. Я чернорабочий справедливости... Эй, не пускайте пузыри, Хэри, сейчас все выключу.

Стриж (а это был он) перекрыл кран, отковырнул пробку. Вода с шумом устремилась в отверстие, ванна мигом опустела.

– Надеюсь, вы не передумаете, Майер. Не хотелось бы начинать водную процедуру сначала.

– Сначала отцепите меня, потом все скажу.

– Потом отцеплю, сначала скажите. Ну и?

– Я не виноват! Меня принудили!

– Самое не оригинальное начало почти любых признаний. Его можно пропустить.

Давайте теперь по существу дела.

Дезет внимательно выслушал сбивчивый рассказ пси-философа.

– Ваши друзья, Майер – это нечто. Процветающий болтун, оказывается, любит возиться с мятежниками.

– Я попал к ним случайно, это начиналось почти как шутка. Когда я понял, в чем там дело, было уже поздно – мне отрезали путь назад. Клянусь – я не трогал ни девушку, ни мальчишку. Я не хотел ничего плохого, я просто струсил и поддался на уговоры Эшли. Вы ведь не убьете меня, Алекс?

– Где они теперь?

– Адрес в записной книжке на столе.

Стриж не поленился сходить за книжкой, пролистал ее, обнаружил искомое. Насквозь промокший Хэри Майер неловко ворочался на дне ванны.

– Отцепите меня, Алекс.

Стриж поднял пистолет. На него в упор смотрели потемневшие глаза Майера в пол-лица.

– Нет! Алекс, пощадите!

«Мне некуда его девать, – подумал Стриж, – отпускать тоже нельзя, иначе мне на хвост сядет и полиция, и Департамент». Он чуть прижал курок.

– Алекс, вы обещали!!!

«Впрочем, застрелить его – это лишний труп, стиль Хиллориана и плохая стратегия в перспективе».

– Ладно, – Стриж убрал пистолет и освободил лодыжки пси-философа. – Вылезайте, сушитесь, потом возьмите свой драгоценный коньяк. Только не напивайтесь в стельку – придется поехать со мной.

– Куда?

– Туда.

– Они же меня убьют. Теперь по их меркам я предатель.

– Поздно метаться, так что – вперед. Убить вас я во всяком случае не дам.

– Руки отомкните.

– Успеется.

В первую очередь Стриж отключил визгливую музыку, отыскал кухню, наскоро зажарил и поспешно съел яичницу. Освобожденный от наручников Хэри брезгливо стащил с себя мокрый джемпер.

– Я переоденусь. Какой вы все-таки ублюдок, Алекс.

– От ублюдка и слышу. Сами нагадили в деле Симониан – сами будете исправлять. Поэтому пить можете не больше наперстка. У меня нет желания возиться с алкоголиком. Не будет от вас пользы – убью.

– Будет польза, не занудствуйте. Ладно, я признаю, что поступил с этой сенс-девицей как подлец. Но вы нагнали на меня такого ужаса, что по определению можете считать себя удовлетворенным. У меня до сих пор колени дрожат.

– Ваша машина на ходу?

– Конечно. Там, в гараже, за домом.

– Возьмите ключи. Сядете за руль.

– Вы мне настолько доверяете?

– А куда вы денетесь?

Солнце медленно ползло к полудню. Они вместе вышли во двор. Хэри Майер распахнул дверцу низкого, леопардовой масти, приметного кара. Стриж поморщился.

– А поскромнее что-нибудь есть?

– Нету.

– Ладно, сойдет.

– Кто вы все-таки такой? Шпион?

– Нет. И вообще – излишние знания философам ни к чему, они портят чистоту абстракций. Считайте, что я бескорыстный друг Джулии Симониан.

Кар, заложив вираж, выехал на трассу... Великое дело – spes!

Глава 22. Любительская акция на двоих

Полис Параду

– ...Вы куда рулите?

– Не будьте таким подозрительным, Алекс. Я по кольцевой, искомый район – тот еще подарок. Трущобы, впрочем, живописные. Сейчас доедем, увидите сами.

– Чего они все-таки хотят, ваши друзья?

Майер прищурился, словно от головной боли.

– Они мне не друзья. Эшли – человек идеи, его пунктик – уничтожение псиоников как явления. Аристократ и революционер в одном лице, холодный, как рыба, практичный, как универсальный нож.

– Какая холера занесла его в такие трущобы?

– Ну не в своем особняке же он будет держать эту Симониан... Его отец – местный магнат, дядя – сенатор, сам Эшли в семействе слывет за маньяка.

Стриж нехотя кивнул.

– Кто его помощники?

– Как говорили древние – всякой твари по паре. У них наверняка найдутся неплохие пси-медики, которые...

Стриж смерил Майера взглядом.

– Молите судьбу, Хэри, чтобы мы не опоздали. Если дело зашло слишком далеко, я вам попозже все кости переломаю...

Сомнительные кварталы Параду сильно отличались от трущоб Порт-Иллири. Настоящая бедность почти не чувствовалась – скорее, налицо было полное отсутствие даже следов престижа. Ветер катал по асфальту пустые бумажные стаканчики, сметал мелкий мусор и окурки, яркие и почти новые стены домов украшали надписи сомнительного толка.

– Мне кажется, лучше остановиться здесь. До них всего квартал. Видите, там вдали розовую крышу?

– Да.

– Ну вот. Я сделал свое дело. Теперь вы, Алекс, меня отпускаете, мы мирно расходимся и я великодушно обещаю не вспоминать купание и причиненные мне обиды.

– Зачем такая спешка?

Стриж успел поймать приготовившегося улизнуть Майера за отвороты элегантной куртки.

– Пустите!

– Нет.

– Я туда не пойду!

– Тихо. Я не требую ничего слишком сложного. Сейчас вы постучите к ним в двери. Зайдете туда под предлогом – любым, сами выдумаете. Оставьте там незаметно вот этот шарик. Потом – быстро наружу. В том момент, когда шарик остынет, вам лучше быть у машины. Остальное я беру на себя.

На пси-философа было жалко смотреть.

– Алекс, поймите, я не могу...

– Почему?

– Я боюсь.

– Вы дурак, Майер. Сколько там может быть человек?

– Человек десять. Может быть, полтора десятка.

– Пси-детекторы есть?

– Ни в коем случае. Эшли против таких приемов по идейным соображениям.

– Отлично. Вас там не «прочитают». Вам не придется с ними разбираться. Все самое сложное я беру на себя.

– Я не хочу участвовать в ликвидации, пусть даже скотины Эшли.

– Вы уже участвовали в похищении. Кстати, это не ликвидация. В шарике ничего, кроме галлюциногена.

– О, Разум! Ладно... Меня все используют. Наверное, я родился под несчастной звездой, раз встретил вас.

Они прошли оставшееся расстояние пешком.

– Которая дверь?

– Не эта! Оставьте ее в покое, вы, эротоман. Левая дверь – в бордель. Правая – к заговорщикам.

– За улицей они не следят?

– Нет, я же сказал – никаких детекторов. Ребята там не пугливые. Или не пуганные.

Стриж отошел в сторону, укрывшись за углом. Хэри решительно забарабанил в исписанную ругательствами дверь.

– Кто там?

– Майер. Мне нужно поговорить с Эшли.

Небритый охранник приоткрыл створку.

– Заходи.

Пси-философ проскользнул внутрь, после чего охранник сразу запер двери.

– Эшли у себя. Стой спокойно, я должен тебя обыскать. Ну-ка, выверни карманы.

Хэри Майер похолодел – шипастый шарик, полученный от Стрижа, чуть выпирал сквозь ткань куртки.

– Вообще-то, так не поступают с друзьями.

– Пожалуйтесь Эшли сам, я только выполняю его инструкции.

Майер учашенно дышал, мучительно балансируя на грани паники и прикидывая, не сознаться ли сразу во всем. «Если я выдам Алекса и Эшли его убьет, вторым он убьет меня. Если Алекс скроется, он, пожалуй, отыщет меня и страшно подумать, что тогда сделает...»

Охранник похлопал гостя по бокам.

– Что у тебя во внутреннем кармане? – он запустил лапу за отворот куртки профессора и, осклабясь, вытащил на свет злополучный шарик.

По спине Майера побежала струйка холодного пота, ничего страшного, впрочем, не произошло.

– Ходишь в бордель по соседству, что ли? От них принес такую штучку? Ладно, проходи. Эшли будет рад тебя видеть.

Хэри Майер свободно зашагал вдоль по пыльному коридору, потом вверх по лестнице, ликуя в душе.

* * *

Стриж посмотрел на часы и прижался спиной к разрисованной граффити стене. Прохожие проходили мимо, по-видимому, принимая Дезета за угрузившегося пси-наводками туриста. Один из прохожих остановился, илирианец понял, что это сенс – скорее всего, ментальные щупальца незнакомца сейчас настойчиво касались разума Дезета, раз за разом пытаясь справиться с нуль-барьером. Стриж не почувствовал ничего. Озадаченный прохожий резко повернулся и почти побежал прочь.

Шли минуты, ожидание затягивалось. Прошел, шаркая ногами, тусклоглазый истощенный старик. Потом прошмыгнули, виляя загорелыми бедрышками, две ярко раскрашенные девчушки в коротких туниках. Майер так и не появлялся.

«Жаль, я не сенс, – впервые в жизни подумал Стриж, – иначе я смог бы нащупать ауру Майера, понять его настроение, проверить, в доме ли Джу. Хорошая боевая пси-наводка тоже не помешала бы. Это могло стоить мне недели жизни – такой пустяк».

– Эй, парень!

Дезет оглянулся. На выщербленной бесчисленными подошвами ступеньке притона стояла девушка – крепкая, толстоногая, большеглазая, в пестрой, до колен, пышной юбке. Проститутка скрестила на груди обнаженные руки, левое плечо украшала татуировка в виде витой ракушки.

– Зайдешь, парень?

– Прости, подруга, денег нет.

Шлюха грустно качнула пышно завитой головой, почесала челку фиолетовым ногтем мизинца.

– Врешь конечно, ну да ладно. Здесь, по соседству, целая банда таких же извращенцев живет, только смотрят и больше ничего. В стене дыру провертели – кулак просунуть можно.

Стриж, не возражая, следил за дверью, Майер все не появлялся. «Он испугался или разочарован, – с досадой подумал иллирианец. – Если я не справлюсь один, придется обратиться к каленусийским властям, но тогда меня арестуют и выведут из игры».

В этот момент дверь соседнего подъезда дрогнула. В нее резко, зло ударили, не снаружи – изнутри.

* * *

– Итак, Майер, вас мучают сомнения? Налить вам еще? Коньяк? Вино? Эйфорин?

– Спасибо. Коньяк. Лед и лимонный сок есть?

– Вот холодильник. Берите сами лед и что понравится.

Хэри отпил из стакана. Совершенно трезвый Эшли чуть ослабил галстук.

– Чего вы боитесь? – резко спросил он.

– Ну... мне неловко. Если честно, я боюсь, что нас поймают.

– Поймают? С чего бы это? Мне надоел ваш унылый вид мокрой курицы. Благодарность революции имеет конечные размеры.

– Я понимаю.

Хэри Майер помялся, потихоньку прикидывая, куда бы подбросить шарик. Эшли, казалось, не спускал глаз с беспокойных рук гостя.

– Как ваши дела с этой Симониан?

– Дела идут, – ответил мятежник и на миг отвернулся.

Философ тут же сунул руку в карман, нащупал подарок Стрижа, извлек его и зажал в кулаке. Эшли, сдвинув прямые брови, смерил Майера холодным взглядом, профессору на секунду показалось, что его собственное тело – пустая, насквозь прозрачная бутылка.

– Вам ее жаль? Это зря. Интересы одного человека, Хэри – ничто перед общей проблемой. К тому же псионики – выродки. Вам приходилось быть свидетелем хорошей боевой пси-наводки?

– Нет.

– Вот как... А я боевым офицером прошел через пограничный конфликт с Иллирой. Жалеть женщину – легко, одобряется нами, каленусийцами и даже отчасти приятно. Но видели ли вы, как пораженный наводкой солдат рвет себе уши, губы, царапает веки, вонзает ногти в собственные глаза? Такой человек не замечает ни боли, ни крови – ему кажется, что он сдирает с кожи паразитов. Вы молчите, Хэри... Эта Симониан относительно безобидна, она достаточно опытна, уже оставила за спиной двадцатилетие. Лучшие боевые сенсы получаются

из совсем юных, чистых девушек, для них психическое извращение – игра, они еще не верят ни в собственную смерть, ни в чужую, они не научились экономить прожитые дни...

Майер поежился.

– Ладно, оставим эту тему. Можете считать, что убедили меня. Я только боюсь мести ее друзей... – Он незаметно разжал кулак, шарик скользнул вниз, откатился под стол и пристроился возле мебельной ножки. – Я ухожу. Дела, прощайте, Эшли.

Философ встал, неловко повернулся, спиной ощущая взгляд инсургента. Уже подходя к двери, он осознал свой промах и нелепую оговорку – до визита Алекса он, Хэри, не мог знать, что у Джулии остались живые друзья...

– Стойте, Майер.

Пси-философ покорно остановился, понимая, что надежды нет, и жалкое, смятое ужасом лицо беспощадно его выдает.

– Поднимите то, что потеряли.

– Не понял.

– Вы только что подбросили химическую ловушку. Пока не остыла, поднимите ее и сожмите в руке.

Майер безвольно нагнулся и подобрал шарик. Эшли удовлетворенно кивнул.

– Отлично. Ну и что мне теперь с вами делать? Вы отважны только в болтовне, во всех остальных случаях вы малодушный трус, которого ломает первый встречный.

Пси-философ опустил голову.

– Я не мог по-другому... Разум и Звезды! Чего вы хотите, Эшли?! Этот парень меня мучил и запугивал. Вы взялись не за того человека, я вам не подхожу, меня от страха тошнит. Пожалуйста, простите.

Эшли прищурился, рассматривая крупного, лощеного профессора с холодной гадливостью.

– Я не стану марать руки. Идите к тому, кто вас послал, верните ему шарик и передайте привет – мы придем за ним в свой черед. А вы... Считайте, что вас приговаривают к жизни, Хэри Майер, вы только мелкая, болтливая, трусливая и скользкая мразь...

...Беззвучное падение ничтожного камешка порой вызывает горный обвал. То ли жгучая обида пересилила страх, то ли Эшли поторопился с оценкой вконец измученного унижениями Майера, но последующие события развивались стремительно и неотвратимо. Хэри шагнул вперед, легко и ловко обогнул инсургента, сильно и плавно (чуть щелкнул замок) распахнул дверцу холодильника и метнул туда шарик Стрижа.

Последствия не заставили себя ждать. Холод в долю секунды заставил сработать миниатюрный «запал», шарик коротко хлопнул и взорвался. Сухое вещество превратилось в облако газа и в ту же секунду окутало комнату. Хэри Майер потерял сознание мгновенно, Эшли попытался сделать рывок к выходу, отчаянно цепляясь за ускользящую реальность – бесполезно.

Невидимое облако накрыло коридор, просочилось под неплотно прикрытые двери. Небритый охранник, тот, что остался караулить, внезапно остолбенел – по коридору, лениво виляя хвостом, плыла огромная рыбина. Рыба пошевелила грудными плавниками, ехидно ослабилась и показала охраннику мясистый роговой язык, бока монстра отливали тусклым золотом. Человек выругался и отпрянул. По соседству тонко, истерично заверещали. Один метался и падал, другой исступленно молился Разуму, третий замер на месте, вперившись в видимые только ему двусмысленные образы, кое-кого из боевиков просто неукротимо рвало.

Доктор, уже успевший прибрать матовые инструменты в аккуратный чемоданчик, продержался чуть подольше других – ровно настолько, чтобы осознать масштаб поражения. Он потянулся вперед, словно в неудачном прыжке, упал плашмя, ничком, длинные белые пальцы разжались, поспешно выхваченный пистолет бесполезно откатился в сторону. Над местом дей-

ствия витал тревожный запах – цветочный, с примесью нечистот. Под лестницей взвыл насмерть перепуганный странным поведением людей кот...

* * *

...Стриж рванул дверь на себя – бесполезно, стальная створка даже не дрогнула. По ту сторону кто-то глухо стонал, в узкую щель сочился сладковатый запах.

– Майер! Майер, вы меня слышите? Откройте, если сможете!

Молчание. «Он в отключке. Профессор, похоже, сделал все, что мог, теперь моя очередь, но я не могу открыть дверь, и время – вот мой враг. Через четверть часа они начнут приходить в себя, через полчаса станут боеспособны». Стриж развернулся к шлюхе.

– Покажи мне свою комнату.

– Две конфедеральные гиней.

– Ты их получишь.

Женщина повернулась, продемонстрировала декольтированную спину и пошла в дом, завлекательно виляя бедрами. Дезет двинулся следом, он почти подталкивал несколько ошеломленную такой прытью проститутку. Ее комната на втором этаже оказалась выдержана в классических красноватых тонах, посередине стояла кушетка, пыльные дешевые зеркала украшали стены. Стриж ткнул пальцем в сторону расковырянной обивки.

– Это та самая дыра в стене?

Девушка кивнула, показав редкозубую улыбку и принялась раздеваться, звонко щелкая кнопками. Дезет рванул со стены мягкое красноватое покрытие, обнажил тонкий пластик и пинком пробил приличных размеров дыру, пластик с треском завалился, открывая лаз.

– Что ты делаешь, кретин? Ты стенку поломал.

– Экспериментирую, красавица!

Стриж нырнул в отверстие, второпях обдирая плечи. Обиженная проститутка осталась комкать только что снятый корсаж.

– А меня не кольшет, что ты не можешь или не хочешь. Заплатить все равно обязан...

Дезет, не слушая, вломился в стерильно-белую, пронизанную мертвенным светом тесную пустоту. Комнату наполнял сладковатый запах пси-мины, смешанный с острым запахом больницы и страдания. На надувном матрасе в углу вытянулся укрытый белой простыней холмик. Стриж откинул край ткани.

– Джулия Симониан!

Она медленно, как-то нехотя подняла веки. Худое лицо, стриженная наголо голова с наискось наклеенной повязкой, муть беспамятства в потускневших ореховых глазах. Стриж поднял на руки почти невесомое тело и осторожно, протиснулся обратно в красную комнату. Полураздетая шлюха в полной растерянности восседала на кушетке. Дезет поспешно сбежал вниз, добрался до машины и опустил ношу на заднее сиденье, затем сел за руль и подогнал кар поближе к дому с розовой крышей.

По счастью, полиция все еще не появилась – сказывалась дурная репутация перенаселенного подонками района. Стриж снова проворно взбежал по лестнице, обогнул кушетку с задумчивой шлюхой, пролез в отверстие и толкнул белую дверь. О, чудо! – она легко подалась. Иллирианец вытащил пистолет и, мягко ступая, пошел вдоль по коридору.

– Где вы, Майер? Отзовитесь, нам пора удирать...

В боковой комнате что-то ворохнулось, Стриж повернулся – и вовремя. Пуля, выпущенная Доктором, ушла в косяк. Наблюдатель лежал, опираясь на локти, он почти пришел в себя, глаза смотрели осмысленно и зло. Дезет точным ударом вышиб пистолет противника.

– Ого! Человек Пирамиды. Кажется, мы раньше встречались. «Состояние между жизнью и смертью имеет множество интересных градаций». Это твои слова?

Доктор лежал неподвижно, тщательно притворяясь потерявшим сознание. С уголка тонких губ сочилась ниточка слюны. Стриж нагнулся, подобрал выбитый пистолет.

– Стоило бы пристрелить тебя, выродок, но я тут законопослушный турист. Прощай, добрый Доктор. На этот раз тебя обыграл твой бывший пациент.

Стриж ушел, оставив на полу оцепеневшего противника. Майера он отыскал неподалеку от бледного, неподвижного, пребывающего в прострации Эшли. Остановившиеся глаза инсургента сосредоточенно смотрели в потолок, черты заострились. Пси-философ, напротив, наполовину пришел в себя и тихо, изысканно ругался, а потом, схватившись за протянутую руку Стрижа, кое-как поднялся на ноги.

– Какую гадость вы мне подсунули, Алекс... Я видел такое... Такое... О! Нельзя ли еще раз посмотреть?

– Нельзя. Разборки полетов оставим на завтра, шевелитесь.

Они покидали резиденцию каленусийских мятежников через дыру в стене борделя. Проститутка уже оправилась от потрясения и теперь меланхолично красила пухлые щеки.

– Ну ничего так, разборка, парень, – сказала она. – Не так, как в кино, но смотреть можно. Будешь снова в наших краях – заходи, отпущу любовь за полцены.

Машина ждала беглецов на прежнем месте. Белочка бессильно лежала на заднем сиденье. Стриж усадил шатающегося от слабости Майера, сам сел за руль и вскоре выехал на кольцевую. О лобовое стекло разбивались мелкие жучки, звенел тугий ветер, мелькала сплошная стена пестрой листвы. Долгая осень еще не кончилась, еще оставалось время.

Глава 23. Бегство натурастов 7006 год, Каленусийская Конфедерация

– Хватит бегать. Ей нужен врач.

Майер потер виски, болезненно прищурился – неяркий свет увядающего дня резал ему глаза.

– Ох, Алекс, до чего же мне было страшно!

– Примите поздравления, на первый раз вы держались вполне достойно.

– Надеюсь, что этот раз был первый и последний. Кстати, я заметил одну любопытную вещь – на вас глюктворное не действует. Частичный нулевик?

– По пси-показателю – полный и идеальный. На меня действует только алкоголь и немного – анестезия.

Хэри Майер с интересом воззрился на Дезета.

– Антипсионик, редкостный мутант, и говорите вы странно, произношение слишком правильное – не иллирианец, случаем?

Стриж почему-то обиделся:

– Я-то нормальный, даже если иллирианец, это вы все мутанты.

– Не обижайтесь, за такое приключение я готов простить вам все, включая запредельную грубость, непрощеный визит и наглый шантаж. Какая физиономия была у этой скотины Эшли!

– Потом будете предаваться ностальгии, сейчас стоит отвезти ее в клинику...

Хэри Майер склонился над Джулией, взял ее за запястье и покачал головой.

– Может быть, не стоит спешить? Она без сознания, но пульс хороший. Джу вовсе не умирает. Эшли очнется и попытается достать ее из клиники, а вас и меня, конечно, убить.

– Есть вариант сдать властям. Ее защитят, Эшли арестуют, меня вышлют, а вы отделаетесь легким испугом.

Хэри Майер задумался. Нарядные машины со свитом проносились мимо, пахло топливом, сухой травой, фруктами, раздавленной листвой, пылью и немного – невидимым за холмами морем... Хэри вздохнул.

– Все вокруг обыденно, но так прекрасно. Я еще хочу жить, Алекс.

– Тогда расходимся. Можно забрать вашу машину на время?

Майер беззлобно, чуть иронически улыбнулся.

– Вы не поняли. Я не собираюсь умирать, да и вам не советую. Куда вы так торопитесь? В потусторонний мир, в империю призраков? Успеется, не бегите... И не надо сдаваться властям, Алекс – вас убьют.

– Почему?

– Вы – нечто, слишком вылезшее за рамки нормы.

– Я нормален.

– Пусть так. Значит, все другие ненормальны, но для вас это мало что изменит.

– Ваша специальность – черные пророчества?

– Моя специальность – анализ и прогнозы. Так вот... Во-первых, не ходите в Департамент, пока это дело не получит широкой и правдивой огласки. Во-вторых, спрячьтесь где-нибудь в глухом уголке, бегите за границу, скройтесь, смените имя. Возьмите с собой Джу Симониан – это ваша страховка, да и не зря же, в конце концов вы затеяли свою безумную акцию. Думайте, ищите выход – может быть, ваша судьба еще переменится.

– Чего ради вы так заботитесь обо мне, Хэри?

– Из-за вас я понял, что чего-то стою.

– Вас подбросить до дома?

– Ну, не идти же мне пешком. Я и так отдаю вам машину.

Стриж снова вырулил на шоссе и прибавил скорость. Вечерело. В серой гамме пейзажа присутствовало нечто изысканно, словно материализовался рисунок. Дорога опустела, кар фарами разгонял тени. Хэри Майер на заднем сиденье поддерживал голову Белочки, сострадательница до сих пор не приходила в сознание.

В конце концов машина остановилась возле ворот особняка Майера. В темноте маячила каменная рамка остывшего бассейна.

– Прощайте, Хэри.

– Прощайте, Алекс-не-знаю-кто. Надеюсь, мы расстанемся без ненависти. Я сделал для этого все, что мог.

Пси-философ забрал куртку и зашагал прочь, его черный, ссутулившийся, силуэт исчез среди подстриженных пирамидками кустов.

Стриж уложил Джу поудобнее, подsunул под стриженную голову свою свернутую куртку.

– Итак, куда мы теперь? Нужны неболтливый врач, глухомань и смена имиджа...

Налетевший с моря ветер разогнал тишину, растрепал густые заросли, принес первые капли дождя. Они все чаще стучали по крыше машины, потом шорох струй заглушил все иные звуки.

В этот миг Дезету показалось, будто Джу его зовет, но бледное лицо псионички оставалось спокойным – девушка все так же лежала без сознания. Когда посторонний звук повторился, Стриж немедленно погасил фары, вынул оружие, стараясь не шуметь, приоткрыл дверцу и выбрался наружу.

Через ару секунд со стороны дома раздался выстрел, потом еще один. Высокая фигура метнулась через сад, и Стриж поспешил вернуться за руль.

В третий раз грянуло просто оглушительно. Ослепленный вспышкой Стриж не сразу понял, что это только раскат грома. Косой зигзаг молнии ударил совсем близко, придорожное дерево расколосось, сухие листья затрещали в огне. Дезет запустил мотор и сдал назад, опасаясь в темноте задеть металлическую ограду. В темноте что-то ударило о задний бампер.

– Ох, холера...

Он с трудом подавил желание просто добавить скорости, затем притормозил и выглянул в мокрую, непроглядную ночь.

– Алекс, помогите.

Сорванный голос доносился едва ли не из-под колес.

– Это вы, Майер?

– Да. Я ранен.

– Быстро в машину.

Почти не видимый в темноте Хэри плюхнулся на сиденье. Стриж тронул с места, ориентируясь по пирамидальным макушкам деревьев – они отчетливо чернели на фоне чуть более светлого неба. Горящий кипарис высветил кусок мокрого асфальта, напряженное, искаженное болью лицо Майера, его слипшиеся на висках, влажные волосы.

– Быстрее, Алекс, быстрее...

Следующий выстрел едва не задел машину. Кар шаркнул крылом ограду – взметнулась стайка высеченных трением искр. Что-то треснуло, машину встряхнуло и повело, боковое стекло украсилось круглой дырочкой, от которой во все стороны моментально побежали ломанные трещины. Пятый выстрел едва не оказался роковым – на этот раз кузов опалило огнем армейского излучателя, потек, пузырясь, расплавленный пластик.

– Чума на них... Это уже слишком.

Кар с хрустом подмял розовый куст, выровнялся и в облаке сорванной листвы вылетел на дорогу. Стриж включил фары, увеличил скорость до предела, но так и не понял, стреляли вслед или нет.

– Хэри? Как вы?

Майер беспомощно обмяк на переднем сиденье, Стрижу очень не понравилась восковая бледность философа и жалкая гримаса на его лице.

– Куда зацепило?

– В предплечье.

Погоня то ли отстала, то ли не состоялась, и Стриж остановил машину. Левый рукав легкой светлой куртки Майера набряк липким, темно-красным, на полу собралась и стыла небольшая лужица. От прикосновения профессор дернулся. Дезет отыскал аптечку, вспорол рукав, рана оказалась сквозной. Майер шипел сквозь зубы и жаловался:

– Это уже слишком. Из-за помощи вам моя жизнь пошла по откос.

– Лучше скажите спасибо, что я увез вас из-под огня. Кто стрелял? Боевики Эшли?

– Хуже. Похоже, у него слишком крепкие связи с опасными людьми. Раз это не Департамент, значит, частная военная компания.

– Понятно. Поедете со мной?

– А что мне остается делать? Не умирать же на дороге... Нас могут догнать?

– Теоретически – да. На практике – едва ли раньше следующего дня. Возьмите снотворное в аптечке и спите, к утру мы будем далеко на востоке.

– Куда вы все-таки собрались?

– Доедем – узнаете.

Одинокая машина уносилась по пустынной дороге.

* * *

Сердце Пирамиды гудело как потревоженное гнездо насекомых. Пчелки-техники трудились над терминалами Системы, легкие на подъем осы-оперативники появлялись и исчезали с невероятно озабоченным видом, руководство ворочалось озабоченно и тяжеловесно, сродни солидным шмелям. Надо всем царил грозный шершень-Фантом. Начальственное жало легко находило виновных в разгильдяйстве, сурово поражая их в самые незащищенные части тела – в премиальные и в самолюбие.

– Почему не готовы данные? Ах, не можете разобраться? Пишите прошение об отставке. Департаменту не нужны кретины.

Новый Аналитик, казалось, восторженно переживал весну карьеры. Его личный проект – приспособление кибер-сети Пирамиды для вычисления критических поворотов будущего сыска, собирался обрести плоть. За этими трудами он почти забыл виновника, давшего первоначальный толчок великому делу, Стриж отошел на второй план, однако, позабыт все-таки не был.

Фантом не разделял беспечности приближенного. Скандал в притоне уже стал достоянием службы наблюдения. Причастность к делу аристократа и племянника сенатора всплыла и разозлила шефа Наблюдателей.

– Золотые мальчики опускаются до уровня расслабившихся на отдыхе бандитов.

Вернувшийся из путешествия Доктор лечил головную боль и благоразумно молчал, потихоньку делал любимое дело, полное отсутствие пси-детекторов в доме Эшли позволило ему остаться в стороне. Участие Стрижа просматривался все увереннее по принципу «наоборот» – пси-детекторы, установленные в красно-зеркальной комнате, как ни странно, не зафиксировали постороннего. Катя Гонсалес, лояльная свободная гражданка, проститутка по роду занятий, уверенно описала внешность иллирианца. Фантом призадумался – общая картина событий до странности не совпадала с первоначальной версией похищения Симониан.

Допрос Эшли, младшего лорда Эндина, не дал ничего, отправленный под домашний арест теоретик революционного террора держался холодно, замкнуто, корректно, стойко и невероятно уклончиво. Фантом колебался, не решаясь использовать «химию» или сенса –

трупов в деле не было, Катя не сумела толком описать внешность Джу, сенатор каждый день интересовался судьбой «разумеется, невиновного» родственника. Инсургенты, из тех, что покрупнее, скрылись, их розыск шел очень медленно, обремененный обычной бюрократической волокитой и инерцией огромной сети пси-наблюдения. Попалась пара боевиков-шестерок, их без церемоний обработал следственный отдел, вскоре выяснилось, что боевикам неизвестно подлинное имя похищенной женщины. Небритый охранник крепче всех пострадал от блюстителей ментального благополучия – он оказался давно объявленным в розыск насильником из предместий. Личность лощеного мужчины, посетившего инсургентов едва ли не в момент взрыва наркобомбы, осталась неизвестной.

Нападение на дом Хэри Майера на первых порах никого не заинтересовало – «пси» не использовалось, инцидент сочли обычным уголовным делом и без задних мыслей передали полиции. Следы иллирианца временно затерялись в Параду.

Фантом подвел итоги скупым набором проходных истин:

– Ну не перекрывать же нам все дороги? Это негативно скажется на туризме. В конце концов, Калассиановского Центра и так больше нет, Дезет не может повторно уничтожить пустое место. Пускай мечется на здоровье. Побегает – поймаем, теперь его можно выслать за самый обыкновенный дебош.

Что на самом деле подумал Фантом, не знал никто.

* * *

Лимб, безвременье

...Неумолкающий свист ветра. Серый камень. Огромное, пустое пространство холодного воздуха, свежий туман над пропастью, под ним на самом дне, едва виднеются крыши неизвестного города. Облака проплывают совсем близко, кажется, протяни руку – и можно отщипнуть мягкий белоснежный клочок.

Город неподвижен, он то ли спит, то ли замер в настороженном ожидании, улицы пусты, не колышутся вымпелы на башнях, а, может быть, их попросту нет – ни башен, ни стягов, а сам город – лишь тщательно выписанное безумным художником полотно.

Джу стоит на скалистом карнизе, кутаясь в курточку белого меха (откуда она взялась?), ветер треплет длинный шелковистый ворс, ботинки скользят на камнях, до обрыва всего лишь шаг. Пустота пропасти не пугает, Джу кажется, что воздух может держать ее на весу, словно это не пустота, а невидимый хрустальный мост. Она делает шаг и останавливается – рука мальчишки мешает, дергает ее за рукав. Джу не может оглянуться, но знает – это Мюф. Мюф стоит рядом, за спиной, и молчит, не слышно даже дыхания. Его присутствие ощущается как холодный свет маленькой звезды, искра светляка в траве, блик зимнего солнца на стекле, как тусклый, едва видимый солнечный зайчик.

– Это ты?

Мальчишка не отвечает. Холодный сквознячок забирается под куртку Джу. Она осторожно делает шаг назад.

«Вы все забыли про меня», – произнесенные слова отдаются эхом в сознании Белочки.

– Нет, я помню, Мюф. Я просто не смогла помочь, прости.

Мюф молчит.

– Я буду пытаться снова...

Джу пятится – она уже не ощущает присутствия мальчишки, голые, холодные камни пусты, острый холод ранит лицо, высекает слезы из глаз. Прозрачные капли скатываются к под-

бородку, стынут на щеках. Она делает шаг назад, еще и еще шаг... Слова считалки приходят сами по себе.

*...Золото-медь,
Надо успеть.
Сильную рать
Быстро собрать...*

– Мюф!

Нет ответа, камень молчит, искра почти угасла. Ветер бьет в лицо, толкает в грудь и плечи, рвет мех куртки.

– Мюф! Я вернусь!

Джу пытается вытереть стынущее лицо, но руки не слушаются, ответа нет, она падает навзничь, зная, что позади даже не пропасть, а грань реальности, скопище облаков вздымается белой грудой, заслоняя город.

Ответ приходит в последний момент – его глушит клубящийся туман, его едва можно различить среди рокота воздушных струй. Но этот ответ не оставляет сомнений:

– Я буду ждать, Джу...

* * *

Каленусия, дорога на восток

Сонную тишину нарушило монотонное жужжание зеленого жука. Летун то удалялся, превращаясь в едва заметную точку, то приближался, делаясь огромным и едва не заслоняя небо.

«Что со мной? Я спала? Там было холодно, здесь – тепло».

Джу махнула ресницами, насекомое исчезло, пронзительный небесный ультрамарин очистился, тишина наполнилась шорохом травы, мерным тиканьем пульса, отдаленным шумом проезжающих мимо машин.

«Нет, я не спала, я умерла. Но теперь я снова жива».

Она попробовала приподнять голову – мир покачнулся, шум крови в висках усилился, теперь он рокотал словно прибор.

«Я жива! Я жива и свободна!».

Белочка молча переживала мгновенный восторг, она лежала, не двигаясь, пока чьи-то шаги не раздались совсем рядом.

– Джу, вы слышите меня? Вы очнулись?

Голос показался знакомым, она сощурилась, низкое зависшее солнце трогало веки теплым лучом, мир расплывался цветными кругами.

– ...Алекс? Это правда вы?

– Я, собственной персоной. С возвращением! С ума сойти – я рад без меры. Майер! Идите сюда!

– Чего вы орете, дайте раненому ученому поспать!

– Подъем, симулянт! Вставайте. Мне нужна ваша помощь.

– По философии? С этим справитесь сами.

– По медицине, лентяй.

– Ладно, сейчас...

Белочка попыталась улыбнуться, на это не хватило сил – щеки почему-то стали мокрыми, она хотела их вытереть, но не сумела поднять руки. Память, казалось, вычерпали – если не до дна, то наверняка наполовину. «Кто такой Майер?…»

Два силуэта склонились, заслонив от ее ультрамарина, вернувшегося жука, шума дороги, ветра, вечернего солнца и всех опасностей мира. Силуэт повыше крепко сжал ее запястье. Джу ощутила короткий укус иглы.

– Она пришла в себя, Алекс, и пульс хороший.

Белочка оттолкнулась ладонями и села. Оказалось, что сидит она на раскладной парусиновой койке, прямо под открытым небом. Неподалеку курился обложенный дикими валунами костер, замусоренный косогор занимали ряды разномастных аляповатых палаток и поставленных кое-как каров. Кто-то привязал к вкопанному в землю шесту огромную гроздь разноцветных шаров, поодаль ритмично постукивала музыка – звяканье струн перемежалось звоном бубенчиков.

– Что это?

– Лагерь движения «назад, к натуре». – Стриж открыто, искренне засмеялся, это сделало его до странности непохожим на самого себя прежнего.

– Зачем мы здесь?

– Ну... Мы в бегах, вы долго оставались без сознания. Эти ребята-натуралисты каждый день в неадеквате. В такой компании никого не удивит ни леди, лежащая пластом, ни целых два подозрительных мужика в ее компании.

Белочка пошарила вокруг, подыскивая подходящий предмет, чтобы бросить им в Дезета – попалась мягкая пустая пластиковая бутылка. Ослабевшие пальцы никак не могли ухватить скользкое горлышко.

– Я так и знал, что ваша благодарность не будет иметь границ, – прокомментировал обрадованный Стриж.

Еще один спаситель стеснительно держался на заднем плане, старательно пряча лицо.

– А это кто там с вами, второй?

Стеснительный друг помялся в нерешительности.

– Это я...

Радость померкла. Джу задохнулась от злости, сердце ее заколотилось, кровь прилила к щекам.

– Майер?! Ну это уже чересчур! Я тут и полминуты не останусь.

– Но...

– Он предатель! Дайте мне только на ноги встать, я сама его прикончу.

– Погодите, не надо ссориться – отложим это на потом...

Стриж кусал губу помеченную свежим (раньше не было) шрамиком, пытаясь не расхотаться. Пси-философ стусевался, переместившись подальше от Белочки. Джу посмотрела прямо в серые, спокойные глаза Стрижа.

– Он предал меня. Почему вы этого не понимаете?

– Я понимаю. Он вас предал из малодушия, Джу, но он же вас и спас. Мы убегали на его машине, он вас лечил, как мог, и маячил рядом в виде прикрытия. Что мне теперь делать? Убить этого конформиста? Ну, как скажете, в конце концов я ради вас на все готов. Только, может, все-таки не стоит?

Белочка села, съезжилась, охватив колени руками.

– Вы в своем репертуаре, Алекс – «барахла в природе нет, имеются лишь ценные людские ресурсы».

Стриж сокрушенно покачал головой.

– Вы правы, леди Джу, но не сомневайтесь, если Майер снова вильнет в сторону, я его прикончу. Устроит?

Белочка немного расслабилась и угрюмо кивнула, потом с отвращением осмотрела ярко-зеленые просторные бриджи и блузу из совершенно прозрачного пластика..

– Что за вещи? Вы меня передевали в бессознательном состоянии?

– Да. Нужно было соответствовать образу.

– Кошмар, уродство и разврат.

– Не обращайтесь внимания. Как только двинем в путь, можно будет сменить имидж на любой – какой захотите.

Майер появился в отдалении, размахивая объемистым пакетом.

– Я принес еду и мир – будете меня убивать или как?

– Ладно, сначала завтрак.

Они надели сосиски на оструганные палочки и пристроили их над костром. Мясо оказалось не совсем суррогатным и аппетитно шипело на огне. Философ закончил еду, вытер руки о тонкий платок и взял свой уником (ногти за дни странствий успели украсить траурной каймой).

– Вы любите славу, Алекс?

– Не очень.

– А жаль, – сказал Майер и не без ехидства зачитал вслух:

ПРОИСШЕСТВИЕ В БОРДЕЛЕ

На днях в хорошо известном клубе экзотической любви произошел инцидент, который показывает, к чему приводит свободное перемещение иллирианцев по нашей территории. Некий Александер Дезет, иностранный подданный, пьяный и в состоянии агрессии, расплыл в заведении баллон газообразного афродизиака. Полтора десятка друзей иллирианца, наркоманы и лица, страдающие пси-мутациями, во главе с «золотым мальчиком», эксгибиционистом Э.Э., вторглись в притон через дыру в стене, прожженную при помощи армейского излучателя, а затем приняли деятельное участие в оргии, перешедшей в повальную драку. Поспеивший на место действия патруль подвергся изоцированной пси-атаке. Персонал госпитализирован. Полиция от комментариев отказалась...

Белочка, отчаянно пытаясь подавить смех, скосила уголок глаза – кажется, иллирианец подавился едой. Майер сочувственно покачал головой:

– Стукните его по спине, свободная гражданка Симониан. Теперь вы знаете о нем всю правду... Ничего не поделаешь, Алекс, вы же герой, а слава – она такая штука...

Стриж прокашлялся и сказал, обращаясь не к сияющему от удовольствия Майеру – к Джу:

– Вы знаете, наш иллирианский император любит закручивать гайки, но у него есть одно полезное качества – склонность к цензуре новостей!

Глава 24. Сердцевина и черви

Каленусийская Конфедерация, Порт-Калинус, штаб-квартира Департамента Обзора

Тонкое стекло Пирамиды еле просвечивало, нехотя пропуская сумрачный свет пасмурного дня. Голые, без отделки ребра конструкции чернели как костяк чудовища. Технические службы Департамента открыто пренебрегали красотой интерьера в пользу надежности и простоты – в этой части Пирамиды не было ни стилизованных под старину кабинетов, ни легкого модернизма, ни скульптур, ни витражей – ничего. Вместо коврового покрытия – укатанный металл пола, вместо мягких кресел – стулья операторов, вместо изящных киберов бюрократии – простые терминалы Системы. Место отчасти напоминало склад, шахты грузовых лифтов уходили вниз, в подземные ярусы лабораторий.

Шеф Департамента жестко шагал по стальному листу пола, чувствуя за спиной частое дыхание Аналитика – низкорослый сенс быстро уставал, уступая шефу в выносливости. «Сколько ему лет? – невольно подумал Фантом. – Двадцать пять? Сорок? С виду непонятно». Узнать официальный возраст штатного аналитика не составляло труда – кибер-сеть охотно помогла бы Фантому, но результат все равно окажется призрачным – сенс изнашивает себя сам, не докладывая начальству.

Согнутые, затянутаые в коричневые туники спины техников так и оставались согнутыми – никто не оборачивался, чтобы поприветствовать первого наблюдателя Каленусии. Фантом не считал это невежливостью – сопряженная с Системой сеть пси-наблюдения без остатка поглощала внимание дежурной смены. Двое только что освободившихся наблюдателей устроились у вмонтированного в стену буфетного автомата с простеньким пси-управлением – они резко вскинули сжатый кулак в ритуальном приветствии, а потом с откровенным любопытством проводили глазами высокую худощавую фигуру Фантома.

Аналитик почти догнал шефа и прерывисто дышал у самого его плеча.

– Придется спуститься вниз...

– Ваш оптимизм, Ролан, не вызывает у меня отклика.

Аналитик, названный по имени, от неожиданности осекся, но тут же напористо продолжил:

– Это неизбежная мера предосторожности. У моей Штуки только один терминал, она полностью автономна и поставлена в экранированном отсеке. Я не рискнул пока объединять наше детище со старой Системой – слишком многое не определено.

– Хорошо. Спускаемся.

Железная решетчатая клеть лифта нехотя тронулась вниз, сверкнуло напоследок стекло Пирамиды, а потом первый из подземных ярусов принял Фантома и Аналитика, отгородив их от угасающего света пасмурного дня.

– На семнадцатый уровень.

Лифт помедлил и словно рухнул вниз, потом плавно затормозил – с лязгом распахнулась не украшенная ничем сетчатая створка. Фантом шел мимо рядов одинаковых дверей, чуть щуря близорукие глаза, выискивал знакомый номер. Круглые, лампы под решетчатыми плафонами изливали мертвенный свет, угловатые тени легли на лицо Аналитика, сделали его жестким, зачернили глазницы, выделили щель слишком широкого, будто лягушачьего рта. В отдалении, в гулком пространстве коридора, преступал с ноги на ногу скупающий охранник.

– Почти пришли, оно налево, за поворотом.

Аналитик повозился с дверью, набрав на крошечной механической клавиатурке известный ему одному секретный код.

– Мы не поставили пси-замка, шеф. Никаких ментальных технологий, минимум электроники, только надежный примитив. Мне кажется, история с Дезетом должна была послужить для Департамента неплохим уроком – очень жаль, что выводы не сделали вовремя.

Фантом холодно отметил про себя дерзость подчиненного... и промолчал. Бронированная дверь отошла в сторону. Комната, сплошь обшитая металлом, оставалась почти пустой – ряды кибер-модулей вдоль стен, стационарный терминал, одинокое жесткое кресло.

– Смотрите, это как внутренность жестяной коробки, шеф. В такие кладут ванильное печенье.

Фантом пожал плечами, отринув неуклюжую шутку Аналитика.

– Я не верю в скороспелые проекты, Ролан. Ничего путного за неделю создать вы не могли. Надеюсь, то, что здесь приготовлено, сгодится хотя бы на роль наживки – быть может, тогда ваш проект финансирует Калинус-Холл.

Аналитик широко улыбнулся – в его улыбке Фантому чудилась бессознательная жестокость подростка.

– Я не сделал ничего особенного – это только кибер-слепок части моей личности. Без пси-способностей, конечно... Вы сами знаете, шеф, я не смог бы воспроизвести такое. Потом я взял данные о мертвом Лютиане. Их осталось немного – так, бумаги, вещи покойника, залежавшиеся на складе, кое-какие рассказы наших ребят. Пришлось потратить мой собственный пси-ресурс – старик был силен, след его ауры до сих пор не истончился полностью. Я собирал крупницы его сущности, снимал тонкую пленку с каждого предмета. То, что вы видите здесь, это не просто груда технического хлама – это он, в какой-то мере, конечно. И это я. Мы оба в общем лице и в одной коробке.

– Я останусь здесь, Ролан. Один. Подождете снаружи. Управление тоже упрощено?

– Да. Никакого пси-ввода, никакого общения голосом – только пальцы и клавиши, шеф. Так что не ошибетесь. Быть может, мне лучше не уходить?

– Нет. Вы свободны.

Юношеская фигурка Аналитика задержалась на пороге. Фантом почувствовал на затылке внимательный взгляд сенса, волосы словно тронули невидимой мягкой лапой – шеф Департамента содрогнулся от отвращения.

– В чем дело? Аналитик?

– Все в порядке. Желаю удачно поработать, поверьте, это от души. Штука – мое детище, простите, я немного волнуюсь.

Фантом подождал, пока захлопнется бронированная створка, пока затихнет гулкое эхо металла, а потом мягко коснулся к пульта.

> Система, старт.

Ответ не замедлил появиться:

> Я жду.

Эта короткая фраза покорила Фантома – в ней словно бы присутствовало некое осознанное самомнение.

> Покажи перечень возможностей.

> Оценка поступков, выявление скрытых мотивов, прогноз событий, фатум-анализ.

> Я хотел спросить – что такое фатум-анализ?

> Идентификация неизбежности. Я могу предсказать роковые события, которых нельзя избежать.

Фантом улыбнулся, Штука Аналитика явно грешила первородной наглостью – в новорожденном кибер-монстрике проглядывало нечто от оракула-шарлатана.

– Ах ты, гаденыш!

Глухая к голосу Штука, конечно, промолчала. Фантом задумался и поймал себя на мелком желании унижить Аналитика, шефу Департамента хотелось надолго согнать с молодежавого лица помощника широкую лягушачью улыбку. Вопрос сложился сам собой.

> Кто я такой?

Ответ пришел почти мгновенно – Фантом с любопытством склонился к ровным строчкам, прочитал их тут же отпрянул прочь. Воздух комнаты оставался прохладным, но на аккуратно подстриженных висках шефа Департамента выступили бисеринки пота. Фантом опустил голову, укрыл беззащитное, усталое лицо в широких ладонях, тишина обступила его еле слышным звоном.

– Будь я проклят... Будь проклят ты... Будь прокляты мы все... Да ты прав, технический звереныш. Ты сам не знаешь, до чего ты прав.

Он выждал, пока тишина перестанет звенеть, и, осторожно касаясь клавиш, задал второй вопрос.

> А кто ты такой?

На этот раз ответ пришел не сразу.

> Не знаю. Мне больно говорить об этом.

Фантом отодвинул пульт и задумался. Почему Аналитик прозевал подобный эффект? Быть может, он попросту не догадался задать Штуке самые простые вопросы? Фантом помрачнел, на ум приходили мистерии древних полузапретных культов, пляски черной ночью, под барабан, вокруг начавшего шевелиться трупа.

> Элвис, ты же умер. И все-таки – это ты?

Штука долго молчала. Тень Элвиса Миниора Лютиана не явилась, должно быть, не смогла просочиться сквозь бронированную дверь.

> Нет.

> Может быть, ты – Ролан?

> Нет.

Фантом поймал себя на мысли, что боится причинить этому странному существу боль. Гомункулус в оболочке кибера не был ни старым, ни новым Аналитиком.

> Как мне называть тебя?

> Как хочешь.

> Я буду звать тебя Макс. Послушай, Макс, что ты можешь сказать про Аналитика?

Гомункулус задумался на несколько секунд.

> Он очень хочет жить, он очень не хочет умирать. Он болеет от того, что умный, он хочет стать главным. Он не знает, что создал меня. Он думает, что я – это он, только глупый и совсем маленький. Я подумал и не стал спорить. Он считает меня неудачным экспериментом. Такое называется... недоноском.

Маленький Макс не мог слышать, как шеф наблюдателей без стеснения смеется.

– О, Разум! Этот эмбрион уже умеет хитрить!

> Тебе нравится Аналитик, Макс?

> Нет. Он умный, злой и он боится всего. Тебя он боится тоже.

> Ты и вправду предсказываешь будущее?

> Да.

> Тогда скажи, что со мною будет завтра?

Гомункулус сдержано помолчал. Потом вывел на терминал длинное, дразнящее многоточие. Цвет точек под конец сменился на ярко-синий, потом на багровый.

> Завтра не будет ничего.

> Почему?

> Потому что сегодня тебя убьют.

Фантом облизал мгновенно пересохшие губы. В глаза словно сыпанули песка – веки резало нестерпимо. Размерено шумела вентиляция, тихо шелестели кибер-блоки.

> *Кто и за что?*

Ответа не было. Или был? Обреченность – тоже ответ.

> *Этого не может быть. Ты лжешь, эмбрион.*

Фантом вскочил, нащупал пистолет в скрытой под полой элегантного пиджака замшевой кобуре, подошел к двери и резко ударил в гладкую, без замка, стальную створку. Протяжный гул металла угас без ответа. Через минуту дверь не отворилась. Не отворилась она и через пять минут.

– Аналитик, откройте!.. Открывай, будь ты проклят!

В бункере, отгороженном от равнодушного неба бетоном и сталью, стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь слабым шелестом потоков воздуха.

Впрочем, скоро там стало еще тише – кто-то снаружи отключил вентиляцию.

* * *

Первые признаки неблагополучия дали о себе знать через полчаса – упало напряжение в сети, тускло полыхнув напоследок, угасли лампы, отключились кондиционеры, мертво застыли мониторы Сети. Ярусы Пирамиды погрузились в сероватый сумрак пасмурного вечера. Люди высыпали из кабинетов, кто-то включил карманный фонарик – круг света, большой «зайчик», метался по стенам, выхватывая из полумрака озабоченные лица наблюдателей.

– В чем дело, коллеги? Авария?

Встали лифты, две клетки так и застряли меж этажей, тревожные голоса людей доносились из шахты словно из преисподней. Нервно смеялась какая-то девушка в коричневой тунике техника. По плитам пола простучали ботинки охраны, десяток «серых» вежливо, но решительно оттеснил техников прочь.

– Расходитесь, коллеги. Всем в кабинеты. Авария электроснабжения. Опасности нет.

Люди медлили, жались в кучу, словно боясь остаться наедине с собой. Зенит выбрался вперед, раздвигая толпу плечом, в рядах наблюдателей нестройно зароптали – голову шефа отдела безопасности охватывал блестящий полушлем легкой пси-защиты.

– В чем дело? Мы требуем информации!

Зенит шарахнулся от крикуна как от зачумленного и почти пробежав по коридору, скрылся за дверью кабинета Фантома. Незримое дуновение паники охватывало людей, ропот усилился. Кто-то крикнул:

– К лестницам!

Ручеек беглецов потек к выходу, уже создавая давку и сумятицу. Бригада техников ни с чем вернулась от лестничных проходов – тонкие, но прочные двери оказались наглухо заблокированными. Взъерошенный Егерь с десятком серых безуспешно пытался поддерживать хоть какой-то порядок, сам воздух Пирамиды, казалось, дрожал от напряжения опасности. Быть может, у кого-то из штатных сенсов сдали нервы, по людской массе стегнуло пси-наводкой – истерически зарыдала женщина, люди шарахались в стороны, кто-то мягко, как тряпичная кукла, осел на пол.

– К порядку! Назад!

Многие сочли за лучшее разойтись по пустым темным кабинетам – толпа слегка поредела, оставшиеся бродили как сомнамбулы. Полумрак почти скрыл взбешенного Егеря. Шеф оперативного отдела наполовину кричал, наполовину уговаривал:

– Да успокойтесь вы все, Разума ради. Митни... брось пинать лифт, кретин, ты ведешь себя как позор Департамента.

Оперативника не слушал никто, аура места кричала о близкой опасности, чтобы почувствовать такое, уже не требовались пси-способности. Люди, облеченные властью, уверенные в себе, попав в ловушку, теряли хладнокровие на глазах.

– Мы хотим видеть Фантома!

Дверь кабинета шефа Департамента распахнулась внезапно. Двое серых охранников в боевом снаряжении (тяжелый шлем пси-защиты, броня, излучатели на поясе) выволокли и метнули на гладкий пол коридора рыхлый, черный, бесформенный куль и, так же молча повернувшись, скрылись за дверью.

– Что это?

Кто-то подбежал, кто-то нагнулся, обладатель фонаря услужливо осветил, позволяя получше рассмотреть зрелище. Люди потрясенно замолчали, переживая тот особый момент, когда страх уходит, замирает, притаившись на время, уступая место отстраненному хладнокровию в меру любопытного зрителя. На стальных плитах пола ничком лежал человек, спина его обуглилась, прожженная в теле полость позволяла видеть почерневшие грудные ребра, рваные ключья серого мундира осыпались тонким пеплом. Пахло паленым мясом и еще чем-то химическим.

– Фантом?!

Егерь повернул голову мертвеца, ухватив ее за выбившиеся из-под легкого шлема курчавые черные волосы.

– Нет, это не он.

Прямо в лица склонившихся наблюдателей смотрели безумные, выкатившиеся из орбит глаза насквозь прожженного излучателем Зенита.

Через секунду стекла наклонной стены задрожали от пронзительного женского крика. Толпу будто стегнули хлыстом – люди, пораженные безумием, разбежались по кабинетам, сбивали друг друга с ног, беспощадно топтали упавших.

Хлопали двери, гремела наспех придвигаемая к ним мебель. Одни молчали, переживая шок, другие бранились. Последним, мягко ступая, ушел Егерь, перед уходом он несколько раз попытался закрыть мертвые глаза Зенита – безуспешно.

Они смотрели.

* * *

Сеть пси-наблюдения Порт-Калинуса рухнула через пять минут после паники в Пирамиде. Конечно, датчики слежения в «критических точках» столицы не исчезли – просто их сигналы оставались не востребуемыми, целостность распалась, рвались незримые ниточки, обломки стройной системы кибер-сыска, словно обломки потерпевшего крушение судна, погрузились в информационный хаос.

Столица засыпала мирно – последние добрые часы в роскошной россыпи цветных огней, в шелесте осеннего дождя, в уютной атмосфере устоявшегося покоя. Брели, сцепившись руками, парочки, медленно редел поток машин. Играла музыка в ночных клубах, давно спали дети в тихих кварталах южной стороны.

Первыми заметили неладное патрули безопасности – после того, как в течение получаса свершившимся фактом стало дерзкое и безнаказанное ограбление облепленного пси-сторожками ювелирного салона. Идентифицировать вора не удалось, запрос в пси-службы не дал результата, лишённая энергии, замкнутая Пирамида молчала. Шеф столичной уголовной полиции безрезультатно терзал уникалом – Фантом так и не ответил, он исчез, и первому сыщику Каленусии не ответил вообще никто.

Для перехода от удивления к осознанию опасности, а от нее – к активному противодействию обстоятельствам обычно требуется время. В одних случаях оно коротко как выстрел,

в других – тянется не спеша – все зависит от воли и сообразительности причастных к критическим событиям людей.

На этот раз отпущенного судьбой времени фатально не хватало, уличные столкновения начались еще до рассвета – слишком странно, слишком быстро, казалось, бесцельно и без видимых причин. О массовых преднамеренных пси-наводках почти никто не подумал. Растерянные полицейские метались, безуспешно пытаясь если не исправить, то хотя бы понять ситуацию... и гибли.

Распахнулись двери домов, люди, сами не зная, зачем, высыпали из баров, разрозненные кучки хулиганов быстро обрастали сообщниками, в серой предрассветной мгле били стекла, врвались в дома предместий, выволакивая наружу сонных хозяев. В ответ грянули первые выстрелы.

Пасмурный рассвет занимался над беспокойным городом.

Неестественная скорость, с которой вырвавшаяся из-под пси-наблюдения уличная толпа становилась опасной, должна была насторожить любого. Этого не произошло по смехотворной причине, коренившейся именно в прославленной и привычной надежности Системы – никто не знал, чем чревато ее разрушение.

Искусственное происхождение беспорядков сделалось очевидным лишь несколько часов спустя, когда обезумевшие под прицельными пси-наводками люди уже рвались в административные кварталы Порт-Калинуса. Поднятые по тревоге части жандармерии пошли в бой, едва защитившись легкими касками, их смяли почти мгновенно, чудом вырвавшийся из человеческой мясорубки лейтенант плакал, размазывая слезы и кровь по копоту, запятившей щеки.

– Они лезут на излучатели! Они сошли с ума!

К вечеру следующего дня Порт-Калинус погрузился в агонию – полыхали, испуская жирный чад, перевернутые машины, на тротуарной плитке хрустели обломки витринного стекла. Остатки потрепанной жандармерии, экипировавшись детекторами и тяжелой пси-броней, тщетно пытались захватить неуловимых псиоников – вожаки бунта к славе не стремились и чаще всего умели прятать концы в воду.

Кого-то били обезумевшие горожане. Кое-кого расстреливали на месте солдаты. Уцелевшие участки полнились арестованными – избитые люди, скученные в тесных помещениях, страдали от духоты и жажды, стонали, бранились, проклинали и власти, и мятежников. Узники сидели на полу вплотную, плечо к плечу, локоть в локоть – невозможно было не то, что лечь, но даже вытянуть ноги. Запах в арестантской стоял такой, что даже далекие от эстетики стражи порядка предпочитали с крепкой сигаретой в зубах коротать тревожные часы на улице.

Взбесившуюся толпу остановили на самой границе административных кварталов, улицы попросту завалили мешками с песком, по подходившим слишком близко стреляли на поражение. Сенат заседал в растерянности, бледное лицо председателя собрания дергал нервный тик – шестидесятилетний президент Барт мучился неизвестностью, еще не зная о том, что его дочь, молодая госпожа Барт-Эллиан, супруга авиационного магната, вместе с детьми сгорела в машине, не успев отъехать от ворот разгромленного особняка и на двести метров. Барт казался глубоким стариком, под глазами набрякли мешки, широкие ладони мелко дрожали. Зал заседаний шумел, кто-то неловко примерял шлем пси-защиты, в дверях не скрываясь, стояла сумрачная охрана.

– Что это? Скажите мне, Барт – что происходит?

Президент тяжело, враз погрузневшим телом обернулся к соседу по скамье. Светлые, пронзительные, слезящиеся глаза сенатора Миллиана встретились с потускневшими глазами друга.

– Это псионики, Милли. Мы слишком долго делали вид, что их боль, смерть и их вечный соблазн попросту не существуют. Теперь пожинаем плоды и получаем урок. Они идут – идут за нами...

– Я не хочу умирать! Чего они хотят, Барт?

Президент покачал крупной, с проседью головой:

– Пока нам нужно просто держать удар. Выпрямите спину, дружище. Какая разница? Чего бы они ни хотели – для нас с тобой, Милли, это уже ничего не изменит...

Миллиан сцепил тонкие пальцы, не замечая, что ломает тонкое тельце позолоченного карандаша.

– А обычные люди? Мы разрешили стрелять в невменяемых безумцев... Мы убийцы, Барт.

Президент махнул рукой и отвернулся, грузные плечи его бессильно обмякли. Свободные помещения Дворца продолжали заполнять отступающие, перепуганные солдаты.

«Заседание растерянности» длилось шесть часов, оно закончилось ничем, шум беспорядочного боя уже врвался в широкие окна Калинус-Холла. Парламентеры повстанцев не пришли – их и не ждали. Еще через два часа враг сменил тактику, мелкие группы сенсов, прикрываясь пси-наводками, крышами и канализационными шахтами просачивались сквозь оборону конфедеральной жандармерии. Удары наносились прицельно – по негодным лицам, уцелевшим узлам коммуникации, патрулям.

Сбитые с толку конфедераты впервые увидели врага в лицо – нередко псионики умирали на месте, не выдерживал изношенный мозг. Такие тела опознавали легко – по прижатым к вискам или глазам скрюченным пальцам – сломанные мукой куклы в липкой, кровавой уличной грязи. Ужас обывателя был так велик, что торопливые прохожие далеко огибали даже трупы. В эти смутные, проклятые часы возродились старинные суеверия – люди прижимали к телу самодельные талисманы, по бумажке шептали давно забытые заклинания против колдовства. Кое-кто из самых предприимчивых наспех приторговывал и тем и другим. Замкнутая в себе Пирамида, гнездо новорожденного хаоса, молчала – ее огибали и шествия безумцев, и отряды пси-боевиков.

Но в сердцеvine Департамента все еще теплилась жизнь.

* * *

– Советник, откройте...

Егерь прислушался к осторожному полусшепоту за запертой дверью.

– Кто это?

– Кравич.

– Кто?

– Инспектор Фил Кравич, пятнадцатый отдел.

Наблюдатель, царапая стальной паркет, отодвинул в сторону от двери увесистый сейф и впустил гостя – высокого, широколицего, веснушчатого парня.

– Садитесь, Фил. Не надо субординации – сейчас мы все равны и все в дерьме. Я не предлагаю вам кофе – у меня пересох кран.

– Воды нет во всем крыле. У меня осталась минералка – вот.

– Кажется, я вас помню?

– Я участвовал в проекте покойного Хиллориана, охранял сенсов из его команды. Вам налить?

– Оставьте себе. Вы разбираетесь в электронике, Фил?

– Немного. Систему мне все равно не починить, ее выключили с центрального пульта – прямо из кабинета шефа. Дверь там заблокирована изнутри. У меня слабенькие пси-способности, до боевого сенса далеко, но кое-что и я могу. Так вот... Там глухо – глухо, опасно и погано. Внутри кто-то есть. Я не верю, что это Фантом – старик не мог учинить такой дряни.

– Вы правы, Кравич. Мне не дает покоя желание выбраться наружу. Я обошел наш ярус – ни единой щели. Разве что открыть окно и спуститься по внешней стене... Как вам такая авантюра?

– Простите, советник, слом шеи гарантирован, здесь холерски гладкая стена, стекло первосортное, куски большие и гладкие, скажите спасибо этой шельме, архитектору Финтиану. Мы с вами, как крысы в садке.

– Картина невеселая... Ого!

– Что такое?

– Смотрите на монитор.

Кравич повернулся и уставился на внезапно оживший экран. Система, включенная на одностороннюю передачу, демонстрировала всем желающим худошавую фигурку, бледное большеглазое и большеротое лицо Аналитика.

– Я никогда не любил эту тощую сволочь.

– Тихо, послушаем, что он скажет.

Аналитик откашлялся, опущенные глаза придавали юношескому лицу обманчивое выражение застенчивости – на самом деле он попросту бегло читал текст с положенного на стол листочка.

«Братья по долгу. Час настал! Я, консул обновленной Каленусии, обращаюсь к вам – настало время восстановить нарушенную справедливость. Коррупцированный режим Конфедерации предал нас, лишив естественных прав...»

– Разум и Звезды! Что он несет? Стиль гадостный.

– Тихо, Кравич... Тихо. Это только преамбула.

«...Мы приняли решение свергнуть горстку тиранов, обрекших нас на медленное умирание. Кто не с нами, тот сам себе выносит приговор. Мы – сверхлюди будущего, прочим нет места в истории...»

– Я не знал, что Аналитик у нас шизофреник. Это он про кого несет?

– Про сенсов и для сенсов. Вы зря смеетесь, Кравич – такое может найти отклик у неудачников.

«...решайтесь – момент настал. Всем, обладающим пси-способностями и лояльным к новому руководству Департамента следует собраться в секторе ноль. Предатели, агенты, паникеры будут уничтожаться на месте...»

Монитор угас – Систему снова отключили. Егерь увидел, как мгновенно посерело, осунулось и постарело лицо инспектора Кравича, жестко прорезались морщинки в уголках рта.

– Мне лучше уйти. Закройте за мною дверь и задвиньте ее поплотнее и больше для меня не отпирайте.

– Почему?

– Я – псионик. Слабенький, но псионик. Простите, мне стыдно, вам не следует доверять таким, как я. Воду оставьте себе – вам она больше пригодится.

Инспектор в сером мундире поднялся со стула, ссутулившись. Его убитый вид тронул Егеря.

– Постойте, Фил!

– Зачем?

– Вы сейчас совершаете ошибку. Можно пользоваться своими способностями или пренебрегать ими, но нельзя идти на поводу у маньяка. Вы сенс? Пусть так – для меня это не важно, вы честный человек – это главное. Мы не можем разбрасываться верными людьми – по одиночке нас удобнее и безопаснее бить. Я прошу вас остаться.

– Вы мне верите?

– Да.

Кравич опустил на стул.

– Ну что ж... Приказывайте, мастер советник.

– Это скорее просьба – я же сказал, дело носит неофициальный характер. Вы видели мертвое тело Фантома?

– Нет.

– Будьте спокойны, существуй оно в природе, свихнувшийся Ролан предъявил бы публике труп – хотя бы для устрашения. Вы видели, что он сотворил с Zenitom? И, тем не менее, мертвого Фантома не видел никто. Мне кажется, он все еще жив и находится в Пирамиде. Как насчет того, чтобы найти шефа?..

– Думаете, двоим это по силам?

– Не знаю, вот и проверим. У меня есть оружие в сейфе, кроме того, понадобится ваш дар псионика. Двое нормальных офицеров против сумасшедшего «консула» и его мятежников – как вам такой расклад?

– Заманчиво. Однако, Ролан хоть и псих, но не дурак – за него вся охрана четырнадцатого отдела, мятежники засели в резиденции Фантома, прибрали к рукам склад с пси-защитой и стволами, держат связь под контролем, запугали и запутали наших ребят. Наверняка снаружи у них дружки, там заварилось дело не на шутку – вы ведь слышали выстрелы?

– Тем лучше – задача становится интереснее. Так как?

– Я с вами хоть в Аномалию.

– Тогда – пошли.

Так получили начало события, невероятным образом определившие судьбу троих беглецов, чей кар в эти часы мчался на восток.

Глава 25. «Стрела, летящая в ночи»

Каленусийская Конфедерация, северо-восточное шоссе

– Пора передохнуть, меняемся местами, вы – за руль, Хэри.

Стриж притормозил у обочины. Пыльная, осенняя степь плоской тарелкой уходила к серому мареву горизонта. Метелки высохшей травы почти не шевелились под ветром. Восточная трасса узким порезом рассекала равнину пополам. Он огляделся – ни единой машины ни с той, ни с другой стороны, дорога словно бы вымерла – тишь да гладь, лишь два неряшливых шара перекасти-поля застряли в выбоине полотна.

Заспанный Майер нехотя выбрался из машины и скептически уставился на Стрижа.

– Вы давно на себя не смотрели?

– Нет, а что?

– Вид у вас характерны – небритый, потрепанный, злобный, иллирианский, преступник в бегах, самая настоящая «дурная компания» для заблудшего меня.

– Понятно. Ваша рука не болит? Тогда садитесь за руль, трепач.

– Ладно, как хотите, но мы бегаем по Каленусии как недорезанная курица по засранному загону. Это дело испускает все более интересные ароматы. Вот увидите, наш «друг» Эшли в конце концов будет оправдан, примет душ, станет героем в белых одеждах, всех собак повесят на вас, тогда мне припомнят это сомнительное знакомство.

– Понятно. Если что – валите все на меня. Ну или могу высадить вас где-нибудь. Кстати, топливо на исходе.

Философ, похоже, обиделся – он молча ввалился в машину и взялся за руль, Стриж, не обращая внимания на капризного профессора, уселся на заднее сиденье.

– Леди Джу?

– Что?

Белочка подняла на Дезета равнодушные, остановившиеся ореховые глаза. Стрижу захотелось отвернуться, он с трудом заставил себя выдержать этот пустой, равнодушный взгляд.

– Майер прав, следует определиться. В Каленусии вам оставаться опасно. В Порт-Иллири не зову, там будет слишком тяжело. Я думал и вижу только один выход. Я отвезу вас к Фалиану и оставлю там.

Ресницы сострадательницы дрогнули.

– К этому фанатику?

– Старик по-своему уважает вас. У них, на восточных территориях сплоченная, крепкая община, там каждый восьмой – псионик высшей пробы, едва ли не четверть людей – переселенцы из Ахара. Этот орешек не так-то просто раскусить, знаю по личному опыту. Власти туда не суются без крайней нужды, официальных претензий к вам нет. Мне кажется, такой выход – самый лучший. Вы сможете сделать карьеру сенса-врача.

– А вы куда, Алекс?

– Я возвращаюсь домой.

Сострадательница опустила белые, восковые веки.

– Удачи, Стриж. Удачи и спасибо за все.

– Удачи будете желать, когда довезу вас до границы фермерского рая... Трогайте, Хэри – вперед.

Майер погнал машину дальше, сзади оставались метелки придорожной травы.

К заправочной станции возле убогого домика подъехали через полчаса. Из будки, гремя цепью, вылез косматый пес. Собака зевнула, показала желтые клыки, и полезла обратно в конуру, оставляя на притолоке клочья бурого пуха.

– Что-то подозрительно тихо.

– Обычное захоlustье. Пошли, пора потревожить хозяев.

Окошко кассы пустовало. Стриж позвонил и, не дождавшись результата, переступил порог – узкий коридор терялся в полумраке.

– Эй! Есть здесь...

...Удар пришелся по затылку, Дезет не успел увернуться. Последним, что увидел иллирианец, были сапоги – короткие, без шнуровки, на толстой подошве боты механика стояли возле самого лица Стрижа.

* * *

Правую щеку царапало, Стриж приподнял голову, сплюнул грязь и обнаружил, что лежит лицом на покрытой редкой иссохшей травой земле. Опять, как в Ахара, пахло полыньей, заломленные назад руки оказались прочно связанными, старые знакомые – грязные боты маячили неподалеку.

– Тащи сюда второго, ребята!

Рядом с иллирианцем, поднимая пыль, плюхнулось нечто – Хэри Майер собственной персоной. Дезет скосил глаза на философа. «В чем дело?». Профессор не отреагировал никак – то ли и впрямь потерял сознание, то ли искусно притворялся.

– Кто у них там в машине? Мальчишка?

– Стриженная баба. Малахольная шлюха из натурастов.

– Волоки и ее наружу, разберемся.

Стриж напряг мышцы рук, пробуя путы на разрыв – бесполезно, веревка плотно врезалась в кожу. Боты протопали к нему, поднимая фонтанчики пыли, крепкая рука ловко ухватила воротник куртки и развернула иллирианца лицом вверх. Владелец бот оказался сухим, желчным, остроносым типом в испачканной смазкой куртке. Отросшие волосы механика из-под шлема пси-защиты свисали на уши и воротник.

– Ты псионик?

Холодный щуп детектора прикоснулся ко лбу Стрижа. Остроносый разочарованно хмыкнул, почесал мизинцем кончик носа и отвел детектор в сторону.

– Пустышка. Такой парень нам не нужен.

Впервые в жизни Стрижа его пси-ноль не произвел на измерителя ровно никакого впечатления. Владелец бот тем временем сплюнул в грязь и вплотную занялся Майером.

– Этот тоже в норме. Тащите сюда деваху.

Стриж запоздало рванулся, веревки, кажется, затрещали, но все-таки выдержали, носатый механик беззлобно, не особенно стараясь, ткнул его ногой в ребра.

– Чего дергаешься? Сучку свою пожалел? Остынь. Ни одна баба смерти не стоит.

Дезет смотрел на белое, запрокинутое к небу лицо Белочки, ясно видел ее расширившиеся до предела зрачки, короткий ежик каштановых волос. Носатый придержал голову девушки за острый подбородок, поднял и приложил щуп ко лбу.

– Есть контакт. Сенс. Забирайте ее, ребята.

Двое людей в таких же, как у главаря, защитных шлемах и в рабочих комбинезонах – один в желтом, другой в оранжевом – оттащили Джу в сторону. Механик покачал головой и наставительно, сменив тон, заявил Стрижу:

– Мерзкий псионик – стрела, летящая в ночи. Как стрелы встречают щитом, так хитрость сенса следует встречать твердостью.

Дезет проглотил готовое сорваться ругательство пополам с дозой дорожной пыли. Помощники носатого тем временем растеряно вертели псионичку туда-сюда, ошалело рассматривая ее сквозь прозрачную пластиковую блузу.

– Может стоит сначала того... эта... – заикнулся один – тот, который был в желтом комбинезоне.

– У тебя член вместо мозгов вставлен. Это псионичка. Ее только тронь куда-нибудь, потом всю жизнь от порчи лечиться будешь. Мы не насильники – мы люди честные и с понятиями. Давайте, ребята, не ленись – творите угодное Разуму дело.

Двое оттащили Джу в сторону придорожного столба. Стриж содрогнулся, заметив то, на что сначала не обратил никакого внимания – слой жирной гари покрывал столб на всю нижнюю треть длины.

– Эй, не делайте этого!

– Это почему?

– Вам за нее хорошо заплатят власти.

– Засунь свои деньги знаешь куда... Нету больше властей. Такие, как эта баба, убили моего старика – охмурили и бросили его с голыми руками на солдат.

– Это целительница. Она никому не причиняла вреда.

– Это ведьма. Дым от мяса ведьмы всегда хорошо пахнет.

Стриж снова видел старую иллюзию – стлался в воздухе запах горькой полыни, цикадами звенела кровь в висках.

– Пошадите девушку. Вам мало нас двоих?

Майер ворохнулся по соседству и неожиданно отчетливо заявил:

– Пожалуйста, говорите только за себя. Вы у нас смелый, зато я – умный.

Носатый ткнул Дезета сапогом в висок – чувствительно, но недостаточно сильно, чтобы отправить в беспамятство.

– Еще чего. Не колдуны нам не нужны. Досмотрите угодное Разуму дело до конца – и ступайте себе на все четыре стороны. Мы не бандиты какие-нибудь.

Мужики в комбинезонах уже прикрутили сострадательницу к столбу, один из них аккуратно отвинтил пробку канистры и окатил одежду жертвы горючим.

– Мы не изверги, не бойся, твоя баба быстро сгорит.

Остроносый, прочитав короткую молитву, степенно добавил:

– Поджигай, парни.

Обладатель желтого комбинезона отступил на шаг от столба, пошарил по карманам, извлек зажигалку и пощелкал.

– Заряд кончился, – мрачно буркнул он.

– Сходи за спичками на кухню.

«Желтый» неловко повернулся, смущаясь из-за нарушения хода церемонии. Сострадательница подняла голову, из ореховых глаз ушла муть страха, они смотрели осмысленно и твердо. Стриж мимикой задал беззвучный вопрос, Джу на миг опустила ресницы. Дезет попытался поймать то, что должно вот-вот должно было случиться, и не почувствовал ничего. «Нулевик тупой». Походка «желтого комбинезона» вдруг сделалась неуверенной, он неловко шагнул к остроносому, в потом закатил главарю звонкую оплеуху, сбив с него шлем психзащиты.

– За что?

Желтый сглотнул комок в горле и мрачно промолчал. Ошарашенный владелец бот, зло ткнул товарища кулаком, удар пришелся в бровь, комбинезонник, тоже лишившийся шлема, вытер со лба липкую жидкость и вцепился в воротник бывшего приятеля – они завалились друг на друга в пыль, возмущенно залаяла бурая собака.

Сообщник в оранжевом, беззаботно улыбаясь, подошел к Дезету и принялся неловко дергать узел на руках иллирианца. Дезет, скривившись, терпел прикосновения чужих рук, испачканных предназначенным для сожжения горючим. Через пару минут все было кончено – троица бандитов бесцельно разбрелась по двору, один пел без слов, другой пытался играть с бурой

собакой. Нестриженный главарь в ботах облизывал свой указательный палец, то и дело погружая его в одиноко стоящую на земле канистру.

Стриж открутил проволоку, все еще державшую Белочку у столба, потом развязал философа.

– Пошли отсюда. Хотя, сначала надо ликвидировать этих уродов.

Майер поморщился:

– Зачем? Безумие хуже смерти. Как вам удалось это, Джу?

– У двоих оказались побитые шлемы – наверное, их сняли с мертвых солдат. Теперь мне так плохо, Хэри, я словно вся измазалась в грязи. Я видела мысли этих людей, им больно и страшно, их причины ненавидеть псиоников – настоящие.

Стриж скептически хмыкнул:

– Нашли кого жалеть. Ради вашего сострадания, Джу, я не стану ломать им шеи, хотя – стоило. Я очень и очень зол. Хэри, где ваш уникон?!

– Не орите так, мой вспыльчивый друг – вы же сами запрещали его включать. Чума!

Связь тут никуда не годится.

Слабый сигнал все же прорвался спустя пару минут.

Страж включил звук. Трое молчали, лоя сбивчивый, изуродованный шумом голос комментатора. Столкновения в столице, мертвые псионики на улицах, осажденный Сенат...

– Что скажете, Хэри Майер?

– Это гражданская война, Алекс, очень может быть, вмешается и ваша Иллира.

– Тогда тем более – на северо-восток, к Фалиану, там единственное безопасное место...

...Они заправили машину и тронулись в путь. Еще через полчаса «желтый комбинезон» все-таки отыскал на кухне спички. Он обрадовался и попытался вспомнить, зачем они были нужны, потом вышел во двор, разбрасывая маленькие смешные кусочки огня. Одна из спичек случайно коснулась топлива, широко растекшегося из опрокинутой впопыхах канистры. Жирный столб дыма был виден издали. В конуре выла забытая всеми собака.

Глава 26. *Contra spem*³

Порт-Калинус, штаб-квартира Департамента Обзора

– Вы готовы, Фил? Постарайтесь попасть прямо в круг. Если верить проектной документации – тут самая тонкая оболочка, единственное уязвимое место.

Кравич поднял излучатель и направил его в сторону нарисованной зеленым фломастером окружности.

– Ну и память у вас, мастер советник. Отойдите подальше.

Он выстрелил, задержал огонь на импровизированной мишени, пластик потек, истончался.

– Готово. Пускай остынет немного. Там, кажется, шахта лифта.

– Это резервный лифт, ведет с верхней площадки сразу к лабораториям. Если двери нижних ярусов заблокированы, а это, я думаю, так, мы окажемся в запертом подвале. Возможно, старина Фантома тоже заперт так, он любил... то есть любит лично наблюдать за учеными.

Егерь заглянул в прожженное отверстие. Тянуло запахом металла и смазки, трос клетки уходил в темноту.

– Клеть сейчас прямо над нами, ее нельзя поднять вручную, зато можно вручную опустить. Пробиваем дно, забираемся вовнутрь, немного разблокируем тормоз и готово... Мне кажется, или вы действительно сомневаетесь, Кравич?

– Так ведь из подвала нам уже не подняться.

– А отсюда по-другому не спуститься. Если доберемся до технического яруса, может, найдем там способ запустить Систему...

Через некоторое время лифт с лязгом пошел вниз, Кравич светил в дыру фонарем, пытаясь определить пройденное расстояние. В конце концов клеть прибыла на место с унылым грохотом, заклинившая дверь поддавалась с большим трудом, луч фонаря заметался по стенам коридора.

– Есть здесь живые?

– Тише, Кравич, не стоит поднимать шум.

Пятно света снова заскакало по стенам, высвечивая мертвые мониторы, брошенное оборудование, под каблуком Егеря что-то хрустнуло, это оказались оброненные женские очки в тонкой золотой оправе. Одно стекло уцелело, к дужке прилипла вырванная прядь светлых волос. Застоявшийся воздух отдавал тлением – пока только слегка.

Егерь задумался. Если исходить из того, что Фантом мертв, осмотр трупов в лабиринте коридоров мог затянуться на неопределенное время. Начальник оперативного отдела остро ощущал каждую потерянную секунду, словно это сочилась по капле, уходя в жадную пустоту, его собственная жизнь.

– Ладно, будем считать, что шеф уцелел, – наконец сухо сказал он. – Живого человека, скорее всего, запрут в отсеке. Попробуйте нащупать ментальный след.

Сенс прислонился к стене и погасил фонарь, этого оказалось мало – он зажмурился, фиолетовые круги плавали на фоне век. Минуты шли, Егерь терпеливо ждал, боясь словом, жестом, даже мыслью помешать псионику. Наконец, вспыхнул свет – это Кравич включил фонарик. Он тяжело дышал, в углах глаз обозначились глубокие как порезы морщины.

– Разум Милосердный! Мастер советник, я не могу... Ментальный след наших мертвых ребят... Он везде. Им больно, они словно кричат.

³ Вопреки ожиданию (лат.)

– Попробуйте еще, Фил. Пройдем подальше, пробуйте снова, я на вас надеюсь. Помните, Ролан заплатит за все, это я обещаю.

Они прошли два десятка шагов, Кравич опять погасил фонарь и замер, ловя во тьме незримый след живого.

– Кажется... сюда. Мне так хочется быть вам полезным, но я двоечник среди псиоников, а тут еще экранирует металл...

Они прошли еще пятьдесят шагов, свет фонаря высветил россыпь темно-коричневых засохших капель и черное, в оспинах расплавленного металла, пятно – след излучателя. Место хранило ауру трепещущей боли, пронзительные тона отчаяния, льдистый холод страха и потрясение безмерного и запоздалого удивления.

– Вы слышите, советник? Стук! Там кто-то стучит.

Егерь тоже замолотил рукоятью пистолета по бронированной двери, постукивание с той стороны сначала прекратилось, потом повторилось, теперь уже в рваном ритме, намекающем на некий смысл.

– Ритмическая азбука.

– Что это означает?

– Тихо... Это Фантом!

Инспектор придвинулся поближе, преисполнившись уважения к познаниям Егеря, постукивание то учащалось, то замедлялось, оперативник хмурился, пытаясь уловить смысл на слух.

– Он при смерти, Фил. Там, внутри, нехорошо... Вы чувствуете?

– Ничего не чувствую, отсек экранирован лучше некуда.

– Нам любой ценой нужно вскрыть дверь и как можно быстрее – там нет вентиляции.

Егерь дотронулся до холодного металла, сам не зная, зачем, приложил к нему раскрытые ладони, дверь глухо молчала, стук прекратился. «Это гробница, место, в которое отправляются умирать».

– Как вы думаете, Фил, излучатель возьмет металл?

– Не возьмет.

– Попробуем подобрать шифр?

– Не успеем. Хотя, есть идея... Вы ведь умеете стучать код – спросите совета у него шефа. Реализация идеи Кравича заняла некоторое время – Егерь путался в полузабытых знаках.

– Он ответил «спрошу».

– Фантом хочет сказать, что их там двое?

Егерь похолодел, в животе устроился ледяной комок. А что если Фантом сошел с ума? Или это вовсе не Фантом? Кто знает, что за существо ждет за запертой стальной дверью – шефом Департамента мог свободно назваться любой.

– Пусть он ответит.

На этот раз ожидание затянулось, слабое постукивание возобновилось спустя четверть часа.

– Диктует шифр замка.

– Фантом – гений.

– Или свихнулся. Сейчас посмотрим... Светите, Кравич.

Егерь твердо, одну за другой прижимал маленькие кнопки. Замок нехотя, щелкнул, в толще металла что-то сердито проскрипело.

– Крутите ручку. Готово.

Дверь дрогнула, в лицо наблюдателям ударил спертый, горячий воздух, Егерь ждал, взяв оружие на изготовку. Плечом к плечу с ним рядом стоял Кравич. Открылась обшитая металлом коробка отсека.

– Разум Милосердный!

Шеф Департамента Обзора сидел на полу, расстегнув ворот мундира, бессильно уронив голову, он поднял лицо – короткие волосы слиплись от пота, облик изменился почти до неузнаваемости – иссиня-черные круги под глазами, ввалившиеся щеки, хищный оскал зубов.

– У вас есть вода?

– Минеральная.

– Давайте сюда.

Фантом сосредоточенно опустошил бутылку.

– Спасибо, Егерь. Спасибо и вам... как вас зовут?

– ...Инспектор Кравич, мой генерал.

– Спасибо, инспектор. Поверьте, не забуду... Не забуду никого – ни тех, ни других.

Первый наблюдатель Каленусии, встал, заметно покачнулся, заставил себя выпрямиться, лоя ускользящее равновесие.

– Что с Пирамидой?

– Блокирована, без энергии.

– В городе?

– Стрельба.

– Аналитик?

– Заперся с мятежниками в командном центре.

– Наши люди?

– Деморализованы.

– Столичные власти?

– Молчат.

– Ну что ж, у нас есть дело, господа.

– Командуйте, шеф. Мы всецело с вами.

– Не сомневаюсь, Егерь. Для начала мне нужен портативный кибер помощнее, с автономным питанием, но размеры и вес должны оставаться в пределах разумного – нам его носить с собой.

– Я, кажется, знаю, что нам подойдет. Тут неподалеку склад... Я схожу с фонарем.

Кравич вернулся через полчаса, волоча за собой за собой увесистый предмет. Конструкция, снабженная ногами, превосходила размерами обычный кибер и напоминала то ли собаку, то ли поросенка. Подобие головы крепилось к туловищу короткой, толстой шеей, с ошейника свисала, побрякивая, длинная цепочка.

– Проект пси-ищейки. Забракованный опытный образец.

– Уродлив, как видение алкоголика, но сойдет. Сейчас подключим монстра к местному киберу – у него тоже автономное питание. Оттуда нужно кое-что переписать...

Спустя некоторое время искусственный пес ожил, преступил лапами, на глазах обретая пластику живого существа. В манерах монстра на секунду – всего лишь на секунду – прорезалось нечто трогательно-неловкое, так двигаются, преступая ножками, маленькие дети.

– Теперь с ним можно общаться голосом.

Фантом склонился над конструкцией.

– Привет, Макс! Как тебе новая оболочка?

По воле случая у существа оказался приятный, глубокий, с бархатистыми нотками голос.

– Хорошо, наконец-то, иметь тело. Впрочем, оно могло быть и получше. Здесь не хватает хвостика.

«Он учится шутить, – с суеверным ужасом подумал Фантом, – интересно, во что разовьется этот плод ментального слияния двух Аналитиков?»

– Спасибо за шифр к замку. Как ты догадался?

Гомункулус попытался засмеяться, в этот критический момент природа кибера дала о себе знать – звук получился металлический, неестественный.

– Я не знал шифр, зато я знаю Ролана. Он мой создатель.

Кравич угрюмо промолчал, Егерь рассматривал Макса со сложной смесью почтения и отвращения.

– Что это, шеф?

– Не «что», а «кто». Ролан смещен с должности. Рад представить команде нового Аналитика Департамента.

– Но он же машина.

– Не важно. Он специалист высокого класса.

– Я неидеален, – заметил кибер. – Я ошибся в предсказании вашей смерти.

«Как странно, – подумал Фантом, – странно, прекрасно и страшно. Мертвый Элвис, живой Ролан, я сам со своим любопытством – все мы вместе нечаянно выпустили в мир сверхчеловеческий разум. Сейчас гомункулус одинок и растерян, он ищет себя, и когда найдет... Что будет тогда? Я мог бы уничтожить это существо прямо сейчас, и, тем не менее, не могу – рано бить золотое яйцо. И он сам знает об этом».

Фантом кивнул оперативникам:

– Мы реализовали ничтожный шанс на успех, поздравляю. А теперь – за дело. У кого какие соображения?

– Пробриться наружу, – сказал Кравич.

– Ликвидировать Ролана любой ценой, – добавил Егерь.

– Макс?

Гомункулус медлил – на размышления ушло с полминуты.

– Нужно обратить преимущество врага против него.

– Как?

– Пси-наводка. Псионик подвержен ей в не меньшей степени, чем обычный человек, если не поставит ментальный барьер, конечно. А с барьером он не боец.

– Это безнадежно. Пси-наводку не воспроизвести технически, наш друг Кравич не сможет в одиночку воевать против всех.

Гомункулус издал металлический то ли смех, то ли лай:

– Я тоже псионик.

Фантом скептически поджал тонкие, бледные губы.

– Ты машина, Макс. На тебя распространяется фундаментальное исключение Калассиана.

– Нет, я псионик, Фантом, – упрямо повторил кибер. Носитель, эта металлическая свинья, не имеет значения, у меня есть душа, я получил ее в наследство от человека.

«Хотел бы я знать, от которого из двух», – подумал Фантом.

– Мораль зачавших мою ментальность значения не имеют, важно, что у меня были родители, – тут же заявил Макс.

«Он читает мысли?»

– Нет, только угадываю.

Егерь, который слышал лишь половину реплик, в финале диалога расхохотался, вытирая руками веки, щеки, размазывал по лбу полосы сажи и крупные капли пота.

– Это я сошел с ума или жестяная свинья заговаривается?

– Меньше эмоций. Все мы сейчас не в себе, – холодно отрезал Фантом. – Я тебя слушаю тебя, Макс, продолжай.

Новый Аналитик на этот раз был краток. Шеф Департамента выслушал гомункулуса без особого энтузиазма – план показался ему слишком странным.

– Вероятность успеха?

– Сорок девять из ста. Это все, что я могу предложить

Фантом колебался лишь мгновение. «За все приходится платить, это не обидно, а только честно. Мне, по крайней мере, твердо назвали цену».

– Я согласен рискнуть. Итак...

Они спорили о деталях плана, сидя на полу – единственный стул, два часа назад разбитый Фантомом в порыве отчаяния, совсем развалился. Егерь чертил план этажей, вода пальцем по слою жирной гари, Кравич морщил лоб, вспоминая, шеф Департамента оставался внешне спокоен, его волнение выдавали лишь полотно сжатые губы.

Гомункулус больше не пытался вмешиваться. Свет фонаря отражался от крутых, блестящих боков монстра...

* * *

Проливной дождь с утра затопил улицы Порт-Калинуса, заваленные телами водостоки не справлялись. Мутный поток нес бурую пену, мусор с неубранных тротуаров, сорванную ветром листву, площадь перед Дворцом Сената уже превратилась в грязное болото.

Окна Дворца заложили мешками с песком, их запас отыскали где-то в подвалах. Остатки жандармерии два часа назад полностью отошли у центра и соединились с гвардией Сената. Энергии не было, костры на площади залило, усталые люди пытались жевать сухой концентрат пайков.

Амфитеатр скамей в зале Сената пустовал наполовину. Вошедший офицер охраны прервал Барта на полуслове – некорректность, невыносимая при обычных обстоятельствах. Их разговор вполголоса слышали лишь двое-трое близ сидящих, но по малочисленным рядам испуганных сенаторов пробежал ропот.

– Мы требуем правды!

Президент встал.

– Господа сенаторы – я предлагаю немедленно спуститься в пси-убежище, более того, я решительно настаиваю на этом.

Через четверть часа зал опустел, сквозняк, врываясь в разбитые окна, ворошил брошенные в спешке документа. Чуть позже пришли другие люди, они, освобождая пространство, грубо отволокли в сторону изящные скамьи, разметали бумаги, под расписанные фресками своды внесли первых раненых...

Пирамида, средоточие мятежа, чернела пятнами выбитых секций – огромные толстые стекла нижних ярусов разлетелись вдребезги, острые осколки усеивали весь квартал. Верхние ярусы, заблокированные, почти лишенные энергии, заполненные живыми и мертвыми вперемешку, недостижимые для внешнего мира, замкнулись в ожидании. Точнее, так казалось снаружи. На самом деле ярус высшего руководства уже очистили от тел – раненых оттащили в покинутые комнаты, убитых наспех скидали в полупустой склад. Пятна крови и гари уже поблекли под сапогами охраны. Неприсоединившиеся к мятежу заперли порознь, чтобы те в одиночестве ожидали своей участи.

Аналитик Ролан не показывался, предпочитая руководить ходом событий из командного центра – здесь хотя бы сохранилась связь. Ниточки коммуникаций связывали бывшую резиденцию Фантома с ключевыми для псиоников точками столицы, оттуда его сообщники, преднамеренно рассеянные по Порт-Калинусу, направляли действия толпы.

Аналитик поднял усталую голову, отозвавшись на условный знак – сложный, ритмичский сигнал походил на стук в дверь, но имел чисто ментальную природу.

– Заходи, я отключил блокировку двери.

Девушка вошла, почти неслышно ступая – низкие туфельки мягкой кожи скрадывали шаги.

– Я так долго ждал тебя, Рита.

Она повернулась к свету, отблеск угасающего дня упал на лицо, высветил легкую впалость бледных щек, прямые брови, тонкий правильный нос. В длинных и прямых иссиня-черных волосах заплясали искорки. Стало заметно, что вошедшая не так уж и молода, она казалась лишенной возраста – то ли женщина, и после тридцати сохранившая отблеск юности, то ли девушка, которой потрясения или болезнь подарили подобие зрелости. Рита двигалась слегка неуверенно, словно боялась резких толчков.

– Я ждал тебя. Где ты была?

– Спала. Видела сон – плохой сон.

– Опять серые нити? Оставь, пока я жив и у руля, тебе некого бояться.

– Я боюсь не Оркуса, а того, что мы натворили.

Аналитик сжал кулаки так, что побелели костяшки.

– Ты опять за свое? Пойми, есть дела, которые делают, не оглядываясь. Если боишься, не следует браться, если взялся – делай это до конца. Ты пошла за мной по доброй воле, так не отступай же теперь. Не предавай меня, Рита.

Женщина села в глубокое кожаное кресло Фантома, подобрала ноги, обтянув колени подолом синего платья.

– Хорошо. Я не предаю. Если надо, я умру ради тебя, но ты уверен, что мы не совершили ошибку?

Аналитик встал, прошелся туда-сюда, бессознательно копируя любимую привычку Фантома.

– Нет, я уверен в нашей правоте. Эта уверенность – не фанатизм, она основана на фактах. В те дни, когда из-за диверсии иллирианцев «растаял» Калассиановский Центр там пропали многие данные. Многие, но не все. Тогда был шок на государственном уровне, все это уцелевшее богатство без разбору свалили в Систему... Ты слушаешь?

– Да.

– Спустя годы, когда я стал своим человеком в Департаменте, мне удалось добраться до той, старой информации. Выводы не лежали на поверхности, но ты не забывай – я Аналитик. Прирожденный, предназначенный для этого судьбой, Аналитик от бога, как говорили древние. Я работал, использовал Систему, сделал это втайне от внутренней безопасности и теперь уверен на все сто процентов...

– В чем?

Аналитик резко повернулся к женщине, казалось, он вот-вот ударит ее, но вместе этого новый хозяин Департамента только взял узкое лицо Риты в свои ладони и повернул так, чтобы она не могла отвести взгляд. Уголок широкого рта Ролана задергался.

– Мы умираем. Ты знаешь, Рита, мы умираем – медленно, но верно. Подойди к зеркалу – посмотри на себя...

Он ласково, осторожно провел ладонями по плавному контуру плеч псионички, за руку выдернул ее из кресла и подтолкнул к блестящей стене кабинета. Женщина, сжавшись, заморожено смотрела в зеленоватую глубину зеркала.

– Сколько тебе лет? Не отвечай, я копался в архивах Системы – тебе двадцать один. Это для архивов, а на вид тридцать пять. Ты слишком быстрым шагом спешишь к смерти, моя милая.

– Можно реже пользоваться нашим даром. Старение – это только плата.

Аналитик коротко рассмеялся.

– Ты веришь... Слепо веришь в эту чушь. А можешь ли ты вспомнить хоть одного псионика Геонии, которого спас совет насчет ментального воздержания? Ну, попытайся... Пусть не сейчас, ну хоть один за всю историю должен быть? Что, не можешь вспомнить?! А ты знаешь, почему? Потому что их нет! Нет и не было никогда, нас обманули, Рита...

Женщина, ни говоря ни слова, пыталась освободиться – Аналитик, забывшись, больно стиснул ее плечи.

– Нам лгали, псиоников убивает не дар. Нас убивают лишённые этого дара, «тупицы» – пусть без злобы, без желания причинить вред... Природа – великий выравнитель, жизнь, сила, энергия и сами наши души уходят им, Рита. А за что? Пока жив, пока дышит рядом хоть один «тупица», ты будешь умирать заживо...

– Разве обязательно их убивать?

Аналитик выпустил плечи псионички.

– Нет. Достаточно сломить их сопротивление. Выживших можно изолировать... Я говорил тебе об этом, и не раз. Ты веришь мне?

Девушка отстранилась, смоляные волосы растрепались,. Аналитик взял безжизненную руку псионички и добавил почти умоляюще.

– Мне противна бессмысленная жестокость. Я просто хочу спасения – для тебя, для себя, для таких, как мы. Не молчи – скажи что-нибудь. Ты мне веришь?

– Да.

– Ты меня не предашь?

– Нет.

– Рита...

Он гладил упругие черные волосы, поцеловал висок возле уха. Девушка положила узкие ладони на плечи Аналитика, в этот момент его лягушачья улыбка казалась почти красивой.

– Не тревожься. Мы как дети, заблудившиеся в темноте, нас пугает крик птицы, ветер свистит в скалах, и облака закрыли луну... Но это – только сон, все пройдет. Перетерпи этот ужас, Рита, и он отступит. Придет другой порядок вещей – это будет прекрасный мир равных... Убери пси-барьер... Убери! – я хочу прикоснуться к твоим мыслям...

Он говорил и говорил, обнимая девушку, легко роняя то ласковые слова без смысла, то обещания, в которые сам наполовину верил. Пуговиц на синем вязаном платье не оказалось, потом они обнаружились на спине, одна перламутровая пуговка отлетела и звонко заскакала по полу.

Необъятное кресло Фантома подвернулось очень кстати.

* * *

– Ролан, откройте!

Дверь гроыхала под нетерпеливыми ударами. Женщина в синем платье, изогнувшись, пыталась найти на спине недостающую пуговицу. Рваные шелковые трусики валялись возле ножки стола, прежде чем отворить посетителю, Аналитик подобрал их и сунул в карман.

Вошедший улыбался уголками глаз – но не губами, физиономия сенса оставалась невозмутимой.

– У меня для вас сюрприз, Ролан. Охрана взяла Фантома.

– Что? Откуда он взялся?

– Старик удрал из плена. Не знаю, как, но его выпустили два сообщника. Втроем они лезли из подвала наверх, используя технологические пустоты в стенах. Всех троих взяла охрана яруса, трупов нет, крови нет, потери – несколько синяков. Хотите поговорить или сразу ликвидировать?

Аналитик заколебался. Женщина подошла сзади и положила тонкие пальцы на плечо любовника.

– Давай выслушаем их. В конце концов, эти люди никого из наших не убили

Аналитик отстранился, убирая руку Риты.

– Я не склонен щадить Фантома. Кто двое других?

- Наш старый знакомый Егерь и некто Кравич.
- Про Кравича раньше не слышал.
- Он из охраны, к тому же, пусть слабенький, но псионик.
- Псионик? Псионик спасал Фантома? Приведите их, Луциан. Хочу видеть эту троицу...

Среди блестящего интерьера троица беглецов казалась инородным предметом: Фантом с плотно сжатыми губами, мрачный Егерь со свежим кровоподтеком и Кравич в такой бесильной ярости, что веснушки, казалось, выщвели на покрасневшем лице.

На пленников уже надели наручники. От запястья бывшего шефа Департамента, кроме того, тянулась длинная стальная цепочка, к другому концу которой был прикован толстый безобразный кибер.

– Что за техника?

– Она сломана. Мы не смогли по-быстрому отцепить машину, Ролан. Эта штука наглухо прикована к Старика, пришлось бы отрубить ему руку.

– С этим пока не стоит торопиться... Садитесь, господа. Я хочу знать, что позвало вас в дорогу. Технологические пустоты в стенах крайне неудобны.

Фантом смерил мятежного подчиненного взглядом.

– Я не хочу разговаривать с изменником. Впрочем, кое-что все-таки скажу – тебе не много осталось, Ролан. В конечном счете ты проиграешь и отправишься в Холодную Пустоту. Тебя мне не жаль, жаль тех, кто влез в кровавую кашу, поверив демагогу.

– Демагогу? Что вы называете демагогией, бывший генерал?

Фантом пошевелил запястьями в стальных браслетах и промолчал.

– Вот видите, свободные граждане, генерал стесняется сказать...

– Ты сволочь, Аналитик, – вмешался Кравич, – ты опозорил честных сенсов.

– Какие громкие слова... Я много чего мог бы сказать в ответ. Например, что вы ничтожество, Кравич – исполнительное, тупое ничтожество. Но лучше я сделаю так...

Наблюдатель напрягся, ожидая выстрела или удара, но Аналитик всего лишь сунул в его скованные руки тонкую, в четыре листка тетрадь.

– Голова после подвигов не очень болит? Нет? Тогда прочитай это прямо сейчас.

Кравич густо покраснел от ярости.

– Убирайся из моего мозга, ублюдок.

– Сам виноват – не умеешь толком ставить барьер.

Инспектор неловко раскрыл тетрадь, шли минуты, Ролан присел на край стола, Рита устроилась в бывшем кресле Фантома. Фантом с тревогой наблюдал, как сбегает краски с лица Кравича. Сначала яркий румянец сменился желтизной, потом кожа щек приобрела серый, болезненный оттенок. Инспектор уронил тетрадь на колени, губы его дрожали, как у плачущего ребенка.

– Это правда, мой генерал?

Фантом чуть заметно вздохнул.

– Это гипотеза, Фил, это только одна из гипотез. Не спеши верить ему.

Ничего не понимающий Егерь растеряно вертел головой, норовя потрогать скованными руками синяк на щеке.

– О чем это вы, шеф?

– Ролан утверждает, что сенсов Геонии убивает не использование пси-наводок, а повседневное общение с «нормальными».

Аналитик удовлетворенно кивнул.

– Блестяще, бывший генерал. Вот он – момент истины. Вы знали об этом... Ну ладно, пусть не знали, но догадывались и молчали много лет подряд. При этом использовали таких простаков, как Кравич. Мечтали об технической, безопасной имитации пси-дара для себя

самого и таких же, как вы. Интересно, существует ли жизнь после смерти, будет ли вас мучить совесть? Хотя, едва ли. Совести у вас нет.

Фантом опустил глаза, ощущая прилив ледяного равнодушия.

– Ладно, убейте меня, если вас это утешит. Я грешен, как все, использовал других. И все же никогда, ни разу, у меня не возникало даже тени мысли насчет уничтожения сенсов ради безопасности. Пускай на моей совести эгоизм, зато на вашей – горы трупов, Ролан.

Фантом услышал, как сквозь стиснутые зубы застонал Кравич. Аналитик встал с края стола, подошел вплотную к бывшему шефу Департамента.

– Вы лжете?

– Нет. Войдите в мой мозг и посмотрите сами.

– Он не лжет, Ролан, – вмешалась псионичка.

– Да, он сам верит в свое лицемерие.

Аналитик вернулся на старое место, на край стола. Потрясенный Кравич опустил голову, спрятав лицо в ладони скованных рук. Аналитик пожал плечами.

– Ну и что мне теперь с вами делать, свободные граждане? Какая драма! Вас, Кравич, я понимаю, оказаться лицом к лицу с собственной доверчивостью – ситуация не из приятных... Луциан! Когда мы закончим разговор, возьмите инспектора и запирайте его куда-нибудь, пусть хотя бы спокойно проплачется. Против вас, Егерь, я не имею ничего... Ну, почти ничего. Честный, в меру тупой исполнитель. Если продажные отцы сенаторы согласятся, я вас обменяю... да хоть на любого псионика средней руки! А вот вы, Фантом... Луциан, этого выведите в коридор и расстреляйте немедленно. Простите, мой бывший шеф, но вы слишком умны, следовательно, вы опасны.

Аналитик снова встал, прошелся по кабинету и остановился рядом с креслом, в котором сидела Рита. У ног Фантома что-то слабо затрещало.

– Ого, этот кибер не совсем сломан...

Аналитик повернулся, намереваясь сделать шаг вперед. Что-то неуловимо переменялось в самой ауре места. Фантом стиснул зубы. Егерь оторопело смотрел, как заваливается навзничь, роняя излучатель, потерявший сознание Луциан. Рита молниеносно прыгнула вперед, выбрасывая тонкое тело из кресла, но не успела – взметнулся черный поток волос, девушка упала без сознания, прикинув к ногам Аналитика.

Аналитик держался дольше всех – несколько секунд. Он видел все, успел испить горечь поражения, ощутить отчаяние, дотронуться до самого края Холодной Пустоты. Потом сдался и он.

Кибер Макс хрюкнул и ласково ткнулся мордой в ботинки Фантома.

– Готово.

– Надо отомкнуть наручники.

Аналитик добрал до бесчувственного Луциана, пошарив, нашел ключ, подобрал излучатель. Освобожденный Егерь взял Кравича за плечи.

– Шеф, инспектор расклеился совершенно.

– Налейте ему воды.

– Признаться, я тоже вне себя. Какое-то время мне казалось, что план провалился. Наш гомункулус слишком долго не вмешивался.

– Все мое время, Макс молодец. Этот мерзавец Аналитик отчасти зачаровал даже меня. Я и сейчас ему верю. Что будем делать?

– Выстрел в висок изменнику, потом уходим наружу.

– Лучше наденьте наручники на псиоников, у меня есть идея. Конечно, наш добрый друг Аналитик сменил пароли в Системе. Но если все-таки туда пробраться... Макс! Ты сможешь взломать пароль высшей сложности?

– Даже с моими способностями, шеф, понадобится не менее четырех часов.

- Ты сможешь в случае чего заблокировать попытки пси-наводки?
- Да, если не буду слишком занят другой задачей.
- Егерь, сколько выдержит эта дверь?
- Если мятежники дорожат жизнью вожака, то хоть сколько.
- О паролях мы можем расспросить Ролана.
- А что потом, шеф?
- Он предстанет перед трибуналом.
- Тогда огласка дела об умирающих псиониках неизбежна.
- Она все равно неизбежна, – Фантом повел взглядом в сторону скорчившегося на стуле

Кравича.

- Шеф, а что, если...
- Нет. Инспектор уйдет живым. В конце концов, утечка информации уже произошла –

что-то ведь толкнуло псиоников на мятеж.

Егерь поднял с пола обмякшего Ролана, забросил его в кожаное кресло и наполнил из сифона стакан. Порция холодной воды в лицо и пара пощечин привели Аналитика в чувство.

- Я вам ничего не скажу.
- Тогда скажет твоя подружка. Мне заняться ею?
- Вы урод, Егерь, оставьте девушку, она все равно ничего не знает.
- Вот и проверим.
- Я подниму шум – вам не выйти отсюда живыми, ярус занят моими людьми.
- Дверь прочная – вопи громче, подонок. Хорошее назидание прочим изменникам – тем,

кто стрелял в спину своим товарищам.

Аналитик попытался вскочить, Егерь толчком под ложечку отправил его обратно в кресло.

– Ох. Чего вы хотите? Пароли к Системе? Вам все равно не связаться с Сенатом. Сеть связи уцелела едва ли на четверть, у меня контакт только с нашими людьми в городе. Они вас и слушать не станут...

- Пароль ментальный?
- Да.
- Открывай доступ.
- Зачем?
- Мы предложим им сдаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.